
МИР
МИРУ
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Новая Москва. Высотное здание на Котельнической набережной.
Фото И. Шагина.

На первой странице обложки: фотокомпозиция С. Осипова и Е. Умнова.

На последней странице обложки: Москва в праздничную ночь.
Фото И. Шагина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 45 (1378)

7 НОЯБРЯ 1953

31-й год издания

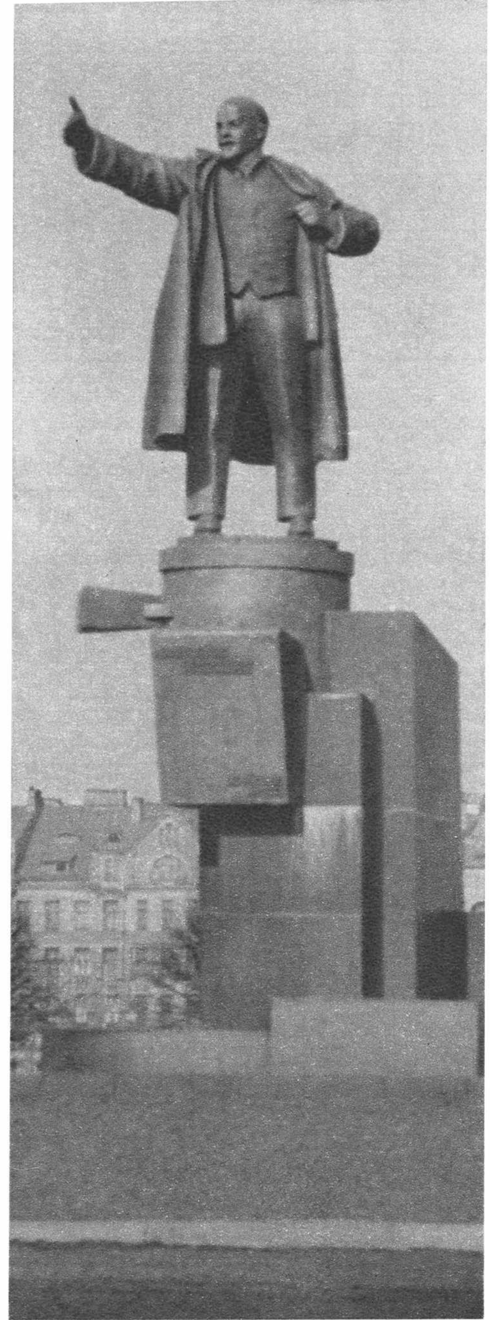
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Первое в мире социалистическое государство вступает в 37-й год своего существования. Немногим более трех с половиной десятилетий отделяет нас от исторических дней, когда наш народ, руководимый Коммунистической партией, созданной и выпестованной великим Лениным, навсегда сбросил с себя иго капитализма и приступил к строительству нового, не знающего эксплуатации общества. Освобожденный народ призывал к установлению мира, к прекращению империалистической войны. Октябрьская революция, открывшая новую эру в истории человечества, обеспечила все условия для непрерывного роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, открыла народу путь к счастливой, свободной жизни.

Черные силы капиталистического мира стремились отнять у советских людей завоеванную ими свободу и независимость. Из 36 лет существования советской власти около 15 лет народы нашей страны вынуждены были отбиваться от армий интервентов и залечивать раны, нанесенные навязанными нам войнами. Но и в этих условиях советская Родина достигла гигантских успехов в области мирного строительства, превратилась в могучую индустриально-колхозную державу.

В СССР создана первоклассная современная промышленность. Теперь, на базе гигантски развитой тяжелой промышленности, у нас есть все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления.

Да здравствует 36-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

Под знаменем Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к торжеству коммунизма!

В последнее время Коммунистическая партия и Советское правительство приняли важнейшие решения, направленные к всестороннему улучшению условий жизни и быта нашего народа. Намечены решительные меры, направленные к развитию основных отраслей сельского хозяйства. Разработана программа значительного расширения производства промышленных товаров широкого потребления, продовольственных товаров и улучшения их качества. Нужды и интересы каждого советского человека нашли отражение в недавно опубликованных постановлениях Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС: в ближайшие два — три года добиться резкого повышения обеспечения населения продовольствием и товарами широкого потребления.

В счастливую пору встречает наша страна 36-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Непрерывно растет материальное благосостояние населения. Все шире становятся возможности для его культурного роста.

Советский народ уверенно смотрит в будущее. Возглавляемый Коммунистической партией, он не пожалеет ни сил, ни труда для приумножения могущества своей любимой Родины, для построения коммунизма.

В цехах ленинградского Кировского завода трудятся люди нескольких поколений. Рядом с участниками октябрьских боев, утверждавшими власть Советов в 1917 году, здесь можно встретить людей, начинавших свой жизненный путь в годы первых пятилеток, и юношей, только что окончивших ремесленное училище.

На снимке (слева направо): Г. Рыборецкий, Г. Карасев, В. А. Федоров, С. М. Дорофеев, А. К. Мирошников, В. Ганичев и В. Киселев.

Старшее поколение кировцев представлено А. К. Мирошниковым и В. А. Федоровым — они были членами красногвардейской боевой путиловской дружины, принимали участие в штурме Зимнего дворца. Рядом с ними трудятся учащиеся ремесленного училища Геннадий Рыборецкий, Геннадий Карасев, Вениамин Ганичев, Владимир Киселев. Бывший ремесленник С. М. Дорофеев работает технологом и одновременно учится в Ленинградском механическом институте.

Фото Н. Карасева.

ТВОРЦЫ ИСТОРИИ

Евгений КРИГЕР

Осенней порой, в конце октября, нет, нет, да и проглянет в Москве ясный денек, схлынут с неба сизые, набухшие снежным холодом облака, солнце размоет хмурую дымку, поглощавшую все цвета, кроме серого, и вдруг в неожиданной июньской чистоте и свежести красок откроется из окна такой знакомый, милый и вечно новый для нас город.

Башни тридцатиэтажных зданий, особенно на Ленинских горах, показали нам Москву с высоты почти авиационной. Бесконечно разнообразное и в то же время слитное, полнозвучное, как музыкальный аккорд, зрелище столицы стало еще полнее и шире, охватило далекие от центра заставы, недавние окраины и предместья, слившиеся теперь с каменной плотью города. А там, за паровозными дымками депо, уходит в неразличимую даль громада новых районов, там все она — Москва, Москва...

Всякий раз, когда видишь ее с большой высоты, возникает одно впечатление, может быть, наивное, сохранившееся с детских лет, но попрежнему сильное, властное, как ощущение пространства и вечности, на миг посещающее нас при долгом созерцании звездного неба. Не столько рассудком, а как-то всем существом постигаешь, что в этой необъятности города каждый из миллионов и миллионов камней в стенах его домов уложен человеческими руками, вся его неохватная ширь, все — от мчащихся под землей поездов до шпилей на башнях, уходящих под облака, — сотворено волей и вдохновением человека.

Чувство восторга и гордости покоряет тебя при взгляде на Москву с вышины, при мысли о том, что столица наша велика не только своими размерами, строениями, искусством зодчих и каменщиков.

Москва — это баррикады революционной Пресни. Это рабочие и солдаты, выбивавшие юнкеров из Кремля в октябре 1917 года. Это народ, внимавший на Красной площади простым, как правда, словам Владимира Ильича Ленина.

Народ, люди труда, создают все ценности на земле.

Народ движет вперед историю.

Ленин учит, что народ — творец истории, что «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

В этом сила Советского государства, сила и счастье советских людей.

Счастливым людям нелегко рассказать, почему они счастливы. Радость существования, окрыляющая счастливого человека, обнимает все вокруг, освещает все его впечатления, мысли, чувства, поступки. Точно так же коммунистическое в жизни советских людей пронизывает словно солнечными лучами все богатство советской действительности, присутствует во всем, как воздух, которым дышит человек.

«Мои методы приобретают ценность только тогда, когда они становятся вашими», — так сказал, обращаясь к товарищам по труду, рабочий-новатор, кузнец первого класса Горьковского автомобильного завода Елизар Куратов.

В простых этих словах по-своему проявилась ленинская мысль о природе человеческих отношений в стране социализма, где забота о «ближнем» становится, по выражению Владимира Ильича, заботой о «дальнем», о творческом успехе каждого из советских людей.

Разве это не счастье — сознавать, что твой новаторский опыт в соединении с опытом миллионов строителей коммунизма неизмеримо повышает производительность труда на заводах, на шахтах, в колхозах, ускоряет работу сотен тысяч станков и машин, открывает новые возможности в технике, увеличивает богатство и мощь нашей Родины?

Для советских рабочих, мастеров, инженеров, агрономов, комбайнеров каждый производственный успех — это не только шаг вперед в развитии науки и техники. Они знают, что станки и машины, работающие на повышенной скорости, помогают строить новые города, возводить дворцы энергии — гидростанции, — добиваться наивысшего плодородия, на богатых и на бедных почвах выращивать лесные массивы там, где только палящий ветер гулял на пустынных пространствах, сооружать новые школы, университеты, клубы, санатории, курорты — делать прекрасной и землю и жизнь человека.

Наконец, если говорить о личном увлечении одаренного человека любой профессии, то наивысшая его радость — творчество.

В книге лауреата Сталинской премии, токаря-скоростника Московского завода шлифовальных станков Павла Быкова есть такие слова:

«Мне кажется, что работа токаря имеет некоторое сходство с работой скульптора. Как скульптор в гипсе, в глине выражает свою мечту, свою художественную идею, так и токарь в металле осуществляет замысел конструктора, запечатленный на чертеже... Изящество, гармоничность деталей свидетельствует прежде всего о строгом соблюдении технологии».

Сказано скромно, с упором на соблюдение технологии. Но в томто и дело, что весь громадный опыт Павла Быкова, двинувший вперед технику обработки металла и в нашей стране, и в странах народной демократии, и в далеком Китае,— это есть опыт его самостоятельных, творческих поисков новой технологии.

Техника для него — любимое дело, в ней проявились его призвание и талант. Но круг интересов советского рабочего не замыкается техникой, она не самоцель, а средство для строительства новой жизни, для служения народу, родной стране, коммунизму. Поэтому и книгу свою Павел Быков назвал «Путь к счастью», а эпиграфом к ней избрал проникновенные слова А. М. Горького: «Нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда!»

Большой и славный путь! По нему идут миллионы советских людей, патриотов, строителей новой жизни. У них великий и мудрый учитель, наставник и вдохновитель — партия. Под знаменем Коммунистической партии рабочие, колхозные крестьяне, интеллигенция нашей страны, сыны и дочери трудового народа живут, действуют, побеждают как подлинные творцы истории.

Вот один из миллионов — магнитогорский сталевар Мухамед Зинуров. В его биографии, как солнце в капле воды, отразилась жизнь нашего народа, нашей Отчизны. В годы первой пятилетки, в начале великих работ, продвинувших СССР на целые десятилетия вперед, Мухамед Зинуров стал бетонщиком. В степи, у подножия горы Магнитной, он укладывал бетон в основание первых коксовых и мартеновских печей. Металлургия была для него тайной за семью печатями. Он стал учеником пятилетки, он решил работать сталеваром на тех самых печах, которые строил своими руками.

Огни Москвы.
Фото В. Кошевого (ТАСС).

Зинуров овладевал новой профессией упорно, страстно,— недаром друзья говорят о нем: он сам похож на огонь и на сталь. В прошлом неграмотный человек, Зинуров не только научился варить сталь: он усовершенствовал приемы мартеновского дела, прославился как один из первых сталеваров-скоростников, стал лауреатом Сталинской премии.

И приятно ему, что вместе с ним удостоились этой высокой награды молодые друзья его, искусные сталевары Иван Семенов и Владимир Захаров. Но это уже питомцы новой школы советских рабочих. Они пришли в цех из ремесленного училища. Вооруженные знаниями, они находят новые методы работы не на ощупь, не только догадкой и «озарением» талантливых людей, а на основе точного представления о существе процессов в том царстве огня, каким является мартеновский цех. Имена Зинурова, Семенова, Захарова знает вся страна. Еще бы, вместе с другими людьми комбината они вслед за доменщиками умело переплавляют в печах немалый кусок земной коры — драгоценную руду горы Магнитной!

В старой России считали, а в Англии и в США и по сию пору считают проклятием профессию шахтера-угольщика. Но вот что говорит 23-летний Порфирий Трефелов — машинист угольного комбайна кузбасской шахты имени С. М. Кирова: «Мой отец тянул лямку на нищенском земельном наделе. Он был в мои годы гол и бос и не знал, что с ним будет завтра. Я же твердо стою на земле. У меня прекрасная профессия».

Своим героям-шахтерам Советская страна вручила невиданные прежде машины. Там, где когда-то, скорчившись во мгле и в тесноте угольного пласта, одиноко трудился забойщик со своим обушком, где коногон уныло понукал ослепших от вечного пребывания под землей лошаденок, теперь в сиянии электрических огней, в пении многих моторов работают первоклассные советские подземные фабрики угледобычи.

Юношей пришел Порфирий Трефелов на кузнецкую шахту, но по примеру множества своих друзей — шахтеров Сибири и Донбасса — он с первых шагов стал дружно работать с мастерами, горными инженерами, конструкторами новых машин. Порфирий Трефелов, воспитанник школы-семилетки, быстро находил с ними общий язык, общие интересы — интересы преобразователей, новаторов техники. Опираясь на богатейшие возможности угольного комбайна, юноша участвовал в создании принципиально нового графика организации труда, новой планограммы работ в лаве.

В соревновании с Василием Кучером, знатным комбайнером Донбасса, Трефелов и его товарищи давно добились в своей лаве невиданной прежде выработки — больше 20 тысяч тонн угля за месяц — и начали борьбу за новый уровень угледобычи — за 25 тысяч тонн угля на комбайн! Молодой советский шахтер стал советчиком конструкторов. Вместе с друзьями по лаве он переписывался с машиностроителями Горловки, вносил поправки к отдельным узлам чудо-машины. И в скором времени с Украины в Сибирь прибыла тяжело нагруженная железнодорожная платформа. «Создатели горных машин, — пишет 23-летний лауреат Сталинской премии Порфирий Трефелов, — прислали мне именной комбайн». Славной, но несбыточной сказкой сочли бы это шахтеры старой России, горняки нынешних Англии и Америки. У нас это вошло в обычай. Народ наш любит своих искусных и доблестных горняков. Их общим творческим подвигом добыча угля в СССР с 1925 по 1953 год увеличилась в девятнадцать раз!

С повелителями могучих машин, действующих на заводах и шахтах, увлеченно соревнуются хозяева новой техники социалистического сельского хозяйства — трактористы, комбайнеры, сельские механизаторы. На колхозные просторы выходят армии новых и новых машин, позволяющих превратить земледелие в единый, слаженный комплекс механизированных работ.

Новые профессии, невиданные в старой деревне, появились в колхозах — механики, электрики, гидротехники, лаборанты, люди, умеющие дружить с наукой, ведущие переписку с учеными, открывающие новое в науке о плодородии. Это там, где одинокий крестьянин выходил когда-то в поле с сохой, с косулей, с деревянным плугом!

Новаторы земледелия — а в нашей стране их неисчислимое множество — участвуют в преобразованиях громадного исторического значения. Все они, каждый в меру своих сил и талантов, так же, как весь народ, творцы истории.

Чье имя назвать? Их много было в последний год. Обо всех не расскажешь, пусть на сей раз это будет комбайнер Явкинской МТС Николаевской области, Герой Социалистического Труда А. Поточилов. Семнадцатый сезон трудится он за штурвалом комбайна. Свыше 600 большегрузных вагонов понадобилось бы для перевозки хлеба, который намолотил он за эти годы.

И все же отличный комбайн «Сталинец-6» остается для него источником новых исканий, новых методов организации труда на уборке. В нынешнем году зерно с его сухопутного корабля, плывущего в пшеничном море, не нуждалось в обработке на колхозном току. Поточилов и его помощники усовершенствовали первую очистку, установили третью очистку, и теперь зерно с движущегося комбайна, минуя полевой ток, чистым золотым потоком направляется прямо на склады. Многих людей избавил Поточилов от тяжелого ручного труда, приспособив к комбайну облегченную волокушу для стогования соломы. Наконец, строжайшим соблюдением часового графика он довел бесперебойную работу комбайна до 17—19 часов в сутки.

О подобных успехах в свое время можно было только мечтать. Но так быстро новое пробивает себе дорогу в нашей стране, что ныне уже сотни механизаторов своей смекалкой нашли и внедрили столь же умные и смелые приемы работы.

Мастера урожая, миллионы тружеников колхозной деревни, тесно связанные с людьми науки, знают, что сельское хозяйство нашей страны самое механизированное в мире. Советское государство вооружило их первоклассной техникой машинно-тракторных станций. Новый прилив творческих сил вызвало у колхозного крестьянства постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Всенародной задачей провозгласила партия осуществление мощного подъема всего социалистического сельского хозяйства, чтобы в ближайшие два — три года страна наша в достатке имела и продовольственные продукты и сырье для легкой и пищевой промышленности.

Вдохновленные призывом партии, сотни и тысячи агрономов, механизаторов, инженеров направились из городов в колхозные деревни и села. Советское государство воспитало огромную армию специалистов сельского хозяйства. Это к ним обращены призывные слова Никиты Сергеевича Хрущева о необходимости «...развить чувство профессиональной гордости у каждого специалиста, пробудить в нем дух творческого искания, дух неукротимого преобразователя земледелия и животноводства».

Перед ними открыт простор для претворения в жизнь самых смелых, разумных, научно обоснованных замыслов и преобразований. Недалеко время, когда колхозное крестьянство в союзе с рабочим классом, с людьми техники и науки освободит сельское хозяйство от капризов природы, от губительного влияния суховеев, засухи, непогоды и обеспечит при всех условиях возможность выращивать устойчивый урожай, невиданный в истории земледелия. Это благородная задача, и народ наш решит ее во имя довольства, счастья и процветания каждого из миллионов советских людей.

Многих мастеров своего дела партия и правительство призвали все в бо́льших количествах создавать то, что нужно советскому человеку в быту, что украшает его жизнь, что радует его в повседневном домашнем обиходе.

Каждый из советских людей по своему трудом и творческим подвигом благодарит Родину за материнскую ее заботу о счастье советского народа. Одни украшают жизнь, создавая ткани, сияющие веселым, солнечным цветом, другие на высоте птичьего полета укладывают камни в стены светлых, величавых строений. Многим известно имя знатного каменщика, лауреата Сталинской премии Василия Королева. Смелый опыт его развил и продолжил на своем участке работы молодой строитель, облицовщик Николай Бацура, участник сооружения высотных зданий столицы. Вместе с товарищами и мастерами он остроумно расчленил операции облицовки, перевел работу на поток, и вскоре выработка его бригады превысила девять дневных норм. Можно было наблюдать, как там, в вышине, огромные плоскости стены буквально на глазах обретают нарядную одежду из массивных керамических плит.

Мы видим сегодня советские города в строительных лесах. Мы любуемся новыми прекрасными зданиями, дворцами культуры, стадионами, театрами, санаториями. Праздник мы встречаем новосельем в новых домах. Мы радуемся подвигу строителей, подающих газ с далеких месторождений в тысячи квартир, подвигу людей, добывающих новые источники энергии, света, тепла.

Во всем этом — неисчислимый, многообразный, представленный сотнями профессий труд народа-строителя, призванного планету нашу для веселья «оборудовать».

Народ, идущий к солнечным высотам коммунизма под знаменем Коммунистической партии, — поистине творец истории.

На постоянную работу в МТС. Преподаватель техникума инженер В. К. Мирошниченко (слева), назначенный главным инженером Константиновской МТС Сталинской области, беседует с участковым механиком Ф. А. Потаповым.

Фото Я. Рюмкина.

В ОДНОМ СТРОЮ

Они шагают рядом — советские рабочие и китайские практиканты.

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото С. Фридлянда.

Ван Чен-чжи и Иван Кравченко спешат к утренней смене. Они идут средь густого потока торопящихся людей. Уже пробасил и смолк гудок металлургического завода имени Кирова. За три месяца Ван научился распознавать его голос в том могучем хоре, звучанием которого начинается трудовой день Запорожья.

В этот час на заводских дорогах — и возле Запорожстали, и у Днепроспецстали — повсюду можно видеть, как шагают рядом советские рабочие, инженеры, служащие и те, кто приехал из Китая на предприятия СССР за производственным опытом — «на практику», как говорят в Запорожье.

Международные экспрессы мчат из Китая в Советский Союз многие сотни людей, чтобы встали они у станков, верстаков, плавильных печей и конвейеров, рядом с теми, кто за годы индустриальных пятилеток накопил опыт самого передового в мире, социалистического труда. Это бесценное сокровище передается из рук в руки. Как прежде передавал отец сыну, брат брату свое умельство, свое мастерство, так ныне передает их советский народ китайскому народу, своему трудовому брату.

— Цзин ли! Цзин ли! — слышится со всех сторон. Рожденное в Китайской Народно-освободительной армии, это слово воинского приветственного салюта полюбилось на запорожском заводе и звучит здесь паролем дружбы. Напутствуемые возгласами привета, расходятся по цехам и отделам китайские практиканты.

Рядом с каждым китайским практикантом стоит советский рабочий или специалист и шаг за шагом учит всему, что умеет сам. Вот закончилась смена, и все собираются вместе: рабочие, бригадиры, практиканты. Идет на ходу передача вахты. В эту торопкую минуту речь заходит не только о том, как сработал плавильный агрегат, на каком режиме шел он, но и о том, чему научились за смену китайские друзья. И все чаще слышатся на этих пересменах слова одобрения обычно скупых на похвалу плавильщиков:

— Правильные ребята! Таких учить любо.

А начальник смены Георгий Андреевич Лактионов, в вахте которого особенно много практикантов, сказал при передаче смены:

— С такими учениками и потягаться будет интересно. Вот выстроят в Китае завод, как в Запорожье, вызовем тогда вас на соревнование. Идет, что ли, директор Ван?

Ван Чен-чжи называют на запорожском заводе «директор Ван» в отличие от трех других практикантов, носящих ту же фамилию, еще более распространенную в Китае, чем у нас Иванов. Товарищ Ван — будущий технический директор металлургического завода, что входит в число тех 141 китайского предприятия, которые будут построены и реконструированы при советской помощи. Пятнадцати лет вступил он в Народно-освободительную армию: был бойцом, разведчиком, политработником. После войны партия послала его на руководящую хозяйственную работу. Сейчас он возглавляет группу китайских практикантов на заводе имени Кирова. Многие из них только что закончили в Китае высшие технические учебные заведения; они готовятся стать начальниками цехов и отделов будущего завода. Есть и рядовые рабочие, которые станут бригадира-

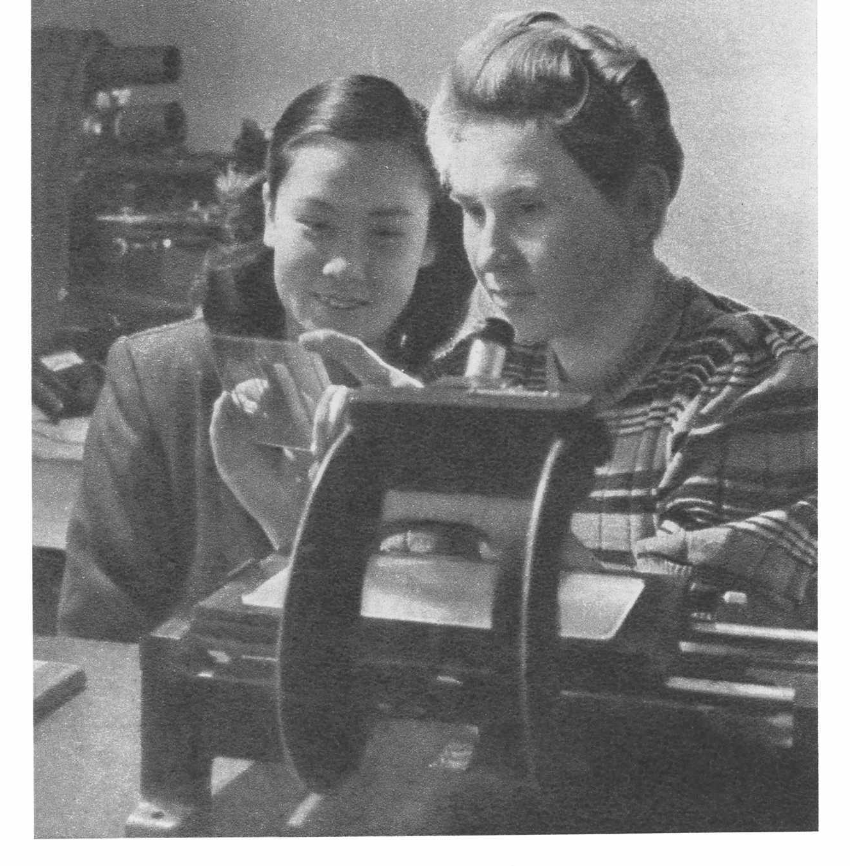
«А как быть, если...» — такова формула контрольных вопросов, которые задает начальник цеха Э. Г. Митров.

Идет на ходу передача смены. Все собираются вместе: рабочие, бригадиры, друзья из Китая.

В семье инженера Новака занимаются с «дядей Алешей».

Инженер Мария Дьяченко знакомит инженера Чжао Цзинь-лин с методами спектрального анализа.

ми и начальниками смен. Но все они свою практику в СССР начали на производственных вахтах дублерами квалифицированных рабочих. А потом каждый движется — ступенька за ступенькой — к должности, которая для него намечена.

И перед новым подъемом на ступеньку — беседа, товарищеский экзамен, все ли изучено, все ли усвоено на прошедшем этапе обучения.

«А как быть, если...» — такова формула контрольных вопросов, которые задает начальник цеха Эммануил Григорьевич Митров. Много неожиданностей в плавильном процессе. Как поступать в том или ином случае? Сейчас об этом можно спросить у бывалых советских товарищей. Но там, в Китае, когда придется вести плавки самостоятельно, принимать решения незамедлительно,— там надо будет полагаться на свои знания. Нет ли в них пробелов, в этих знаниях? К чему еще надо приглядеться, во что вникнуть глубже, что почитать? Об этом беседует Митров с будущим начальником техотдела завода Юань Цзо-женем, со знакомым уже нам «директором Ваном» и с Сюй Шу-теянем, который готовится стать начальником цеха. А в результате беседы приказ: товарища Вана считать закончившим дублирование обязанностей начальника смены и продолжить практику в должности дублера начальника корпуса. Остальных тоже передвинуть на ступеньку выше.

С традиционным трудолюбием, прославившим китайскую нацию, учатся наши друзья. Нелегко их учение. Вахта на заводе, короткий отдых в общежитии — и снова на завод, в аудитории учебного комбината, где практика подкрепляется теорией. Лектор говорит медленно, повторяя по нескольку раз каждую фразу: слушатели стараются понять лекцию и законспектировать ее без помощи переводчика. Только несколько рабочих ведут конспекты на китайском языке. У остальных все записи на русском. Разговаривать по-русски иные еще стесняются — говорят, смущаясь, медленно, с милым мягким акцентом. А пишут удивительно грамотно и литературно. Это дается ценой невероятной усидчивости, ценой бессонных ночей, проведенных в диктантах друг другу, за русско-китайским словарем, за русскими газетами, журналами, книгами. Они всюду в общежитии, эти книги — Ленин и Сталин, три тома Мао Цзэ-дуна на русском языке, обширная техническая литература, Толстой, Горький, Маяковский, Фадеев, Гоголь («Надо же узнать про Запорожскую сечь, раз живешь в Запорожье»).

Занятия не ограничиваются временем цеховой вахты или часами, проведенными в учебном комбинате. В вечерние часы в десятках квартир кировцев, за письменными столами, при свете настольных ламп друзья склоняются над чертежами и книгами: десять месяцев не столь уж большой срок, а так много нужно и хочется узнать!

В семье инженера электрической подстанции завода Ивана Ивановича Новака происходят домашние занятия с его дублером и другом Хэн Чжао-хуном. В них принимает участие и супруга Новака Валентина Ивановна, техник Днепроэнерго. Втроем они разбирают схему энергосистем, методы непрерывного электроснабжения плавильных агрегатов. Маленькая Таня Новак в такие часы терпеливо ждет. Она знает: настанет и ее время, и тогда она завладеет своим любимцем, которого зовет почему-то «дядя Алеша». Дядя Алеша, наверное, покажет ей новый фокус или расскажет китайскую сказку о злых драконах и добрых старцах, а она прочитает ему новый стишок, который специально выучила. В нем есть такие строки:

Дети Китая и Индии дети,
Дети всех наций, живущих на свете,
Вставайте в шеренгу одну!

Дружеские встречи после работы происходят не только на квартирах запорожцев, но и в общежитии на Рекордной улице, где проживают практиканты. Сюда приходят товарищи по смене, преподаватели учебного комбината помочь, расспросить о жизни в Китае, рассказать о былом, сразиться в шахматы.

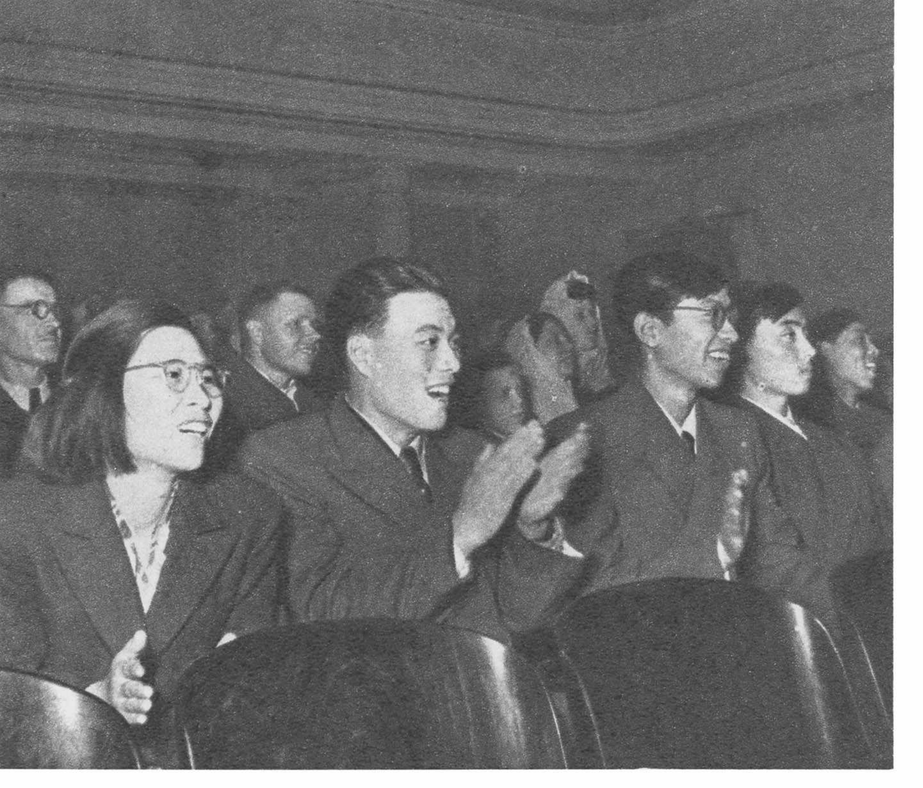
На днях особенно людно было в комнатах практикантов: общежитие отмечало день рождения Чжао Цзинь-лин.

Инженер Чжао Цзинь-лин, или попросту, как она сама просит себя называть, Дина, проходит практику в центральной лаборатории завода. Здесь ее обучает инженер Мария Дьяченко. За короткое время молодые женщины стали подругами, и как-то невзначай Дина проговорилась Марии, что ей скоро исполнится 21 год. Мария спросила, когда именно. Дина назвала день, и Дьяченко объявила по лаборатории: «Девушки, мы должны отметить день рождения Дины!» Напрасно Чжао Цзинь-лин отнекивалась, объясняла, что в Китае принято отмечать день рождения только у детей или у пожилых людей. Дьяченко настаивала: «А у нас иначе, сделай уж по нашему обычаю». Этот обычай понравился жильцам общежития, и все они приняли участие в подготовке к торжеству. Решили угостить гостей блюдами китайской кухни. После смены трое практикантов повязали где-то раздобытые белые фартуки, стали к плите — и весь дом наполнился ароматами необычайных специй.

Гости приходили всей семьей: муж, жена, дети. Нанесли подарков: украинские вышивки, круже-

— А у нас принято целовать,— говорит Дьяченко смутившейся подруге.

В зале Дворца культуры они с интересом слушают выступления участников заводской самодеятельности.

— Вместе с китайскими бойцами мне довелось сражаться в этих местах в годы гражданской войны,— рассказывает директор завода Е. А. Синченко во время экскурсии по Запорожью.

«Что строится в Китае? Где? В какие сроки?» Китайские товарищи едва успевают отвечать на вопросы.

ва, альбомы, духи, цветы, книги. А заводской кондитер соорудил преогромный пирог с надписью (на китайском не осилил, написал по-русски): «Дорогому другу Дине в день ее рождения». Как ни объясняла Дина, что в Китае так не принято, гости целовали ее, поздравляли и желали «вань суй» — десять тысяч лет жизни.

За праздничным столом пели вместе на русском и китайском языках «Широка страна моя родная», «Москва — Пекин», «Гимн демократической молодежи мира», «Смело, товарищи, в ногу» — эти песни знает весь Китай. Все одобрили и творчество кондитера, и запорожские арбузы, и изделия самодеятельных поваров — курицу в тесте, свинину в соусе, чай, сервированный на китайский манер. Было шумно и весело. И, пожалуй, никто из гостей не пожалел, что, по китайскому обычаю, из горячительных напитков был только... один душистый чай.

Всем очень понравилось, как поют китайские друзья: слаженно, скандируя, в маршевых ритмах. Их попросили выступить на заводском смотре самодеятельности, который как раз проходил в прекрасном, недавно отстроенном Дворце культуры завода. Когда со сцены объявили, что сейчас выступит хор китайских специалистов, зал поднялся и долго аплодировал, выражая всю силу дружеских чувств к народу великого демократического Китая. Певцов горячо приветствовали и после знакомых мелодий советских композиторов и после китайских песен «Алеет восток», «Марш Народно-освободительной армии». Шумное одобрение получило исполнение народных китайских песенок на губной гармонике техником Сы-Ма Юем.

А назавтра произошла другая встреча. По просьбе командиров производства товарищи Ван, Лю и Юань сделали сообщение заводскому активу о пятилетнем плане развития народного хозяйства Китая. С живым интересом слушали рассказ о строительстве заводов и электростанций, об итогах аграрной реформы, о великих изменениях, происшедших в культурной жизни Китая, о планах на будущее.

Вопросы задавали наперебой. Поинтересовались даже тем, нравится ли друзьям местная кухня. И все с удовлетворением услышали в ответ, что приехавшие товарищи значительно прибавили в весе, а Дина — та даже на целых шесть килограммов, и что местная кухня очень нравится, в особенности же украинский борщ.

В одно из воскресений для практикантов организовали экскурсию по Запорожью и его окрестностям. Ездили на заводском автобусе. Объяснения давал директор завода Емельян Андреевич Синченко. Ему довелось сражаться в этих местах в годы гражданской войны в части, где служили и слыли отличными бойцами китайские стрелки. Долго стояли экскурсанты на плотине, слушая рассказ, любуясь величественной картиной укрощенного Днепра, разглядывая скалы у подножья плотины.

— И в Китае по советскому примеру началось укрощение великих рек, и у нас будут грандиозные электростанции,— сказал Ван Чен-чжи.

...Столько впечатлений за три месяца! О них хочется написать родным и друзьям. Много писем уходит каждый день в Китай. Обширная корреспонденция поступает и оттуда.

«Любимый отец! — пишет из Китая Го Мин-сюню его сын.— Ваше письмо принесло великую радость в семью. Я читал его нашей бабушке, матери и трем сестрам, а также соседям Гуан Джо-веню и Сю Эн-ю. Они все рады за вас, дорогой отец, и шлют вам горячие пожелания успеха».

Мать Дины — ее зовут Ван Жуэ-чжень — спрашивает, может ли она прислать посылку для незнакомых, но близких сердцу советских друзей ее дочери, с которыми она хотела бы познакомиться письменно.

За «великую, всестороннюю, долгосрочную и бескорыстную помощь» сердечно поблагодарил Советское правительство и советский народ в недавней своей телеграмме товарищу Маленкову председатель Центрального народного правительства Китайской Народной Республики товарищ Мао Цзэ-дун. Обучение китайских специалистов на советских заводах, теплая забота о них наших людей — одно из проявлений этой всесторонней помощи, проявление великой и нерушимой советско-китайской дружбы.

В свободное время гости-практиканты знакомятся с городом.

Советские люди рассказывают...

Интервью «Огонька»

Все мечты свершаются

Василий Иванович ГОЛОВЧЕНКО, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда

Двадцатилетним парнем я ушел на фронт. Учился, стал водителем самоходного орудия. На войне я видел немало чужих земель, участвовал в боях за освобождение Румынии, Венгрии, Австрии и других стран. И всегда я мечтал об одном: о мирной жизни, о том счастливом дне, когда снова увижу милую сердцу Тамань. За родные свои края я сражался так, как подсказывала мне совесть.

Мой скромный вклад в защиту Отечества был оценен очень высоко: мне присвоили звание Героя Советского Союза.

И вот я снова на Тамани. Собственно, станицы нашей не было — лежало голое поле, заросшее терном и ежевикой...

Смотрю я теперь вокруг и думаю: как много сделано за такой сравнительно недолгий период!

Пошел я работать в Старо-Титаровскую МТС, принял бригаду. Все как будто шло хорошо. Собирали урожаи бо́льшие, чем до войны. Но чувствовал, что недостает мне знаний. И я поехал учиться в школу механизации сельского хозяйства, а каждое лето по примеру известного комбайнера страны Константина Борина работал на комбайне.

В. И. Головченко.
Фото А. Галаганова.

Летом 1951 года я работал особенно продуктивно. Второй раз в жизни я испытал неописуемую радость: мне присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Я с упоением отдаюсь любимому делу. Но меня продолжает тревожить, что знаний все еще не хватает. Ведь жизнь идет вперед, и неохота волочиться сзади. Сейчас вновь засел за учебники. В будущем году обязательно поступлю на заочное отделение Техникума механизации и электрификации сельского хозяйства. Я твердо решил получить диплом техника. И, что там таить, конечно, мечтаю о дипломе инженера-механизатора сельского хозяйства.

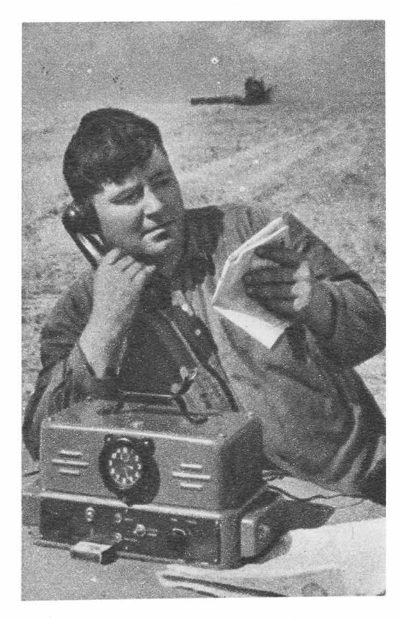
Счастье жизни— в труде

Прокофий Васильевич НЕКТОВ, Герой Социалистического Труда, комбайнер

Трудовой мой путь прост и ясен. Вернувшись с войны инвалидом, в 1944 году я начал работать на комбайне в Белозерском районе, Чкаловской области. Нелегко было мне, лишенному ног, сидеть за штурвалом. Но я добился своего. Сначала водил старую, восстановленную мной машину. В 1949 году по приказу министра тов. Бенедиктова прислали мне новый комбайн — «Сталинец-6». В том же сезоне я скосил 1 132 гектара зерновых. Затем из года в год выработка увеличивалась и достигла 1 640 гектаров.

Нынешний год был особенно удачным: я убрал 1 732 гектара и намолотил 75 тысяч пудов зерна.

Коллектив нашего агрегата думает не только о количестве,— важно обеспечить высокое качество уборки. Косовицу хлебов мы ведем на низком срезе, а при сильном ветре, чтобы избежать потерь колосьев, приспосабливаем ветровой щит.

П. В. Нектов у радиостанции «Урожай».
Фото И. Баранова.

Недавно я испытал огромную радость: мне присвоили звание Героя Социалистического Труда. Что ни день, получаю я десятки телеграмм и писем со всех концов страны. Многие просят меня рассказать о планах на будущее. А план у меня простой: претворять в жизнь решения сентябрьского Пленума ЦК партии.

Главное для меня теперь — заниматься самообразованием, изучать и совершенствовать методы работы передовых комбайнеров страны. Скажу прямо: сидеть на крылечке своего дома я никогда не соглашусь. Счастье моей жизни, смысл моей жизни — в труде на благо Родины.

Встреча с учителем

Мителис ДИРИНЬШ, директор Рижского радиозавода имени А. С. Попова

Я хочу рассказать об одной встрече.

Недавно довелось мне побывать в Варклянах, где я вырос. С подругой детства пришли мы на кладбище почтить память моих родителей и неожиданно встретили там нашего старого учителя Абелтыня. Ему пошел девятый десяток, но он бодр и сразу узнал мою спутницу.

— Оля, — позвал он. — А кто это с тобой?

— Здравствуйте, учитель Абелтынь! — И я почтительно поклонился ему, как делал это, будучи школьником.— Это я, Мителис Дириньш. Трудно меня узнать?

— Дириньш? Неужели? Да, дружок, ты действительно изменился немало.

— Жизнь не баловала, учитель Абелтынь.

Он пригласил нас в свой маленький уютный домик с садиком и огородом. Учитель с волнением показывал нам то, чем гордится больше всего на свете,— орден Трудового Красного Знамени.

— Я доволен своей спокойной старостью, — сказал он. — Но и тебе не приходится теперь мыкаться по свету, как прежде. Счастье-то оказалось у тебя под боком — на своей же родине. Верно?

— Верно, учитель.

— А помнишь, каким ты был, когда мы встретились в последний раз? Давно это было...

Да, это было в ноябре 1926 года, когда я вернулся в Ригу после кораблекрушения без пальто и шапки, в деревянных башмаках... Я, как и остальные уцелевшие матросы, держался на обломках судна два дня и три ночи, пока датский пароход не подобрал нас и не высадил босыми и голыми в родном порту.

— Помню, помню. Ну и зол ты был, Диринъш!

— Еще бы! Судовладелец выгнал меня, и я испытал все муки безработицы. Выбросили меня на улицу и с фанерного завода, куда я с таким трудом устроился. За что? Признали неблагонадежным. Потом работал на радиозаводе, приобрел наконец специальность. Но и оттуда уволили. Снова год безработицы. Это было как раз тогда, когда родился Юрис. Теперь он студент третьего курса политехникума, но тогда я не знал, где достать на хлеб, чтобы сын не умер с голоду.

Счастье пришло в 1940 году, когда Латвия стала советской. Но вскоре началась война, и фашисты гоняли меня по тюрьмам и лагерям, пока я не удрал в лес вместе с семьей. В болотах нашли мы убежище, как и многие другие рабочие и крестьяне. Мы жили в холоде и голоде. А у меня как раз родилась дочь Ирейне,— теперь она учится в седьмом классе и в музыкальной школе. Это было в ноябре...

— Скоро снова ноябрь, Дириньш!

— Теперь ноябрь для меня — праздник, самый радостный праздник! Знаете, учитель, скоро четыре года, как я стал коммунистом, а будь я помоложе, пошел бы учиться, как Юрис и Ирейне. Как нужны мне знания! Ведь завод, где я директором, большой. Мы выпускаем такие первоклассные радиоприемники, как «Рига-10», производим аппаратуру для радиотрансляции по телефонным проводам, готовим новый телевизор. Моя Ирейне решила стать врачом, и она им будет.

Мы тепло попрощались со стариком.

— Прощай, Дириньш!

— До свидания, учитель!

М. Диринъш беседует с передовой работницей Е. М. Аугсткалиете.
Фото М. Савина.

Каждый может стать кем хочет

Николай Александрович АНИКИН, Герой Советского Союза, аспирант Уральского политехнического института

Н. А. Аникин с сыном Сашей и дочерью Ирой.
Фото Ю. Добронравова.

В жизни человека бывают моменты, когда все, о чем мечтал, к чему стремился, что казалось самым важным, отодвигается на задний план. Так случилось со мной в июле 1941 года... Свернув в трубку неоконченный курсовой проект, я отдал его на сохранение лаборанту нашей кафедры в Уральском политехническом институте. Война звала меня туда, где шли бои с врагом. За форсирование Днепра и расширение плацдарма на его правом берегу я был удостоен высокой награды — Золотой Звезды Героя Советского Союза.

...В майские дни 1945 года, после ранения, я вернулся в Свердловск, город, который всегда любил, где прошли мои студенческие годы. На фронте мы не раз с Владимиром Верником, студентом нашего факультета, который оказался со мной в одной части, вспоминали свой институт.

С волнением вошел я снова под своды высокого монументального здания Уральского политехнического института. Меня тепло встретили студенты и преподаватели. Вновь развернул я свой неоконченный курсовой проект по экономике машиностроения.

Нелегко было сначала. Многое из ранее пройденного позабылось. Правая рука после ранения не действовала, пришлось переучиваться и даже чертежи делать левой рукой.

Но настал день, и желание мое сбылось: я стал инженером-экономистом и поступил на Уралмашзавод.

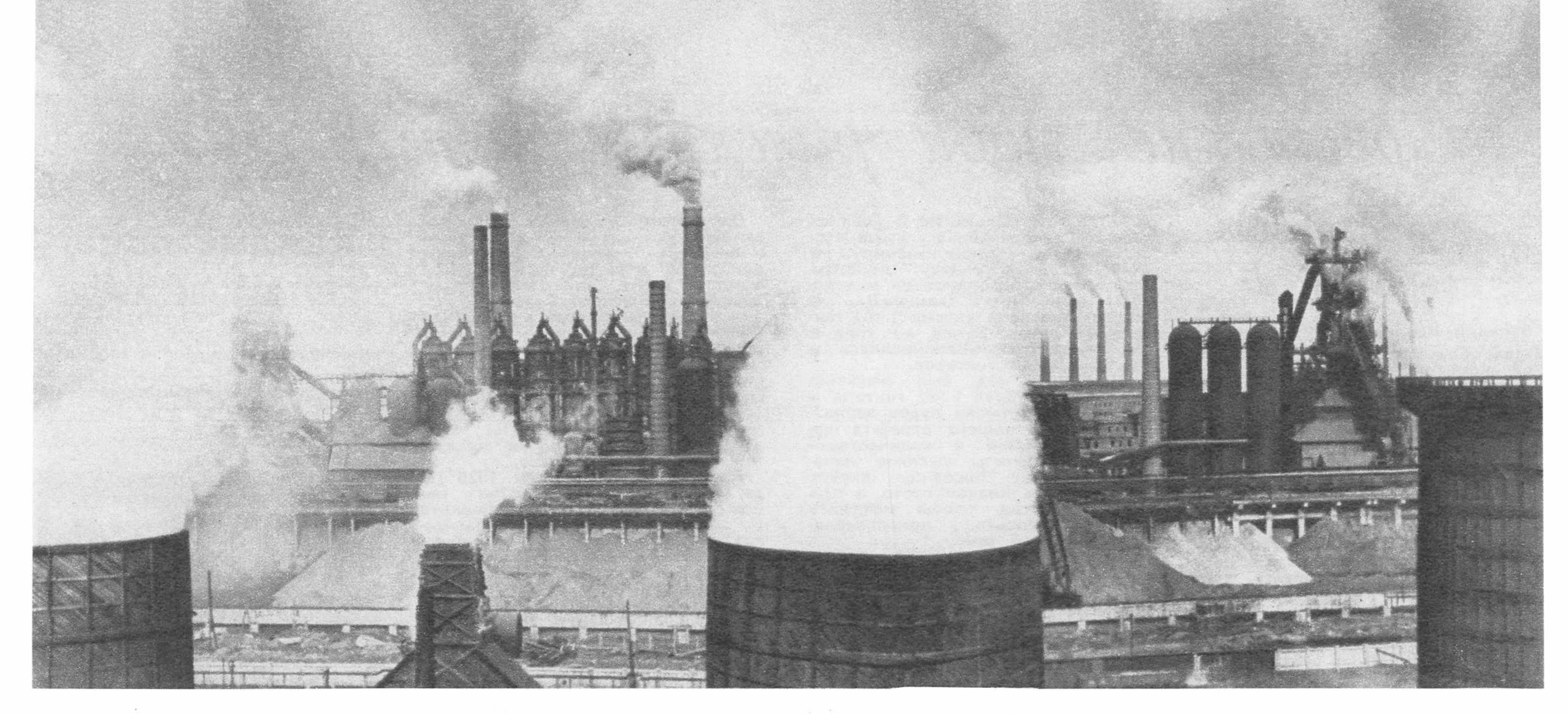
Окончили институт и товарищи, уходившие вместе со мной на фронт: Владимир Верник, Владимир Бадьин, Герой Советского Союза.

Меня тянуло к научной работе, и в 1952 году я был принят в аспирантуру.

Хочется сказать и о своей личной жизни, которая тоже сложилась удачно. Жена моя — главный врач районной поликлиники в Свердловске. У нас шестилетний сын Саша и четырехлетняя дочь Ира.

Теперь мое стремление — защитить кандидатскую диссертацию, а затем продолжать работу в области организации производства и нормирования.

Мне кажется, что каждый советский человек имеет такие же, как и я, возможности стать тем, кем он хочет быть.

Доменный цех Ново-Тагильского металлургического завода.

КРУГ НА КАРТЕ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото С. ОСИПОВА.

На стыке Европы и Азии, над тайгой и седыми скалами Каменного Пояса, как в старину называли Уральский хребет, взметнулся к небу оголенный пик Белой горы. Кто поднимался на эту вершину, невольно испытывал волнение от мысли, что стоит он одной ногой в Европе, а другой — на земле азиатского континента.

Еще большее волнение охватывает путешественника, когда он видит километрах в тридцати пяти к востоку от мрачной горы, за вечнозелеными сосновыми борами, торфяными болотцами, за желтыми покосами, широко раскинувшийся на семи холмах огромный каменный город. Смотришь на него — и чудится, будто там, на берегах петляющего в скалах Тагила и длинного свинцово-темного пруда, начинается извержение вулканов: долины и горы внезапно заливаются багровым заревом могучих домен. Яркое свечение постепенно меркнет, затухает, становится бурым и тусклым, но вскоре вспыхивает вновь, охватывая половину осеннего неба. Тучи озаряются заводскими молниями, и далеко разносится громоподобный грохот рудников. В памяти воскрешаются дивные сказы Бажова, и кажется, словно воочию видишь грозную и разящую силу древнего Урала.

Перед нами Нижний Тагил, старый город, нержавеющий ключ к несметным богатствам Уральского хребта, колыбель русской черной металлургии, родина первого черепановского локомотива и паровых машин. От его Пароходной улицы, по которой были проложены «колесопроводы» — рельсовый путь,— вышел на бескрайние просторы паровоз.

Все здесь значительно и овеяно историей. Вот бежит вдали стиснутый обомшелыми камнями студеный Тагил. Вот Лисья гора с древней каменной смотровой башней: отсюда следили за «порядками» в столице демидовской «железной вотчины». Вот прокопченный, старый металлургический завод на берегу пруда; даже сейчас, после всяких реконструкций и переделок, он чем-то напоминает своего деда — тот завод, что был поставлен здесь в 1720 году. Вот и легендарная гора Высокая.

Некогда слыла она «пропащим» местом для «пропащих» людей. Вереск и сосны таили страшные были горы Высокой: на узких террасах ее грандиозного разреза «робили» вручную и гибли от непосильного труда поколения рудокопов.

— Вот сюда пришел я десятилетним мальчишкой,— рассказывает старый горняк Александр Прокопьевич Шморгунов.— Было это в тысяча девятьсот двенадцатом году... Семья у отца тогда была большая: двенадцать душ,— и он, старый забойщик, велел мне идти в коногоны, хлеб зарабатывать. «За хвост лошади держаться может — вот те и вся наука,— говорили на руднике,— пускай робит в горе». Обушок, кирка, лопата — такой была техника на горе Высокой до Октября. А теперь рудник похож на завод и на электрифицированный узел железных дорог. Глядите — пошли электровозы с рудой, а там везут они порожняк, вон тянутся эстакады и трубопроводы, стоят в забоях экскаваторы. Гора Высокая становится уже низкой,— улыбается Александр Прокопьевич,— машинами забираем столько руды, что за три — четыре года выдаем ее больше, чем давал рудник за сотни лет.

Парторг ЦК КПСС на Высокогорском железном руднике Владимир Иванович Бушин рассказывает про Александра Прокопьевича, что стал он начальником смены, всеми уважаемым мастером горных работ, кавалером ордена Ленина.

— Домик ему построили, на курорт посылаем, живет Александр Прокопьевич в достатке. Что было и что стало!— восклицает Бушин.

Для горняков — одетые в бетон и асфальт улицы Тагила наших дней, кварталы светлых и красивых домов. После смены десятки рабочих едут на своих «москвичах» и мотоциклах домой или в однодневный дом отдыха, а то в Дом охотника, построенный рудником на живописном берегу Черноисточинского пруда.

В Нижне-Тагильском краеведческом музее есть несколько карт и схем, помогающих осмыслить разительные перемены, происшедшие здесь, как и на всей советской земле.

На одной из старых карт города кто-то из здешних краеведов, взяв в качестве опорной точки обозначение горы Высокой, начертил циркулем круг, приняв в масштабе радиус в пять километров.

Что включил в себя этот круг?

Старый Тагил был разбит на «части» — общества и волости, городом он не считался, хотя уступал на Урале лишь Екатеринбургу и Перми, а по количеству жителей превосходил не один губернский город Центральной России. «Первая часть» Тагила с каменными зданиями управления заводом, церквами, лабазами и памятником царю слыла «чистым» местом; проходя по нему, ломщики, коногоны, ка́тали и горновые должны были снимать шапки. В остальных «частях» — к северу и югу: Выя, Ключи, Гальянка — море деревянных лачуг, непролазная грязь, нищета и горе в землянках «копай-города» и «собачеевки».

Вернувшись с работы, металлурги и горняки попадали из «огневого ада» в сети владельцев «углов» и ночлежек, кабатчиков и костоправов, монахов и лабазников. Кулачные бои на пруду, скачки на рудничных клячах, гоны голубей — вот развлечения и вся «наука» в Тагиле. Для господ и «тех, кто почище», было два закрытых клуба с пивом и картами, кинотеатры «Иллюзия» и «Волшебные грезы». А окрест, заняв большую часть круга,— густая уральская тайга с таинственными тропами золотоискателей, болота, широко раскинувшиеся нераспаханные пустоши...

И вот тот же по размерам круг на городской карте наших дней. Как далеко за его пределы вышел Тагил 1953 года! Как густо заполнена карта обозначениями новых заводов и фабрик, жилых кварталов, школ, садов, клубов и стадионов! В Тагиле сейчас действуют 58 промышленных предприятий. Это гиганты социалистической индустрии: Ново-Тагильский металлургический завод, Уралвагонзавод и другие. Город дает стране сталь, прокат, руду, большегрузные вагоны, цемент, огнеупор, кровельное железо, мрамор.

Здесь, как и повсюду, множество ярких проявлений основного закона социализма — максимального удовлетворения растущих потребностей народа. Нижний Тагил имеет теперь уже более миллиона квадратных метров жилой площади, и она постоянно увеличивается; появились большие улицы — Ленина, Карла Маркса, Мира, Октябрьской революции,— целые жилые массивы вблизи заводов и рудников, огромные новые районы — Тагилстроевский, Ленинский, Дзержинский.

Улица Ленина в Нижнем Тагиле.

В десять раз вырос город за 20 лет! А к концу пятой пятилетки Нижний Тагил получит еще около полумиллиона квадратных метров жилой площади.

Город находится в постоянном движении вперед, он не знает застоя — всюду видишь строительные леса, башенные краны, поднимающие контейнеры с кирпичом и блоками, черные ленты транспортеров, несущие цемент и кирпич.

...Бетонная автострада ведет нас через весь город туда, где за электрической железной дорогой высятся мощные домны, кауперы, коксовые батареи и стоят шеренгами могучие трубы. Там — выросший в тайге, новый Тагилстроевский район. Это над ним алеет небо от огненных всплесков.

В центре района — Ново-Тагильский завод, детище военных лет. Простор, четкость планировки, чистота корпусов, обилие зелени — картина совершенно нового, социалистического завода, где все создано для того, чтобы автоматы, сложные приборы и механизмы облегчили труд рабочего, повысили производительность его труда.

Многочисленные заводы нового Тагилстроевского района — металлургический, коксохимический, огнеупорный и другие — оснащены совершенной советской техникой. Отсюда льются огненные реки чугуна и стали.

— Какие новые явления особенно примечательны теперь для заводской жизни? — спрашиваем мы парторга ЦК КПСС на Ново-Тагильском заводе Павла Афанасьевича Хлапова.

— Учеба, массовая учеба. Каждый третий рабочий учится, — говорит Павел Афанасьевич. — Скоро у нас все будут иметь среднее образование. Уже сейчас наблюдается очень большая тяга к высшему образованию.

Во втором мартеновском цехе знакомимся с молодым сталеваром Геннадием Огородни-

В мартеновском цехе Ново-Тагильского металлургического завода. Обер-мастер лауреат Сталинской премии Егор Петрович Калашников (слева) и сталевар Геннадий Огородников.

В гости к сталевару Г. Огородникову (справа), студенту 4-го курса Уральского политехнического института, пришел его товарищ начальник смены мартеновского цеха Евгений Шипилов, который учится на первом курсе этого же института.

Заводские художники-любители на занятиях в городском музее изобразительного искусства.

Здание Дворца культуры Ново-Тагильского металлургического завода.

ковым. Высокого роста, широкий в кости юноша ведет свою очередную скоростную плавку. К нему подходит обер-мастер лауреат Сталинской премии Егор Петрович Калашников. Старый металлург опускает синие очки и заглядывает в печь. Плавка идет хорошо, и он доволен работой своего воспитанника.

Геннадий Огородников, окончив заводское ремесленное училище, стал работать подручным у сталевара коммуниста Калашникова. Почетный металлург обратил внимание на ремесленника и подготовил из него хорошего сталевара. Егор Петрович потребовал от комсомольца в качестве главного условия, чтобы тот обязательно продолжал свое образование. Огородников сдержал слово: окончил школу рабочей молодежи — и сейчас учится на четвертом курсе вечернего отделения Уральского политехнического института.

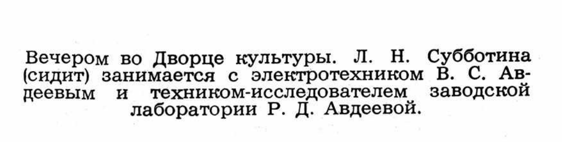
Только ушел Калашников, к печи подошел начальник смены Евгений Аркадьевич Шипилов. С Огородниковым он учился еще в ремесленном училище, кончал школу рабочей молодежи, а затем пошел не в институт, а в металлургический техникум. Теперь Шипилов решил стать инженером и учится на первом курсе Политехнического института. Начальник смены договаривается со сталеваром, что заглянет к нему на новую квартиру: «Ты уж помоги мне с сопроматом!»

Конец смены. Огородников едет на улицу Ленина, в новый дом, где ждет его просторная отдельная квартира со всеми удобствами, ждет свой кабинет, стол с книгами, учебниками и чертежами. Приходит к нему Шипилов. Товарищи погружаются в мир формул, расчетов, алгебраических вычислений, пока не наступает время ехать в институт. А там, в институте, уже собираются сотни металлургов и горняков.

Напротив здания, где разместился филиал вечернего факультета Уральского политехнического института имени С. М. Кирова, светятся огни музея изобразительных искусств. Горновые и экскаваторщики ходят со своими семьями по музейным залам и знакомятся в подлинниках с творчеством выдающихся мастеров кисти — Репина, Васнецова, Шишкина, Левитана, Айвазовского, Крамского. На втором этаже музея, в пятом зале, собрались молодые рабочие-металлурги, занимающиеся в изостудии Дворца культуры.

В читальном зале Дворца культуры.

Вечером во Дворце культуры. Л. Н. Субботина (сидит) занимается с электротехником В. С. Авдеевым и техником-исследователем заводской лаборатории Р. Д. Авдеевой.

Великолепен этот дворец! Немногим более года работает он, а по его широким мраморным лестницам уже прошло свыше миллиона тагильчан.

Ходят с этажа на этаж дворца молодые рабочие, любуются горельефами, лепными и стеклянными потолками, мозаичными панно и фризами, посвященными бажовским сказам, и предстает перед ними старый Урал с нехожеными лесами, с нетронутой твердью гор, волшебными кладами недр и могучими людьми, которых не сломили ни нужда, ни кнуты чужеспинников — так называли здесь капиталистов. И сколько раз юные пытливые глаза перечитывают выведенные на стенах слова из сказа П. П. Бажова: живинка, «понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет. Так-то, друг!». Эта уральская живинка свободного советского человека проявляется здесь везде, всюду и во всем: в работе и учебе, в изобретениях и отдыхе.

Не живинка ли водит смычком электрика Владимира Авдеева?.. Поет его жена, и не узнать в певице техника-исследователя заводской химической лаборатории. Слесарь доменного цеха Петр Девизов, готовясь к концерту, настойчиво, с поразительным терпением повторяет танцевальные фигуры.

Вечер в новом Тагиле... Идут по улицам автобусы, такси, трамваи. Освещены витрины универмагов и гастрономических магазинов. Оживленно в кафе и ресторанах. Заполнены залы театра кукол и драматического театра. В тиши читален, в библиотеках и домах техники шелестят страницы книг, раскрываются монографии, томики стихов и чертежи.

...Сегодня радостное событие в жизни бригадира электрослесарей газового цеха Алексея Токмакова: из родильного дома выходит его жена Надя. Захватив в заводской оранжерее букет осенних цветов, отец встречает вечером жену с ребенком.

Супруги едут в автомобиле. За окнами мелькают новые дома, сады, скверы. Проплыл, сверкая, как океанский корабль, Дворец металлургов. Заполыхало над домнами. Рассыпались по горе Высокой светлячками огни на экскаваторах и эстакадах.

Подрастет ребенок и увидит в прекрасном цветении свой древний и в то же время юный, охваченный чудесной живинкой город советского Урала.

Электрослесарь газового цеха Ново-Тагильского металлургического завода А. М. Токмаков пришел в родильное отделение заводской клиники за женой Надеждой и новорожденной. Проводить супругов вышла медсестра О. П. Петрова.

В ЗНАКОМЫХ МЕСТАХ

Дорожные записи

Вас. ГРОССМАН

Фото О. Кнорринга.

1. Большой асфальт

Шоссе Москва — Симферополь проходит через Тулу, Орел, Курск. На этом участке шоссе лежат Серпухов, Щекино, Плавск, Чернь, Мценск, Щигры, Фатеж, Обоянь, сотни деревень, металлургический завод на Косой Горе, шахты Подмосковного угольного бассейна. На этом тульско-орловском участке лежат толстовские и тургеневские места, на этой трассе живут сотни тысяч трудовых русских людей. Вдоль этой трассы расположены поля и сады, у трассы стоят мельницы, элеваторы, в эту трассу втекают дороги, ведущие на Глухов, Гомель, Чернигов, Киев, на Брест, на Елец, Воронеж, на Брянск, Витебск, Смоленск, и десятки, сотни грейдерных, проселочных дорог.

Асфальт лег, как большая вода Волги с сетью втекающих в нее рек, и, как вода, оживил, удобней и проще связал с Москвой областные и районные города, заставил их поиному, лучше, веселей, энергичней, совершать обмен товаров и человеческой рабочей энергии.

Застойные явления, когда в «глубинке» гниют не вывезенные из колхозных садов сливы, вишни, яблоки, по которым скучают города, когда долгими часами и днями тоскуют, ждут погоды застрявшие в бездорожье деловые люди,— ослабели, уменьшились, едва зажурчала асфальтовая река, омывающая плетни садов и дорожки деревенских хат.

По этой асфальтовой реке поплыли из Курской и Орловской областей колхозная картошка в Крым и Донбасс, яблоки в Тулу, Москву и Ярославль, поплыли на колхозные рынки Фатежа и Кром кавказский виноград, крымская и украинская пшеница.

Люди помнят, какую огромную роль в ходе войны играла подвижность войск, моторизация пехоты, артиллерии, моторизованное движение резервов, переброска на машинах боеприпасов, продовольствия, армейских складов.

Ныне речь идет о подвижности, моторизации мирного человеческого бытия, о стратегических колхозных дорогах, по которым движутся ситец, яблоки, картофель, жито, черешни; о рокадных дорогах между селами и районными центрами, по которым можно в течение нескольких ночных часов перебросить глиняную посуду, гречку, просо, дубовые бочки, сосредоточить на воскресном базаре центнеры помидоров и огурцов.

Мимо сел и городов, лежащих на берегах большого московского асфальта, проезжают мощные автобусы дальнего следования на Симферополь, Ялту; идут автобусы на Серпухов, Тулу, Орел, Курск. Тут же снуют, пыхтят десятки автобусов меньшего «водоизмещения», автобусы «каботажного плавания», соединяющие районы Курской, Орловской, Тульской областей, заводы, шахты, совхозы с московским асфальтом.

Мы едем не спеша, и мимо нас на больших скоростях мчатся легковые автомашины, стремящиеся на юг,— на морские курорты,— а в обратную сторону мчатся в автомобилях люди, уже побывавшие у моря. Сквозь стекла этих машин видны загорелые мужские и женские лица, большие дыни и арбузы, букеты ярких, южных цветов.

Всем своим видом курортные, запыленные автомобили показывают, что мчатся они по транзитной земле, мимо транзитных лесов, полей, лугов и рек, отделяющих Москву от морского побережья.

В воскресные дни у Ясной Поляны выстраивается на многие сотни метров очередь из автобусов, легковых машин, колхозных грузовиков.

Вот когда смотришь на очередь грузовиков у яснополянского дома, когда видишь белые платочки, кепки, фетровые шляпы, мелькающие за окнами больших и малых автобусов, когда читаешь в книге посетителей в чудном тургеневском Спасском-Лутовинове рядом с именами профессоров, артистов, художников имена проезжих шоферов, колхозников, домашних хозяек, слесарей, солдат и учеников педучилищ, вот когда видишь все это, невольно вспоминаешь школьные истины о том, что культура развивалась по берегам больших рек и на морских побережьях.

Пути сообщения лишь тогда играют истинную и глубокую роль в истории страны, в развитии ее экономики и культуры, когда они народны, демократичны, когда они служат огромному числу людей, когда они связывают человеческие массы, движущиеся по этим путям, всеми связями порожденными в каждодневной жизни и труде.

Культура и прогресс не любят дорог, проложенных для фельдъегерей и царских посланцев, для консульских, губернаторских курьеров, княжеских и графских приказчиков, поваров.

Большой московский асфальт демократичен, народен, как Волга, как Кама,— в этом его сила и значение.

По этому асфальту едут в дом Толстого, по асфальту громыхают перебирающиеся из колхоза в колхоз комбайны, блестят спицами велосипеды, по нему везут мельничные жернова и генераторы для колхозных электростанций, по этому асфальту колхозницы на рассвете спешат в райцентры на базары, а деревенские ребята едут в институты и на сезонные строительные работы, на свадьбы, в районные чайные и пивные; по этому асфальту катят в «зимах» академики, а на трехтонках с мешками картофеля — ученики ремесленных училищ. Едут агрономы, сельские врачи, акушерки и актеры передвижных цирков. А иногда волы медленно, как во времена чумаков, выезжают на асфальт. К нему выносят на продажу корзины фруктов и овощей.

К асфальту, как к реке, тянутся гуляющие; и вечеринки с танцами под гармонь, и проводы студентов, и воскресные прогулки принарядившихся супругов — все это происходит у асфальта.

Старики в тихий вечерний час выносят к асфальту стулья и табуреты, сидят, поглядывают, разговаривают. В кювете, у самой дороги, лежат, подперев виски кулаками, сельские шахматисты, а немного подальше сидят игроки в карты,— тут, видно, азарт велик, лица красны. А грачи — черно от них — тоже сидят здесь, тоже смотрят на дорогу.

И те, кто печалится и тоскует, выходят вечерами к асфальту, наподобие тех, что смотрят с обрыва на вечернюю Волгу и ищут успокоения в вечном движении тихой воды. Ведь в движении жизнь, зерно надежды...

И, верно, похож асфальт на реку... Вечером, когда солнце низко стоит над красной гречихой и пшеницей, над высокой, как камыш, коноплей, кажется, что бежит среди полей тихая вода — то синяя, то фиолетовая, то черно-серая в глубоких омутах... А в знойные дни асфальт блестит, рябит весь в белых серебристых лужицах, не отличишь миража от воды... На рассвете, после ночного дождя, голубоватый, жемчужный туман стоит над дорогой и асфальт розовеет — тихий, теплый...

Ныне осень, и она отражается в дороге, как в зеркале. Колхозные грузовики везут зерно, везут муку, помидоры, огурцы, яблоки, сливы, кабачки, дыни и арбузы, лук, решета винограда; янтарная пыль стоит над придорожными колхозными токами. Из лесов выходят грибники с кошелками и ведрами, полными грибов, голосуют, поднимают руки, чая остановить машину.

Милый березовый лес у Серпухова стоит совсем еще полный жизни и летних сил, но, как первые нити седины, мелькают среди зелени желтые завитки, упругие осенние пряди...

По краям шоссе колхозники сушат зерно. Ветер размывает края пшеничных и ржаных россыпей, и они напоминают границу материковой суши на картах и глобусах. Вот мы едем по большому асфальту среди этих сырых ржаных берегов.

2. На Косой Горе

Тула приукрасилась в этом году. Вдоль улиц высажены километры, миллионы фиолетовых, розовых, белых цветов — петуньи, астры, табак, львиный зев. Цветы кивают, мотаются на ветру, словно хотят стряхнуть с припудренных головок белую придорожную пыль.

В Туле построено после войны много красивых, высоких зданий, всюду на балконах вдоль стен тянутся листья вьющихся растений.

В гостинице чисто и нарядно, в комнатах и холлах стоят цветы, горшки с растениями, и не просто с первыми попавшимися растениями, а с такими, что невольно, заинтересовавшись ими, замедляешь шаг, хоть и тащишь чемодан, спрашиваешь у дежурной по коридору: «Как эта штука, вроде кактуса, называется?»

В Туле построено после войны много красивых, высоких зданий.

Хороши новые здания Тульского механического института и Горного техникума. Их спокойная, ясная архитектура привлекает и радует.

Однако не следует представлять себе, что Тула — это одни лишь красивые, многоэтажные, новые здания, парки, стадионы, скверы, цветы. Тула — плечистый, приземистый рабочий город.

На окраине города есть еще улицы с обветшалыми деревянными домами со странным, неопределенным цветом стен, мореных временем, морозом, дождем, солнцем... Густо, густо стоят в тесных окошечках деревянных домов цветы, точно дети, сгрудившиеся в кучу,— всем им интересно посмотреть, что делается на белом свете.

А в одном месте среди деревянных домов стоит просторная лужа,— следовало бы ею заняться гидрогеологам, попытаться понять, почему она не просыхает. В луже плавают гуси, спокойно и лукаво переговариваются, обмениваются мнениями о прохожих, покачивают головами.

А над домами — там, здесь, справа, слева — поднимаются краны: повсюду идет стройка. Каменные дома наступают на деревянные.

Косогорский металлургический завод лежит в котловине, недалеко от Тулы. Ветер иногда приносит на улицы города Тулы острый, некоторым кажущийся невыносимым, а некоторым кажущийся приятным, даже прекрасным запах, составленный из сложной смеси угольных и серных газов, горячего кокса, раскаленного шлака.

Вот он стоит, металлургический завод, среди зеленых холмов, на фоне ведущего к Ясной Поляне зеленого леса, у вьющейся ленточкой речушки, под голубым небом,— шумит, сопит, дышит десятками труб, вдруг ахнет дымовой, черной тучей в небо, вдруг блеснет черно-красными рваными гребешками пламени, белой молнией чугуна, грозно загремит, взревет, и кругом все умолкнет, точно лев зарычал среди холмов и долин, и все вокруг оглядывается на него, что это он так.

Как же не любить его — бессонного, всего в копоти, дыму, хмурого, жаркого и в осенние дожди и в зимние метельные ночи? Сколько в нем простоты, силы, сколько достоинства и величия!

Вместе с председателем заводского комитета Василием Михайловичем Новиковым мы выходим из заводской конторы.

Новиков, худощавый спокойный человек, рассказывает о бытовом и культурном устройстве рабочих. На Косой Горе есть две школы, детский сад, ясли, пионерский лагерь, больница, поликлиника. В библиотеке клуба 12 тысяч книг, а техническая библиотека имеет 23 тысячи книг, выписывает 55 технических журналов. Этой технической библиотекой пользуется много рабочих и инженеров.

— Конечно,— говорит Новиков,— не так уж хорош наш клуб — маловат, не так уж хорошо обстоит с жильем для рабочих, все еще тесно живем.

И он стал рассказывать о перспективах Косой Горы, о предстоящем строительстве большого клуба, новых домов, школы, больницы, о новом, большом парке, стадионе, прудах.

Но вот сейчас, сегодня, я стою у входа в косогорскую школу-десятилетку. Уборщицы торопливо протирают стекла в больших, светлых окнах, готовят классы к началу занятий.

Я видел многоэтажные жилые дома, где живут рабочие, прошелся по прохладному фойе клуба, посидел в кресле в комнате отдыха, осмотрел зрительный зал, сцену, прогулялся под тенистыми, соединившимися в зеленую арку ветвями деревьев в клубном саду.

Как будто ничем особенным не отличаются эти, стандартной архитектуры дома: дома как дома; и что ж особенного в том, что в поселке на главной улице посажены деревья? Да, по правде говоря, клуб мог быть просторней, мал зрительный зал, и напрасно в комнате отдыха висят многочисленные диаграммы с цифрами выполнения плана — картины, и притом хорошие картины, должны висеть в комнате, где отдыхают после тяжелого труда рабочие люди.

Да и что удивительного в том, что при Косогорском металлургическом заводе есть хорошая школа, библиотека? Ведь это законно, естественно, не о чем толковать.

Но почему-то здесь все это волнует по-особенному, заставляет задумываться. Об этом заводе, его дореволюционной жизни помнят и знают многие. Вот здесь, где мы сейчас проходим, была знаменитая горькая улица «Свободка», «Шлаковые» и «Красные» казармы. У Киевского шоссе стояли две лавки, а вот там, у Стрекаловского оврага, шумел кабак. Трудно работали, плохо жили здесь люди. Когда-то Толстой приходил из Ясной Поляны на этот завод, написал под впечатлением виденного статью: «Неужели это так надо?».

В ту мрачную пору непосильный труд, ужасные условия жизни, скученность, грязь, кабаки калечили, губили людей.

Но из заводского дыма и копоти уж поднималась преобразующая революционная сила русского рабочего класса.

Только ли чугун выплавляют эти печи? Благородная тяжелая работа объединяет вокруг себя людей, формирует характеры — глубокие, сильные, свободолюбивые характеры рабочих людей.

Вот мы входим на заводской двор. Идет загрузка домны, грузят кокс, местную, киреевскую руду, чиатурскую марганцевую.

Когда-то кáтали толкали двухколесную коляску, груженную тяжелым грузом. Сейчас коляски ржавеют без дела — их давно уж упразднили. Я пробую взяться за шершавые, ржавые ручки коляски — пустую ее трудно покатить: так тяжела, массивна она. А ведь кáталь загружал ее двумя тоннами руды либо тонной флюсов!

Старик-рабочий подходит ко мне.

— Тяжела,— говорю я,— и пустую ее не сдвинешь.

— Ничего, я их катал,— говорит, как бы успокаивая меня, старик.— Когда колеса наточишь, наклонишь ее, она легче шла.

Теперь руду подвозят в вагончиках, в вагончики руду грузит ковш экскаватора. Тянут вагончики быстрые самоходные бункеры, приспособленные тульскими металлургами для этой работы. Скрежеща, постреливая газом, мчатся они по заводскому двору, делают лихие виражи и крутые повороты; механики с веселыми и сосредоточенными лицами, перепачканные красной рудной пылью, поглядывают, посмеиваются, когда девушка, проходящая мимо штабелей руды, испуганно шарахается от идущего на большой скорости самоходного бункера.

Как же не остановиться в задумчивости, не вспомнить вдруг первую военную осень, холодные тульские поля, окопы, вой «мессершмиттов», забрызганные грязью танки, танкетки, идущие по дорогам, стоящие в укрытиях?!

Все изменилось, все иное, только лица рабочих людей, ведущих эти тяжелые вагончики по заводскому двору, так же милы, дороги сердцу, как лица тех, кто хмуро поглядывал осенью сорок первого года из люков боевых машин.

Но задумываться на заводском дворе не полагается: угодить под мирную машину тоже невесело, хотя она и называется самоходным бункером.

Позванивая в колокол, плавно подходит к домне вагон-весы, с грохотом разгружает кокс. Молодая женщина-машинист в рабочем комбинезоне, в платочке, прикрывающем от угольной пыли сложенные вокруг головы косы, поглядывает сверху. Сколько милой женственности в ее фигуре, в утомленной грации, с которой она поправляет косынку, стряхивает с себя пыль!..

А уголь, руда плывут в домну. Здесь царят экскаваторы, вагон-весы, быстрые самоходные бункеры, транспортер, подающий кокс по длинной наклонной галерее, саморазгружающиеся вагоны.

Сотни людей освобождены от труда ка́талей, от тяжелого, натужного дыхания.

Рабочий Калиничев записал частушку:

Гнул под тачкой ка́таль спину,
Нес тяжелую нужду,
А теперь он на машине
Доставляет в цех руду.

Именно это и я увидел. Можно сказать об авторе этой песни, как говорили в армии: «Товарищ комиссар не даст соврать».

Мы поднялись по железным ступенькам, заглянули в контору мастера, где стрелки, циферблаты, самозаписывающие барабаны показывают внутреннюю, тайную жизнь доменных печей.

Вот мы у домны. Горят волчьи глаза фурм, зловеще вспыхивают и гаснут синие язычки окиси углерода, хлещет шлак в рваном пламени, в искрах, в горячем полупрозрачном, как звездные туманности, дыме.

Скоро домна даст чугун: белеют аккуратные песочные желобы, дорожки, по которым польется металл. Густое живое тепло, идущее от тела домны, заполняет воздух, пот выступает на висках, рубаха липнет к груди, плечам.

Здесь сердце завода. Это поймет и почувствует каждый и даже тот, кто впервые подошел к домне.

Горновые в черных суконных куртках — их не так прожигает огонь, — в шляпах с большими, предохраняющими от огня полями готовятся к пуску чугуна.

В эти особо важные, значительные минуты в движениях рабочих нет торопливости, нервозности: какая-то торжественная, плавная деловитость уверенных, сильных людей, избравших себе трудный удел властвования над раскаленным металлом.

Я разговорился с коренастым голубоглазым доменщиком — щека его и лоб несут следы ожогов. С какой-то особой, хорошей доверчивостью — знак уважения к себе и к людям — мой собеседник рассказывает о том, как парнишкой-сиротой он пришел в этот цех, каким чуждым и страшным показалось ему царство огня, газа, жидкого чугуна.

— Я бы тогда ушел, да некуда было — сирота,— говорит он,— а вот прошло уже двадцать два года. Я и день помню, когда поступил,— седьмого июня.

Мне пришлось слышать от старых рабочих рассказы о первом дне работы: его запоминают, как дату рождения, свадьбы, как пору первой любви.

Я спросил своего собеседника, кем он здесь работает, как его зовут, и он назвался Лагутиным Василием Федоровичем.

— А работал кем? — усмехнулся он.— По всем ступеням шагал: начал ка́талем, а теперь мастер печи, замещаю обер-мастера доменного цеха: он в отпуске.

Мы снова поговорили о дне 7 июня 1932 года, определившем жизненную дорогу мальчика-сироты, пришедшего на Косую Гору из могилевской деревни, сегодня обер-мастера доменного цеха.

Сейчас пойдет чугун — горновые пробивают летку. Что-то не ладится у них. Пущены в ход бур, шланг с кислородом, длинная пика, лом, и, наконец, пошла в работу мерно раскачиваемая людьми тяжелая трамбовка-мутон.

Лица горновых мокрые от пота — летка не поддается. Работают люди дружно, редко кто ругнется, и хотя сердитое словцо горнового крепко, крепче, пожалуй, не бывает, оно ведь не против дружной работы, а за нее, на пользу ей.

Смотришь на лица пяти горновых, на их устремленные в одну точку глаза, на согнутые в одном усилии спины, напружившиеся плечи и большие руки и чувствуешь: ох, и крепка же связь рабочих людей!

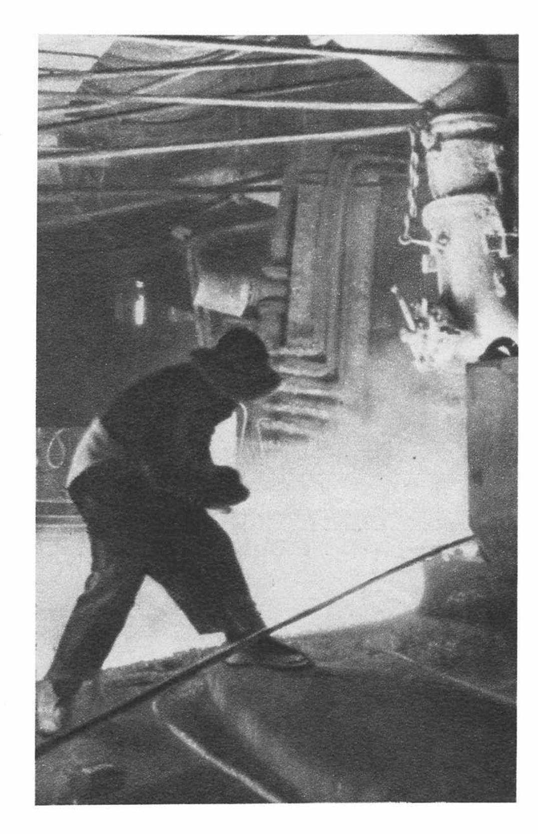
Вырвалось облако густого, плотного, как жидкость, зеленого дыма, за ним повалил желто-коричневый дым,— вот еще натиск горновых, и полусумрак цеха вдруг осветился: тысячи искр взвились, заиграли, затрепетали, ударили во все стороны, печь кашлянула, харкнула, брызнула огненными комьями — и река чугуна заклокотала, а затем маслянисто-спокойная потекла из летки.

Пущен мощный вентилятор; от этого вентилятора ветра не меньше, чем от авиационного винта, но лучистый жар все же жжет, от него не только щекам и лбу, но и глазам делается жарко до боли.

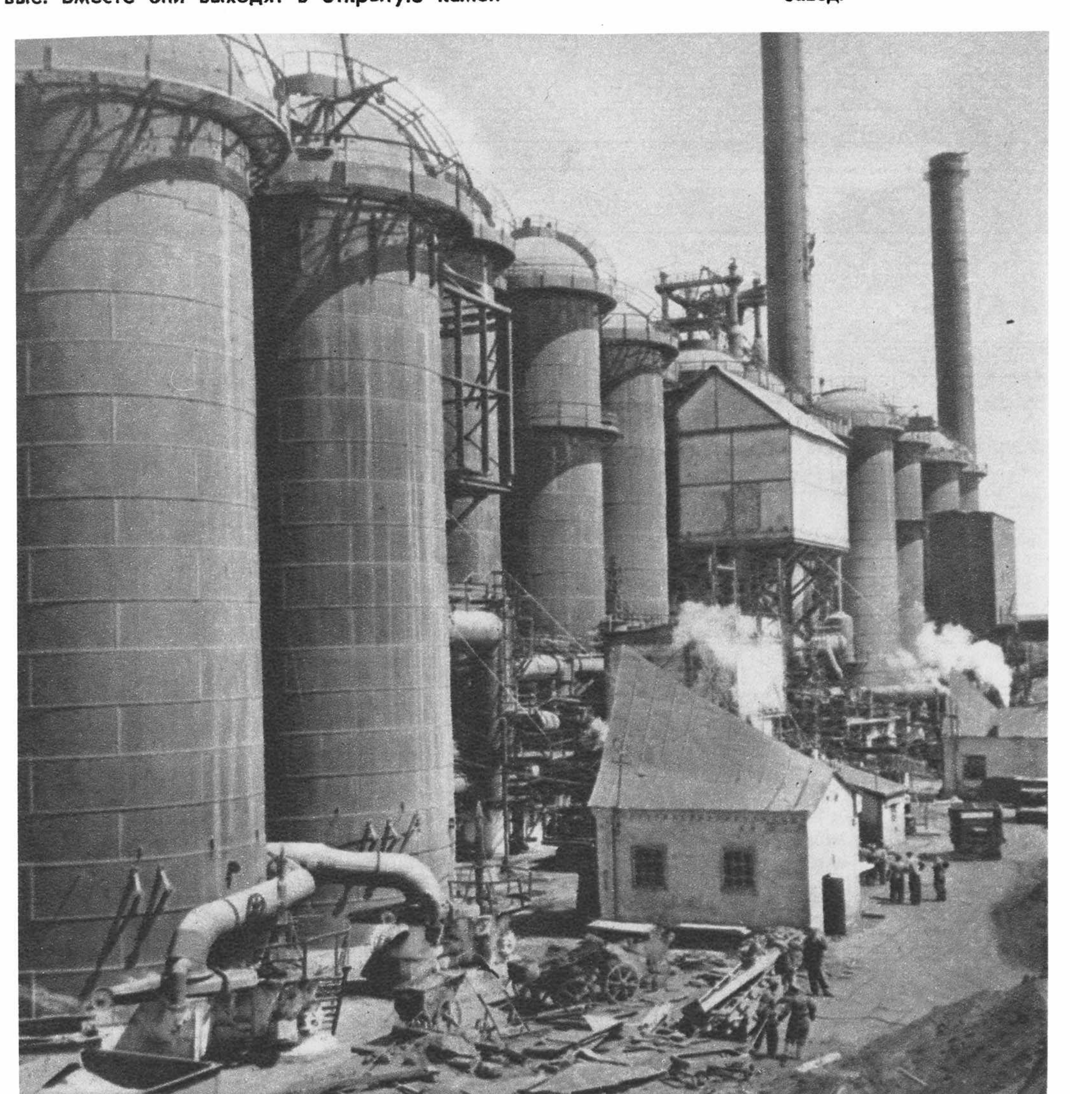
Иван Васильевич Никишин — старший горновой — медленно, мне кажется, величественно отходит от печи, утирает пот со своего словно высеченного из камня сурового лица. Следом за ним, утирая пот, отходят остальные горновые. Вместе они выходят в открытую каменную, похожую на балкон нишу немного охладиться, вдохнуть свежего воздуха.

Они стоят высоко над землей, в ореоле искр, освещенные со спины жидким огнем, а перед ними лежат зеленые холмы, блестит на солнце речушка, по широкому асфальту бегут на юг легковые автомобили с курортниками.

Горновые поглядывают на широкую землю, на ясное небо, на шоссе. Они стоят в черных суконных куртках, в широкополых шляпах — большие, спокойные, неторопливо, негромко разговаривают.

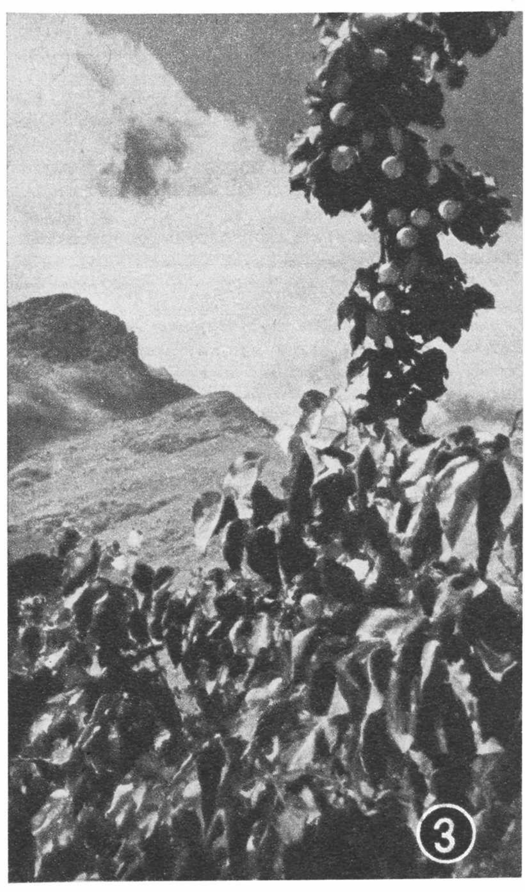

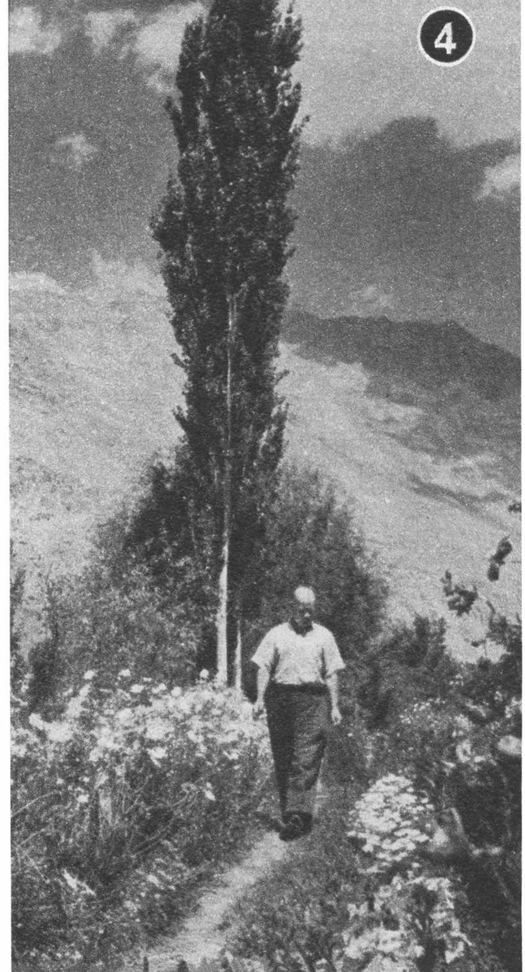
Чугун пошел...

Вот он стоит. Косогорский металлургический завод.

Сады Памира

Павел ЛУКНИЦКИЙ

Фото автора.

На больших высотах, в ущельях Горного Бадахшана, маленькие народности горцев — шугнанцы, рушанцы, бартангцы, язгулемцы — жили до революции так же, как их предки тысячу лет назад. Подвластные своим ханам, забитые, отсталые, бадахшанские бедняки не могли победить природу, суровую, грозную, скупую. В маленьких селениях — кишлаках — не хватало земли для посевов: каждый клочок был погребен под хаотическим нагромождением камней; не хватало воды для поливов: каждую ее каплю надо было провести по долбленым желобам, привешенным к отвесным скалам; не хватало огня, потому что неоткуда было взять среди каменных громад топливо.

И все-таки памирцы умудрялись среди камней разводить маленькие, точнее, микроскопические, сады. В них созревали мелкие яблочки, абрикосы и тутовник. Ягоды туты были основным продуктом питания для бадахшанцев. Не ведали бадахшанцы вкуса привычных всем нам картофеля, капусты, редиса, моркови, брюквы. Никто из горцев никогда не видел малины, клубники.

В советское время, с тридцатых годов, когда малоисследованный и труднодоступный дотоле Памир соединили с культурными областями СССР первой автомобильной дорогой, когда был обработан огромный, собранный на Памире научный материал, ученые нашей страны взялись за смелое дело: они решили поднять «потолок» земледелия на Памире, вывести здесь такие плодовые растения и овощи, какие прежде тут не вызревали.

...В 1940 году в горах над Хорогом ученые заложили Памирский ботанический сад.

Сбегая с четырехкилометровых высот от озера Яшиль-Куль, многоводная, вечно клокочущая, шумная река Гунт приближается к столице Горно-Бадахшанской автономной области — городу Хорогу. На высокой береговой террасе лежат поля маленького колхозного кишлака Андерстэд, ютящегося у слияния Гунта с такой же мощной рекой Шах-Дарой (снимок № 1). Прямо над кишлаком, на обрыве верхней древней речной террасы, там, где недавно был сухой, каменистый пустырь, на высоте 2 320 метров над уровнем моря раскинулся Памирский ботанический сад, выше которого расположен лишь один сад в мире — в Дарджилинге (Индия).

Никакие сады, никакие посевы не были бы возможны на левобережье Гунта, в Хороге, если б высоко над рекой Шах-Дарой, в монолитных гранитно-гнейсовых скалах, не проложили магистральный канал (снимок № 2). Люди вырвали аммоналом в нависших над пропастью скалах полутуннель. Он следует за всеми прихотливыми извивами отвесного горного склона. По дну полутуннеля бежит, постепенно снижаясь к Хорогу, вода реки Шах-Дары — той реки, что видна на заднем плане этого снимка.

Поднявшись в Ботанический сад (его работники проложили туда автомобильную дорогу), путник увидит вокруг себя деревья, ветви которых едва выдерживают тяжесть огромных сочных плодов. Это абрикосы множества лучших сортов, каких прежде не знала Горно-Бадахшанская область (снимок № 3). Это яблоки, персики, груши, сливы, какие не вызревали на такой высоте прежде.

морковью, свеклой; картофель и капуста стали естественным добавлением к обычной пище местных жителей.

Много людей занимается сейчас на Памире садоводством и огородничеством — и взрослые и дети. Жительница Си-Понджа тринадцатилетняя Ватан Султан (снимок № 7) не знает, что место, на котором она стоит, еще недавно было сухим и бесплодным, — именно здесь торчали над берегом реки Бартанг руины древнего замка феодалов. Камни, убранные с площадки, на которой заложен сад, образовали ограду, а новый сад скоро будет таким же, как тот, что виден вдали, под скалистыми обрывами и каменными осыпями, громоздящимися над кишлаком Си-Пондж.

Девочка Ватан Султан сказала мне, что когда вырастет, она обязательно станет биологом и для этого поступит в Таджикский государственный университет. Пожелаем же успехов юной жительнице самого глухого в недавнем прошлом ущелья Памира.

У биологов и ботаников было много неудач в начале работы. Семена кавказской яблони сад получил из Теберды. Но яблоня вымерзла. Здесь потребовались зимостойкие подвои — ботаники выписали семена сибирской яблони. Эти яблони стали расти хорошо, но оказались недостаточно засухоустойчивыми. В долине Ванча, на самом Памире, на высоте 1 600—2 000 метров ботаники нашли дикие яблони. Их удалось улучшить и сделать пригодными для культурного плодоводства.

На одной из тропинок Ботанического сада, обсаженных невиданными прежде на Памире цветами и плодовыми растениями, путник может встретить его директора — доктора биологических наук Анатолия Валериановича Гурского (снимок № 4). Он работает в саду со дня его основания, когда на пустыре воду можно было найти только в припасенной фляге и находились скептики, утверждавшие, что люди, приехавшие на Памир, чтоб развести на этом пустыре сад, одержимы бредовой идеей и непременно потерпят неудачу.

А. В. Гурский расскажет гостю всю историю трудной борьбы за сад, расскажет о многих научных ошибках, какие оказывались неизбежными вначале, и о том, как наконец найдено было верное направление в работе — изучать и выделять все те ценные породы из плодовых, что растут в естественном состоянии на склонах гор и в старых, микроскопических садах горцев. А о самом Гурском люди Хорога и многих районов Бадахшана расскажут теперь, что он вместе с возглавляемым им маленьким коллективом научных работников стал создателем первого на Памире плодопитомника, снабжающего саженцами и семенами десятки бадахшанских колхозов.

В Ботанический сад за семенами и саженцами, за фруктами и ягодами приезжают многочисленные друзья ботаников — колхозники и колхозницы, служащие хорогских учреждений, школьники, педагоги. Вот в густом малиннике две гостьи, приехавшие в выходной день из Хорога (снимок № 5). Научные работники сада — приветливые хозяева, они рады, когда гости хотят побывать в саду: сад богат, а многие посетители, уехав отсюда с семенами и саженцами, берутся потом за разведение невиданных на Памире культур и у себя дома — в Хороге, в колхозных кишлаках. А именно этого и добиваются научные работники.

И в самом труднодоступном районе Горного Бадахшана — в ущелье реки Бартанг, куда и сейчас можно проехать только верхом по узкой и все еще местами опасной тропе, — появились теперь «дочерние сады», родившиеся от саженцев и семян первого на Памире плодопитомника. Этих «дочерних садов» ныне много в колхозах всех ущелий, всех районов Горного Бадахшана.

Но удивительнее всего, что появились сады и на Бартанге. В переводе это слово значит «Высокая теснина», и там действительно так тесно среди диких гор, что даже лошади порой негде поставить копыто. Но и здесь есть сад — это сад колхоза «Большевик» в кишлаке Си-Пондж (снимок № 6). Плодовые деревья, овощи и... огромная дыня в руках у садовника Ясаки. Весь кишлак Си-Пондж лакомится теперь дынями и арбузами, персиками, сливами, крупными и сладкими абрикосами. И в столовой Си-Понджа бартангцы, прежде знавшие только вкус гороховой похлебки «атталя», теперь едят блюда с овощными приправами —

У НАС ДРУЗЬЯ ПОВСЮДУ

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

Зарисовки Ф. Решетникова.

В далекую и близкую страну

Самолет поднялся вместе с солнцем. Здание Московского университета, окутанное у подножья утренним туманом, сверкнуло многогранным гигантским кристаллом, словно висящим в воздухе, и исчезло. Под самолетом простерся облачный пейзаж, напоминающий арктические снега.

Но незаметно облака растаяли. Внизу лежала наша советская земля, вся в золоте урожая. Мы пролетали над Каховкой. Сверху стройка выглядела так, как если бы мы глядели на нее в могучий телескоп с какой-нибудь ближней к Земле планеты...

Иван Степанович Замковой, шестидесятилетний мастер с Урала, едет в Албанию. Он будет преподавать в школе фабрично-заводского ученичества. Положив мне на плечо тяжелую руку, мастер глядит в окно самолета и задумчиво говорит:

— Ребята, прощаясь, шутили: на албанской земле по березам нашим скучать будешь. Это верно — про березы. Но вот,— он указал на панораму каховского строительства,— с чем у меня сердце сжилось! Я ведь монтажник. Не знаю, как там с такой тоской слажу. Хотя в Албании, говорят, есть дело и по моей специальности.

В разговорах незаметно летит время. Одесса. И вот уже мы на борту гостеприимной «Трансильвании», румынского дизель-электрохода. Корабль возвышается белыми этажами палуб над причалом одесского порта. Стрелы кранов опускают в трюмы ящики со станками, связки труб и рельсов, тракторы, бульдозеры, скреперы, арматурное железо, бетономешалки...

Иван Степанович, опираясь могучей грудью на поручни верхней палубы, с увлечением следит за погрузкой. Он спрашивает озабоченно:

— Куда ж это все добро следует?

— Написано: Тирана,— значит, в Албанию.

Иван Степанович резко оборачивается. Его большое обветренное лицо выражает волнение.

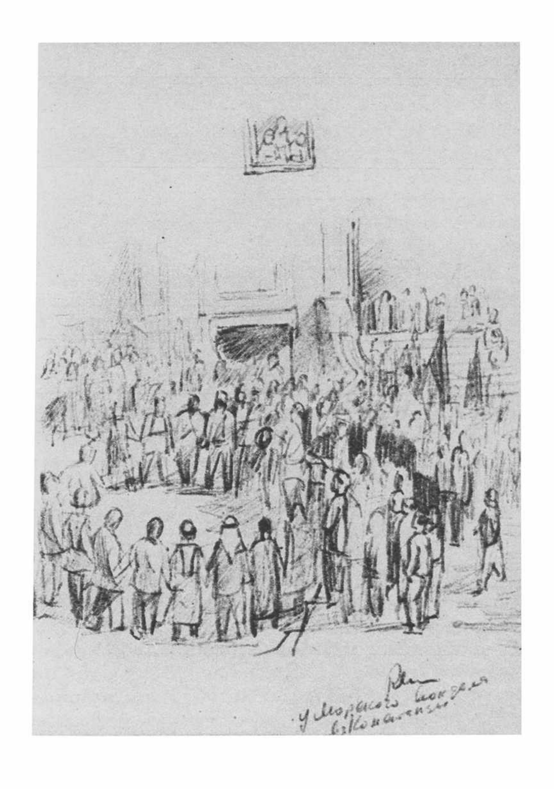
— Так что же получается? — говорит он беспокойно.— А я, значит, педагогом? Нет уж, извините. Без отрыва от производства — пожалуйста!

Он долго шагает вдоль борта и что-то бормочет про себя, словно убеждая несговорчивого собеседника.

Пассажиров «Трансильвании» можно разделить на две категории. К первой — относятся албанские студенты, едущие на каникулы на родину, и советские специалисты, возвращающиеся после отпуска в Албанию. К другой — наши специалисты, едущие в Албанию впервые, и мы, делегация, приглашенная на советско-албанский месячник дружбы. Естественно, что первая категория сразу берет хозяйское шефство над второй.

Академика Елизавету Ивановну Ушакову окружили албанские студенты. Она сочувственно качает головой, услыхав, что щелочные почвы Албании препятствуют хорошим урожаям чая. Но она же долго и приятно улыбается, когда получает исчерпывающие сведения о том, что грузинская кукуруза дает по всей Албании замечательный урожай.

На верхней палубе работница «Трехгорки» Дарья Павловна Смирнова с пристрастием допрашивает советского инженера, работающего на текстильном комбинате имени Сталина в Тиране: применяются ли там самоновейшие методы наших текстильщиков, и если да, то с какими результатами?

У морского вокзала в Констанце.

Очень живо, судя по жестикуляции собеседников, протекает разговор директора I Московского медицинского института Федора Федоровича Талызина с молодым советским врачом, возвращающимся в Албанию с грудной дочерью. Оба не замечают, что в медицинский диалог все чаще врываются протестующие возгласы младенца, еще не привыкшего к латыни.

Художнику Федору Павловичу Решетникову не терпится выяснить у албанских студентов, какие существуют направления в живописи Албании. Так как студенты — животноводческого факультета, беседа на эту тему вначале не очень ладится. Бурное оживление наступает, как только студенты узнают, что их собеседник — автор широко известной картины «Опять двойка!».

Композитор Серафим Сергеевич Туликов без передышки записывает песни, с большой охотой исполняемые албанскими студентами, среди которых несколько питомцев Московской и Ленинградской консерваторий.

Советские инженеры собрались в кружок вместе с албанскими геологами и обсуждают планы изыскательских работ. Громче всех здесь звучит голос Ивана Степановича.

— Вы, ребята, должны как следует землю прощупать, — шумит Иван Степанович. — Она должна народной власти все свои сокровенные богатства отдать. Я с Урала, я знаю, чего в себе горы прячут, а у вас их до черта, нечего им зря небо подпирать — пускай раскошеливаются. Вы, хозяева земли, должны всю ее подноготную знать. Нужно молодежь поднять, пускай в горы идет с молотками — металлы ищет. А недра у вас богатейшие, я всем сердцем чую.

Здесь, на корабле, плывущем в далекую страну, советские люди горячо переживали нужды албанской экономики. И это было высоким выражением дружбы и братства народов — строителей, творцов, тружеников.

На палубе «Трансильвании».

С праздника молодых

Кругом было море без берегов. Могучие винты корабля шинковали его зелень в белую рыхлую пену. Дельфины безуспешно пытались привлечь внимание пассажиров своими цирковыми номерами, высоко выскакивая из воды.

Румынский порт Констанца празднично украшен бело-голубыми плакатами и флагами. На стенах мола на всех языках надпись: «Мир и дружба». В Бухаресте только что за-

кончился Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

«Трансильвания» ожидает делегатов фестиваля из Ливана, Сирии, Египта и других стран, чтобы отвезти их на родину.

Снова работают краны, грузя на корабль румынские трубы для нефти, кабель, железный прокат, чехословацкие тракторы на резиновых шинах, грузовики. Все это для Албании.

Иван Степанович, заняв излюбленный свой пост на палубе, радостно восклицает:

— Видали, а? Вот где настоящий интернационализм! Вот это дружба на полный ход! Вот это я понимаю!..

Делегаты фестиваля молодежи прибыли в порт на специальном поезде, украшенном флагами и цветами. Весь порт преобразился. Песни, музыка, танцы ворвались сюда, в этот мир железа, стали, грохота лебедок и воя пароходных сирен.

Сотни юношей и девушек, обнявшись за плечи, образуя круг, мерно двигались в танце в такт музыке и восклицали: «Мир и дружба! Мир и дружба! Мир и дружба!»

Арабы в бурнусах, негры из Южной Африки в белых хитонах, ливанцы, сирийцы, египтяне заполнили палубы корабля. У каждого в руках были цветы — корабль наш превратился в оранжерею. Цветы летали непрерывно с корабля на землю и с земли на корабль. Юноши и девушки протягивали друг другу руки, и прощально-нежно звучали в воздухе имена тех, с кем довелось подружиться в незабываемые дни фестиваля. Слова: «До свидания, друг!» — звучали на десятках языков. Девушки на мгновение погружали лица в букеты цветов и бросали их тем, кому хотели оставить эти цветы на память.

«Трансильвания» отплывала из Констанцы, провожаемая гудками всех судов, стоящих в порту. Взявшись за руки, участники фестиваля выстроились вдоль палуб и запели «Гимн демократической молодежи мира». У многих в глазах стояли слезы.

— Плачут, — взволнованно говорил Иван Степанович. — Я их хорошо понимаю: сам при капитализме не один год прожил... Не ждет их дома сахар с медом!

Он подошел к высокому молодому арабу с желтым рябым лицом и, дотрагиваясь до его сухой тонкой руки, произнес задушевно:

— Камрад! Ничего. Будет еще не один праздник у молодежи, встретитесь опять!

Юноша быстро оглядел Ивана Степановича с ног до головы и спросил:

— Рус?

— Советский, — с достоинством отрекомендовался Иван Степанович. — С Урала, рабочий. Пролетар, по-вашему.

Араб растерянно стал оглядываться, видимо, ища, кто бы помог ему поговорить с советским человеком. Потом тряхнул головой и, протягивая палец к груди Ивана Степановича, решительно сказал:

— Советский Союз — хорошо!

— Куда лучше! — засиял Иван Степанович. — Ты что? Выходит, того, комсомолец?

Но юноша не стал продолжать трудную беседу с Иваном Степановичем. Он поступил так,

Торговцы в порту Александрии.

как делали все на фестивале: сняв с головы белый платок бедуина и черный круг с помпонами, он водрузил все это на голову Ивана Степановича и поклонился ему, прижимая руку к сердцу.

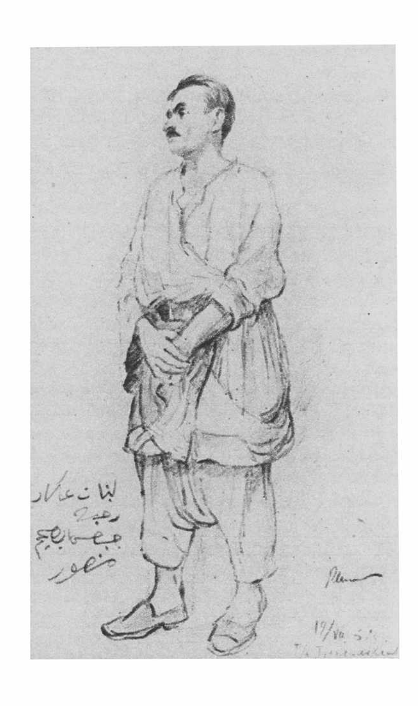
Иван Степанович растерянно рылся в карманах, бормоча:

— Одарить взаимно человека нужно...

Он вынул серебряный портсигар и, протягивая юноше, сказал:

— Вот прими на знакомство.

Араб пятился назад, делая протестующие движения. Но Иван Степанович привлек юно-

Ливанский крестьянин.

шу к себе, обнял и, шаря по его бурнусу в поисках кармана, наставительно говорил:

— Нет, шалишь, брат, от подарков не отказываются.

...На корме ливанский крестьянин в истоптанных сандалиях и белых бязевых штанах беседовал с молодым нефтяником из Краснодара.

Дотрагиваясь до своих штанов, ливанец говорил:

— Инглиш.— Показал на сандалии: — Америка.— Погрозил пальцем: — Трактор, но! — Вынул деревянную флейту, произнес печально: — Ливан. — Потом обвел вокруг своей шеи рукой и сказал: — Ливан, пейзан.

Комсомолец-нефтяник понимающе кивал головой и сочувственно соглашался:

— Ясно. Плохо живете. Дальше некуда. — Потом сказал ливанцу: — Майн фатер — бауэр унд комбайнер, — и показал руками, как человек крутит баранку.

— Трактор, — обрадованно закивал ливанец.

— Нет, комбайн, самоходный комбайн, понял?

— Комбайн? — переспросил ливанец и недоуменно пожал плечами.

— Ну, как ему скажешь? Даже слова такого не знает — комбайн, — растерянно озирался краснодарец. Присев на корточки, краснодарец стал чертить пальцем по палубе и объяснять: — Брот, ну пшеница, одним словом. — Потом он надул щеки и, подражая звуку работающего мотора, мелкой поступью прошелся по палубе, загребая руками воздух, а движением кулаков изображая, как обмолачивается хлеб. Широко расставив руки, нефтяник присел, словно подставляя мешок под струю зерна. Выпрямился, вытер пот со лба и сказал: — Вот и все. Это и есть комбайн, понятно?

Ливанский крестьянин стоял некоторое время в задумчивости. Вдруг лицо его просияло, и он воскликнул торжественно:

— Машина. Коммунизм!

Краснодарец поправил его:

— Не при коммунизме, а уже давно комбайны у нас действуют.

...Пожилой седовласый негр из Судана беседует с советским врачом. Он говорит по-английски, стараясь отчетливо произносить фразы:

— У нас целые селения питаются в течение многих лет хлопковыми жмыхами. Люди живут в земляных логовищах, а дети едят сушеную саранчу. Врачу тут нужно приходить не с лекарствами, а с куском хлеба. В нашей стране нет даже такого слова — «здравоохранение». Я только сейчас вник в смысл этого советского слова. Когда государство считает своей обязанностью создать условия для нормального существования человека, тогда медицина — наука; когда же этого нет, медицина — шарлатанство...

...Возле художника Решетникова стоит теперь группа египтян. Они допрашивают его:

— Значит, «пейхс» (мир) — это ваша картина, и мальчик, который плохо учится, — тоже ваша, и Сталина с девочкой на руках тоже вы нарисовали. Эти картины хорошо известны у нас. Значит, вы самый знаменитый художник?!

— Нет, что вы! — протестует Решетников, испуганно ежась от слов «самый знаменитый».

Маленькая смуглая девушка из Сирии подходит к Решетникову и повелительно говорит:

— Я дам вам портрет одного человека. Его изувечили у нас фашисты из Национально-социалистической партии за то, что он звал бороться за мир. Напишите о нем картину. Пусть все народы видят, что и мы в Сирии не дремлем...

Пришла ночь, такая же синяя, как прошлая, и вся в звездах. «Трансильвания» поет теперь арабские, ливанские, сирийские, негритянские песни. Поршни могучих дизелей стучат в такт барабанам и бубнам, а ветер в мачтах подсвистывает в унисон свирелям и флейтам, на которых музыканты в бурнусах и белых хитонах мастерски исполняют народные мелодии.

В проливах

Утром мы вошли в Босфор. Металлическая сеть, висящая на огромных чугунных поплавках, оставляла только узкий проход для корабля.

Каменным водопадом зданий Стамбул спускается к берегам пролива. Копья его минаретов глубоко вонзились в зеленое небо.

В эти минуты я думал о Назыме Хикмете. В прошлом году вместе с ним я был в Китае, на Конгрессе сторонников мира стран Азии и Тихого океана. Маленькая китайская девочка-пионерка, подойдя к Хикмету, сказала:

— Вы должны в Москве каждый день ездить в метро.

Хикмет удивился такому совету.

— Вы пишете стихи, — объяснила пионерка, — значит, вы должны каждый день смотреть на самое красивое на свете.

Вспоминая Хикмета здесь, на борту «Трансильвании», идущей вдоль берегов его родины, я не мог спокойно любоваться голубой водой Босфора. Железо тюремной камеры, в которой томился Назым Хикмет, словно положило свою угрюмую тень на эту землю и на эту воду.

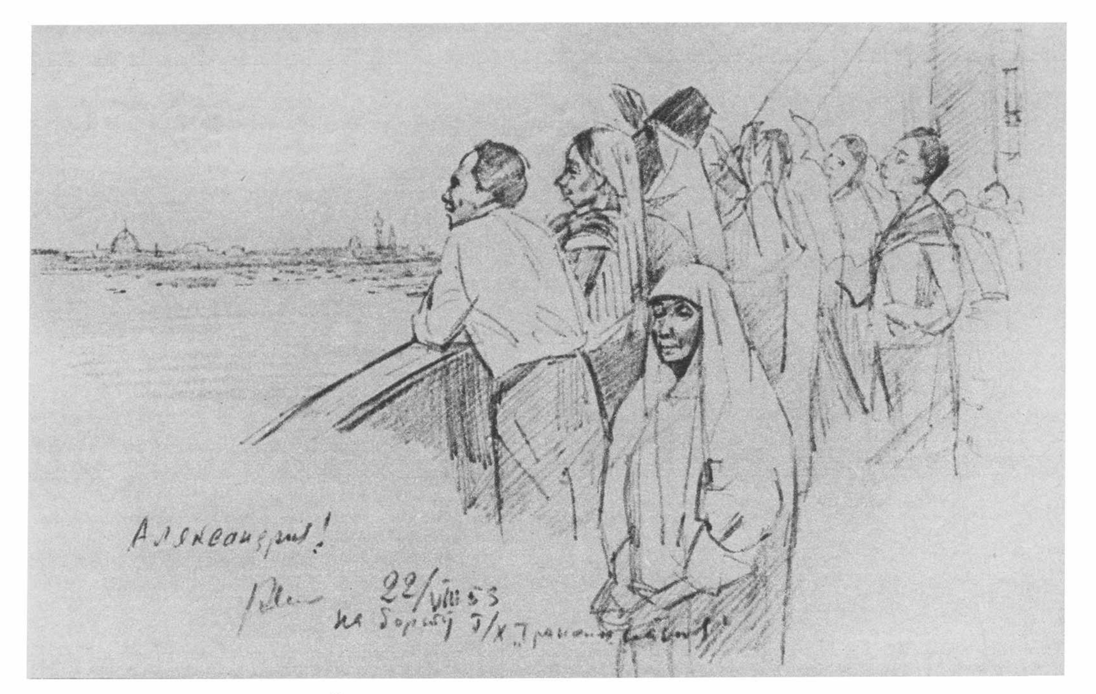
Мимо нас прошел серый катер, на палубе которого лежали люди с испитыми, серыми лицами. Вокруг них с винтовками стояли солдаты и полицейские.

Но я видел также, как согбенный старик-лодочник, спрятавшись за парус, помахал приветственно рукой нашему кораблю. Не зная турецких слов приветствия, я крикнул ему имя его соотечественника: «Назым Хикмет!»

Не знаю, услышал меня или нет старик-лодочник. Но он поднял над головой руки со сложенными ладонями и потряс ими в воздухе.

В Мраморном море Иван Степанович задумчиво сказал:

— Вот гляжу я на турецкую землю. Вначале полагал — заводские трубы, а потом посмотрел в бинокль, оказалось — мусульманские колокольни, а труб не видать. Аграрная страна, я так понимаю. Тут вот с правого борта корабль проходил с солдатами, некоторые стали нам руками махать. А офицер подошел да как даст одному в зубы! Меня, знаете, тоже по зубам в царской армии били, только ежился. А потом семнадцатый год пришел...

«Трансильвания» подходит к Александрии.

Когда мы проходили турецкие проливы, стереотрубы бетонных дотов, наведенные до этого на женские купальни, поспешно разворачивались в сторону нашего корабля. К брошенной за борт кем-то из пассажиров пустой папиросной коробке полицейский катерок подскочил с такой быстротой, точно это была пачка долларов. Но не это осталось в памяти о Турции. В памяти остался старик-лодочник, приветливо машущий кораблю, идущему под флагом одной из стран народной демократии...

Федор Решетников, облокотившись на поручни, с усердием рассматривает воду Мраморного моря. Еще в Одессе он начал тосковать по поводу того, что цвет морской воды благодаря постоянной изменчивости ставит живописца в трудное положение, а ведь впереди вода еще четырех морей.

Ливанцы, сирийцы, негры с готовностью позируют нашему художнику. Я беседую с натурщиками.

Позирующий юноша-ливанец достает из кармана пиджака коробку, бережно открывает ее: в вате лежит наш комсомольский значок, который ему подарили в Бухаресте. Он с благоговением произносит:

— Это слишком почетно, я не могу сразу надеть этот знак. Но дома — что бы там ни было, — я буду его носить!

— А что может быть дома?

Лицо юноши становится суровым. Он извиняется перед художником, делает несколько шагов по палубе, показывает рукой на американский военный корабль, бороздящий воды Мраморного моря.

— Может быть, недавно пушки этого корабля стреляли по Корее! Может быть, несколько дней тому назад в Бейруте его моряки ходили по городу и били наших ребят за то, что у них на груди значки с голубем мира. Но я все равно буду носить на груди этот знак, пусть меня хоть разорвут на части!

Да, трудно Решетникову писать портрет человека, лицо которого ежеминутно меняет выражение.

Я знакомлюсь с пожилым египтянином. На вид ему лет за пятьдесят. У него брюшко, в гладко зачесанных черных волосах седина. Он отрекомендовался коммерсантом. Вид его мрачен, говорит он с раздражением.

— Мне предоставлялась возможность в Бухаресте заключить с солидной государственной организацией обоюдно выгодный торговый договор.

— Что же вам помешало?

Он вытащил скомканный телеграфный бланк и, потрясая им, прохрипел:

— Мне сообщили из дома, что банк пригрозил лишить меня кредита, если я заключу торговую сделку в Румынии. Теперь я снова буду вынужден угощать покупателя бесплатно чашкой кофе за то, что он приобретет у меня пару стелек. Если я в день продаю 10 пар ботинок или кожаный чемодан, я звоню домой жене и сообщаю ей об этом, как о радостной новости. Американцы заваливают нас своими обувными товарами и еще угрожают через своих финансистов лишить кредитов честных египетских купцов! Еще несколько лет такой политики, и я буду не торговать обувью, а чистить ее на улицах Александрии...

Эгейское море бирюзового цвета. Появились первые ласточки южных морей — летучие рыбы.

Слесарь-монтажник из Иванова, едущий со своим баяном, разучил музыку арабских танцев. Юноши-арабы с торжественными лицами исполняют под русский баян свои древние танцы, несколько напоминающие пляски наших кавказских горцев.

В портах Средиземноморья

Средиземное море полыхает своей знаменитой лазурью. Изредка навстречу «Трансильвании» попадаются грузовые корабли. По воде шлепают полуобнаженные винты — у кораблей малая осадка: недогруз. Не очень бойко идет торговля в странах бассейна Средиземного моря!

...Бейрут — столица и главный порт Ливана. Город тесно уставлен покрытыми розовой штукатуркой плоскокрышими зданиями. Место причала «Трансильвании» окружено железными передвижными решетками. Вокруг — полицейские в американских фуражках, красных фесках, тропических шлемах и просто в фетровых шляпах.

Наши спутники — ливанцы и сирийцы — прощаются с нами с глубокой нежностью и волнением. Ливанский крестьянин, уже сойдя на берег, поворачивается лицом к кораблю и низко, до земли, кланяется.

Представитель местной власти объявил, что в связи с праздником байрама вся полиция... отдыхает. Поэтому, говорит он, «некому оформить» нам выход на берег.

Мы ясно видим, как «отдыхает» полиция, расхаживая вдоль нашего корабля по пристани, не спуская глаз с его палуб и трапа. Интересно, как будет работать полиция после байрама?

Промаршировала с итальянского корабля целая рота католических миссионеров в черных сутанах, с белыми нагрудниками, похожими на детские слюнявчики. За ними плелись бой-скауты с офицером во главе. Чемоданы бой-скаутов тащили босые носильщики-ливанцы, они торопливо подбирали с земли очистки бананов.

...Мы снова в море. Египтяне и южноафриканцы столпились на носу корабля. «Трансильвания» прошла Порт-Саид, скоро Александрия. Море стало желтого, пивного цвета, это воды Нила замутили его.

Александрийский порт. Иван Степанович говорит, что дворец бывшего египетского короля Фарука был бы вполне подходящим зданием, скажем, для детского санатория. Но трудящихся и их детей в этот дворец не пускают. И не об отдыхе, а о насущном куске хлеба приходится помышлять египетским феллахам и рабочим...

На пристани стояло несколько извозчиков и размалеванных оранжевой краской такси — машины, примечательные более всего своим древним происхождением, хотя они, несомненно, моложе египетских пирамид. Полицейские в коричневых беретах и белых коротких крагах на ногах мужественно потели под лучами жгучего солнца.

Мы сердечно распрощались с нашими египетскими и южноафриканскими друзьями. Как мы узнали потом из французской печати, несколько делегатов фестиваля были арестованы александрийской полицией по обвинению в том, что они якобы привезли с собой «материалы коммунистической пропаганды». Не репродукции ли картины Решетникова «Опять двойка!», которые художник подарил некоторым делегатам, были сочтены полицией за столь опасные «материалы»?

«Трансильванию» окружило множество лодок с мелкими торговцами. Они призывно вопили скорбными голосами весь день и почти всю ночь. Я вспомнил выражение лица и интонации голоса ехавшего с нами египетского коммерсанта и нашел у него много общего с этими неудачливыми продавцами залежавшегося товара, дежурящими возле нашего корабля...

Мы пересекали по диагонали Средиземное море, старательно блещущее своей великолепной голубизной. Парниковую теплынь этого моря ночь не остужает. А под такой огромной красно-желтой луной впору хоть загорать.

Пассажиры собрались на носу корабля. За время пути мы как-то особенно близко подружились с нашими албанскими товарищами. Мы с ними были люди одного мира.

Албанский агроном взволнованно передавал Ивану Степановичу свой разговор с ливанским крестьянином:

— Я рассказал ему о советском способе чеканки хлопка, что значительно увеличивает урожайность. А он говорит: «Мне не нужно, чтобы хлопок давал большой урожай». Почему, спрашиваю, а он отвечает: «Какой бы урожай ни был, — его весь забирает бей, хозяин земли. За свой труд я получаю только десять мешков жмыха... Ты советуешь мне два раза в год стричь овец. Но у меня нет ни одной овцы. Зимой я пасу овец своего хозяина... Ты советуешь мне глубоко вспахивать землю для сохранения влаги. Но разве можно это делать деревянной сохой, которую волочит старый ишак».

— Ну что ж, все ясно, — задумчиво говорит Иван Степанович. — Наука — друг людей, но и для нее нужно тоже сначала условия обеспечить. Дай этому ливанскому мужику землю, он и чеканку и чего хочешь развернет. На поездку в Бухарест ему вся деревня деньги собирала. Не для того только он на фестиваль ездил, чтобы там свои ливанские пляски показывать. Люди образца ищут, как жить! Вот албанский товарищ, Марк Муфти, рассказывал: в его селе уже пять человек имеют высшее образование да двое кончают институты: один — в Одессе, другой — в Харькове. Землю крестьянам МТС обрабатывают. Канал недавно прорыли. Пятьдесят гектаров поливных земель прибавилось, по два урожая в год стали снимать. А где корень всему? Народ у власти! Ливанский мужик это тоже чувствует, понимает, только еще не говорит громко: обстановка не позволяет...

* * *

«Трансильвания» резала синюю, маслянистую воду, и звезды качались на выпуклых волнах. Албанский студент, сидя на связке канатов, играл на аккордеоне трогательную песню своей родины. Завтра мы придем в Дуррес и ступим на албанскую землю, такую далекую и такую близкую. На ней живет народ, который стал хозяином своей судьбы. Он строит свое счастье по тому образцу, который другим, угнетаемым империализмом народам еще только видится путеводной звездой...

К. Ф. Юон. ВЗЯТИЕ КРЕМЛЯ В 1917 ГОДУ.

«Огонёк». 1953.

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ — МИР НАРОДАМ.

Картина Д. А. Налбандяна, В. Н. Басова, Н. П. Мещанинова, В. А. Прибыловского, М. А. Суздальцева.

А. И. Сегал. ПЕРВЫЙ ДЕКРЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ О МИРЕ.

Письмо Юрию Рытхэу

Ральф **ПАРКЕР**

Окхото из племени игальмют.

Возможно, Вам покажется странным, что английский журналист, а не канадский эскимос Окхото или кто-либо другой из племени игальмют обращается к Вам с этим письмом, чтобы поздравить первого чукотского писателя с выходом в свет его книги [1]. Но этому есть причины, которые станут ясны из дальнейшего изложения. Я не властен также над тем, что эти строки дойдут до Вас не на языке канадских эскимосов, который, вероятно, не чужд Вам: дело в том, что племя игальмют не имеет письменности. И, наконец, может показаться, что я беру на себя слишком много, когда пишу Вам от имени этого племени, не имея на то полномочий; но прочтите сначала, а затем судите меня по справедливости.

Говорят, что эскимосы удаленных от моря районов северной Канады, известные под именем игальмютов, некогда принадлежали к народу, проживавшему в Азии, там, где живет теперь ваш народ. Вполне ли это верно или нет, я не знаю, но чукчи Восточной Сибири и игальмюты северной Канады были к началу нынешнего века примерно в одинаковом положении: маленькие народы, они прозябали на далеких окраинах двух империй. Теперь Вы, чукотский писатель, рассказали нам о том, как чукчи рванулись вперед, в новую жизнь, ставшую для них возможной благодаря советскому строю. Я думаю, что небезинтересным будет для Вас услышать рассказ о судьбе такого же северного народа за тот же самый период времени.

* * *

Чтобы добраться до мест поселения игальмютов, надо проехать через равнинную, богатую пшеницей северную часть канадской провинции Виннипег, через бесконечную путаницу лесных чащ к восточным берегам залива Гудзон. Оттуда вам предстоит в санях или в каноэ двигаться дальше, к северу от границы лесов, в страну, носящую название Бэрренс — Бесплодные земли.

Но там нет никаких, даже бесплодных земель — один только гравий, песок, выветрившиеся валуны, и все наполовину залито водой, словно страна эта все еще бьется в судорогах, подымаясь со дна океана. За болотистыми равнинами и холмами из гравия лежит группа маленьких озерец, почти примыкающая к берегам реки, носящей название Иннуит-Ку — Реки Людей. Несколько столетий тому назад здесь был центр всей культуры этого района северной Канады. Племя игальмют расселялось по реке Иннуит-Ку, вверх и вниз от этих мест, держась поближе к озерам, и постепенно заняло большую холмистую территорию, простирающуюся на восемьсот километров с севера на юг и на пятьсот — с востока на запад.

Я не стану утверждать, что жизнь была легка и радостна для народа, вынужденного ютиться на такой страшной, гибельной земле. Природные условия здесь таковы, что человек должен каждодневно бороться за существование в самом прямом смысле этого слова. И только одно делало это существование возможным: канадский олень. Стада оленей ежегодно проходили через эти места, направляясь с летних северных пастбищ на юг и обратно. До того, как появился в здешних местах белый человек, оленей было великое множество, и народ игальмют был благодарен животным, которые приносили ему тепло, пищу и жизнь...

Шло второе десятилетие нашего века. Группа игальмютов, забредшая далеко от родных мест в поисках оленей, добралась до окраины лесов. Здесь она натолкнулась на самые северные фактории белых купцов. Еще с того времени, как канадский промышленник Тайрэлл побывал в стране Бэрренс — то было в 1894 году,— купцам снились несметные и нетронутые богатства этих мест. Так золотоискатели видят во сне богатые клады, скрытые в недрах скал. Понемногу промышленники продвигались через леса все ближе и ближе к бесплодным землям, пока не соприкоснулись однажды с людьми племени игальмют, для которых эта встреча была преддверием великого несчастья.

Купцов привлекал канадский песец. Они долго уговаривали игальмютов заняться охотой на этого зверя и после долгих усилий добились своего. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, цены на мех канадского песца росли с головокружительной быстротой. К стоянкам промышленников у Уинди-бай десятками приходили с добычей мужчины племени игальмют, лучшие охотники. Меха они обменивали на винтовки, патроны и продовольствие.

Но послушаем, что говорит сам Окхото об этих днях. Он был молод в те хорошие времена. На его округлом лице не было тогда глубоких, старческих морщин, низко обрезанные волосы открывали чистый лоб и ясные, пытливые глаза.

— Когда еще жив был мой отец,— так начал Окхото рассказывать о своей жизни одному канадцу-путешественнику,— наши люди сменили луки и стрелы на ружья белых людей. Ружья приносили нам еду. Старые обычаи немного пошатнулись, зато жить стало легче в нашем краю... Но вот прошло время — и у нас, игальмютов, не стало пороха и патронов для ружей. И мы не могли понять, как это случилось. Когда белые люди впервые пришли к нам, они нас просили оставить старинную охоту на оленя и вместо этого бить песца, и мы поверили им и сделали так, как они хотели. Я был молод, но я тоже стал хорошим охотником на песца и научился его выслеживать и бить. А как отец мой охотился раньше за оленем, этого я уже не знал, у меня было ружье и патроны, а не лук со стрелами. Когда же случалось бить оленя, то я применял ружье... Первое время нам было хорошо, а потом стало плохо. Почему?

Окхото, конечно, не знал о том, что с началом первой мировой войны покатились вниз цены на песцовый мех. Именно поэтому белые купцы один за другим начали исчезать из мест, граничащих с землей Бэрренс.

Окхото рассказывает дальше:

— Я хорошо помню ту зиму. Купцы сказали нам, что надо добыть много, очень много меха. Мы совсем бросили в том году летнюю охоту на оленей и все били и били песца. Мы думали так: обменяем у белого купца много меха на много пищи и не к чему нам делать запас оленьего мяса. Но когда мы понесли лисьи шкурки на юг и пришли к деревянному чуму белых людей, мы увидели, что двери стоят открытые, а белые люди ушли, от них остался только запах табака. Ящики были пусты, и не было пищи, и патронов для наших ружей тоже не было. Так мы остались без оленьего мяса и без пищи.

Я помню эту зиму,— продолжал Окхото,— я хотел бы, чтобы она ушла из моей головы. Эпитна, моя первая жена, умерла в ту зиму, и двое моих детей умерли вместе с ней. И не один я жил в голоде и скорби: в других чумах игальмютов было много мертвых, и мало кто дожил до весны.

Те, кто выжил, попробовали бить оленя постарому. Но мы уже забыли, как охотиться с луками, и охота на оленей шла плохо. Иные думали, что белые люди вернутся, и уходили ставить капканы на песцов. А другие надеялись больше на оленей. Но и тех и других померло очень много.

Через пять зим после того, как ушел последний белый человек, на его место пришли другие. Игальмюты верили, что белые люди останутся здесь надолго. Опять у них были порох и патроны для ружей, и все было хорошо. Но белые люди опять ушли, и опять у Окхото и его соседей не осталось никакой еды, кроме шкурок песцов, которые они наготовили для купца.

[1] Книга молодого чукотского писателя Юрия Рытхэу «Люди другого берега» вышла в этом году в издательстве «Молодая гвардия».

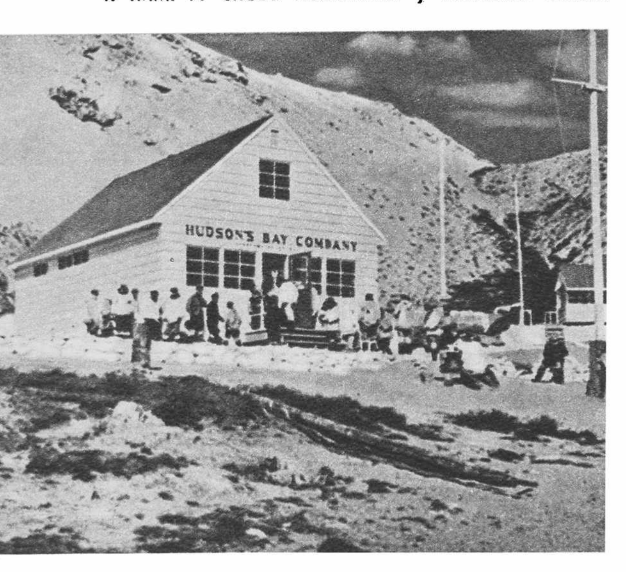
Жилище канадского эскимоса.

— Почему вы, белые люди, приходите только на короткое время, а потом покидаете нас, когда вы нам нужны? Почему это так? Почему мы не можем отдавать вам мех и получать патроны? Разве не сами белые купцы научили нас делать это? В чем здесь тайна?

Так спрашивал Окхото белого путешественника. То, чего не мог Окхото никак понять, обошлось очень дорого людям племени игальмют. В 1912 году, когда началась у них торговля с белыми людьми, игальмютов было две тысячи человек, а в 1916 осталось всего триста. Одно за другим исчезали их поселения. Год за годом росло число могил, а детей рождалось все меньше и меньше. Страх смерти сгонял остатки племени поближе к группе маленьких озерец.

В конце двадцатых годов пришло спасение: в Лондоне, Монреале и Нью-Йорке цены на песца снова стали подниматься и скоро достигли рекордного уровня. Белые промышленники вспомнили об игальмютах и вернулись к ним. И снова появились у жителей земли

Фактория компании «Гудзон бэй компани», издавна эксплуатирующей канадских эскимосов.

Бэрренс ружья и патроны, мука и чай. И снова те, кто выжил, стали делать то, что требовали от них купцы.

Пушной «бум» длился около десятка лет. В 1938 году, после того, как белые опять исчезли, у маленьких озер осталось в живых не более сотни человек. К 1947 году их насчитывалось сорок шесть.

* * *

Быстрое вымирание племени, которое когда-то населяло северные равнины Канады, вызывалось теперь уже не только поведением белых купцов. Судьбу племени игальмют решили и некоторые другие события, обусловленные все теми же жестокими, волчьими законами капитализма.

Если вам довелось бы побывать в лесистых районах Северной Манитобы, вы запомнили бы места, где зимуют пришедшие с севера стада канадских оленей, особенно одно из этих мест — там два озера соединяются узким проливом.

Выберите ясный зимний день, когда лед прозрачен и свободен от снега, и вы сумеете разглядеть, что весь пролив почти до поверхности воды забит хаотическим нагромождением костей. Одних оленьих рогов на этом огромном кладбище десятки тысяч, а всего останков оленей, сваленных в этот гигантский склеп, наверно, во много раз больше.

Бывали случаи, когда сплошные массы мчащихся оленей, зажатые в ущелье между двух линий холмов, как поток, низвергались к проливу между озерами, а напор все новых стад, движущихся сзади, не ослабевал по нескольку дней. В такие дни сюда издалека приходили убивать оленей индейцы племени идтхен. Каждый охотник приносил с собой по нескольку ящиков патронов для своего ружья. Стрельба шла до тех пор, пока все олени были истреблены. От убитых оленей белые купцы покупали у индейцев одни только языки. Туши оленей оставались лежать на льду, пока весной он не взламывался, и вся гора туш не опускалась на дно. За двадцать лет глубокий канал до того заполнился костями, что проехать по нему в каноэ нет никакой возможности.

Таких оленьих кладбищ в местах зимовки стад можно насчитать в северной Канаде немало. Лет десять тому назад в этих местах уничтожалось не меньше пятидесяти тысяч животных ежегодно. И теперь к зиме оленьи стада притекают сюда не могучими потоками, а тоненькими ручейками. Но по мере того как редели оленьи стада, стали вымирать и индейские племена: исчезало мясо, главный источник их питания.

Это не новая история. То же самое известно и об истреблении буйволов и вымирании от недостатка мяса индейцев южных равнин Соединенных Штатов Америки. Но то было столетие назад. События же, о которых я пишу, относятся к нашему времени и продолжаются по сей день. Десятки тысяч копченых оленьих языков — этого лакомства богачей — проходят непрерывно через руки торговцев на пути к консервным заводам Чикаго, и десятки тысяч оленьих туш гниют на весеннем половодье в северных районах Канады.

Есть, таким образом, трагическая связь между судьбой индейцев племени идтхен и судьбой племени игальмют. И те и другие гибнут и уходят с лица земли во имя астрономических прибылей канадских и американских капиталистов. Удел тех и других — голод и туберкулез — «большая болезнь», как зовут ее жители канадского севера.

* * *

Итак, в 1947 году от племени игальмют оставалось в живых всего сорок шесть человек. Их поселение у малых озер было как бы крепостью без стен, со всех сторон осажденной врагами.

Среди кучки людей, физическое существование которых поддерживалось лишь слабо теплящейся волей к жизни, была и семья Окхото. Кроме него семья состояла из жены Нанук, подростка-сына Элайтунны, старика-отца, его тоже звали Элайтунна, и еще одного ребенка, Альюта, сына Нанук от первого, умершего мужа. Нанук была хорошей матерью и мужественно боролась за жизнь детей, но ее сбивала с ног злая болезнь: часто кровь, идущая горлом, пятнала белоснежный песцовый мех, которым она закутывала шею. Сам Окхото был, как уже говорилось, хорошим охотником, но что он мог поделать со старым ружьем, без пороха и патронов? А старик-отец — тот пережил сотни более молодых своих соплеменников и теперь с нетерпением ждал, когда смерть позовет его к себе.

В середине марта 1947 года Окхото вернулся из долгого блуждания по лесу. В руках у него было не ружье, а старый, изношенный лук. Он вернулся к своему чуму с добычей — двумя белыми куропатками. Это было все до конца долгой зимы на пятерых человек и трех собак. Все, что могли сделать люди,— это установить «очередь смерти»: пусть раньше уходят те, кто менее нужен для других...

— Смерть сторожила каждого из нас,— рассказывал Окхото своему белому собеседнику.— Сын мой Элайтунна ждал ее так же, как и мой отец Элайтунна. Альют, мой пасынок, еще мог помогать мне рыться в снегу: мы искали старые, обглоданные кости. Уже прошло три недели с тех пор, как мы в последний раз поели мяса...

И вдруг Оотек и Оуликтук, мои соседи, вошли ко мне в чум и сказали: «Ходят слухи о белом человеке, он построил деревянный чум в нескольких днях пути отсюда». И мы решили искать и найти этого белого человека. Три собаки, которые оставались в живых на весь поселок, были уже съедены, мы выварили даже их кости и кожу. Но у нас еще были силы — мы решили идти.

Окхото рассказал, как мучительно медленно двигались эти трое по холмам из гравия, через валуны и болота. Наконец они добрались до хижины белого.

— Это был невысокий человек; он вышел из своего чума и молча глядел, как мы лежим в снегу. Мы посмеялись немного, чтобы извиниться перед ним, — нам было стыдно, что мы так слабы и не умеем говорить на его языке. Потом мы встали. Мы не знали, как объяснить белому человеку, зачем мы пришли. Наконец Оотек показал ему пальцем на свои запавшие щеки и на ребра, которые выпирали наружу. Я снова лег на снег и закрыл глаза, как мертвый, и показал рукой в сторону наших чумов: белый человек должен был понять, что там все умирают.

Но белый человек не понимал нас.

Он повернулся, вошел в хижину и вынес оттуда лисью шкурку и показал на нее, потом на нас. Великая печаль охватила меня: мы уже давно не имели ни одной лисьей шкурки на продажу. Как могут умирающие люди торговать мехами? И я увидел, что раз белый человек требует шкурок, значит, не будет помощи моему народу.

Мы показали белому человеку руками, что шкурок у нас нет.

Он вдруг стал зол и весь налился кровью. И я подумал: «Нет, он не понимает, зачем мы пришли!» Мы еще и еще пробовали ему объяснить нашу нужду и опять раскрывали свои парки [1], чтобы он увидел, как мы исхудали. Но ничего не помогало: белый человек не понимал, чего мы хотим. У него была пища, его собаки были жирные и гладкие, и мы так хотели, чтобы он дал нам то, чем кормит собак! Но он не понимал, о чем мы говорим. Между нами не было слов: слова умерли...

Мы были очень слабы и шли обратно четыре дня. Элайтунна, отец мой, умер. Элайтунна, мой сын, не ответил на мои слова: его маленькие руки уже окоченели от мороза, который холоднее льда. За ним умер Альют, сын моей жены.

Только олени знали нужду моего народа! Только олени могли пожалеть нас, а больше нас не жалел никто. Но оленей не было...

На этом кончил свой рассказ Окхото. Это было в 1947 году, когда смерть унесла еще двенадцать человек из тех, которые оставались еще от племени игальмют.

Не следует думать, что племя игальмют погибало только от жестокого бессердечия нескольких купцов, промышлявших мехом канадского песца. Канадское правительство давно уже знало о гибнущем племени. Доклад за докладом, призыв за призывом шли в адрес правительства, но все они оставались без внимания. Более того, торговать на севере Канады можно, только имея специальное правительственное разрешение; значит, официальные власти знали о существовании племени игальмют, по крайней мере, с 1912 года. В 1921 году миссионеры, жившие на берегу залива, сообщали о том, что вымерло за одну зиму пятьсот человек. Но доклад миссионеров был похоронен в какой-то канцелярии. Нет, те, кто отвечает за благополучие жителей северной Канады, не могут отговориться незнанием фактов.

Зимой и ранней весной 1949—1950 годов смерть снова нанесла жестокий урон племени игальмют. Прошло еще несколько месяцев, и умер единственный ребенок, родившийся в 1951 году. Умер от туберкулеза костей и Окхото. А что касается последних остатков племени — сейчас их менее десятка человек,— то это уже мертвое племя: в нем нет больше женщин.

* * *

Я пишу о мертвых. Изменись течение истории для тех далеких мест, как изменилось оно для народов СССР, и Окхото вместе со своими соплеменниками мог бы вкусить радость действительно человеческой жизни, как это произошло с чукчами Советского Союза. Но смертельное дыхание капитализма сделало то, чего не может сделать ледяной холод Арктики: оно убило целый народ, честный и трудолюбивый, со своеобразной национальной культурой.

И вот я пишу Вам, Юрий Рытхэу, сыну свободного и цветущего чукотского народа. Мне хотелось, чтобы ваши соотечественники, живущие под благодатным солнцем Советов, узнали о горестной судьбе своих братьев, умерщвленных капитализмом, по ту сторону арктических вод. Я пишу вам об умерших во имя торжества жизни.

---

[1] Меховая одежда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

Рассказ

Стефан ГЕЙМ

Рисунки Л. Бродаты.

Всю неделю шли дожди.

По нескольку раз в день Чарльз Тендри, командор поста Американского легиона в Четхэме, штат Кентукки, и Кларенс Делф, начальник местного отряда «Ветеранов иноземных войн», принимались хмуро разглядывать низко нависшие облака и подолгу вслушивались в дробный стук дождя по крышам.

Впрочем, свои наблюдения над погодой эти два джентльмена проводили порознь: они и не были даже в близких отношениях. Но именно в эту неделю состояние погоды одинаково и непосредственно занимало обоих. Если ненастье продержится еще несколько дней, вся затея с празднеством пойдет к чорту. А раз празднество не состоится, — значит, ни тому, ни другому не придется покрасоваться в униформе и промаршировать по улице под звуки оркестра и барабанную дробь. А без шума и рекламы, как известно, бизнеса не сделаешь, тем более в этом шахтерском городке, где не так просто заманить человека в Легион или в Ветераны. Совсем другое дело, если погода прояснится и будет солнечный день: тогда все пойдет, как задумано, и Тендри сможет рассчитывать завербовать возвращающегося домой героя в свою организацию, а Делф попытается сделать то же самое.

Парень, только что вернувшийся из трехлетнего плена в Корее, — это козырная карта! Такая не каждый день выпадает. И на нее ставили ставку оба — Чарльз Тендри и Кларенс Делф.

Все зависело, таким образом, от погоды. В этих проклятых горах тучи, раз собравшись, не так-то легко расходятся. Они похожи на здешний народ, тяжелый на подъем, упрямый, несговорчивый.

Но дождь все-таки кончился в ночь с четверга на пятницу. Утром солнце уже высушило верхушки холмов и тысячами алмазов засверкало в красной и желтой листве каштанов, в зеленой хвое сосен. Даже старая гофрированная жесть надшахтных сооружений, которые торчат по всей долине, ярко блестела на солнце, словно угольная компания «Консолидэйтед Коул» в неожиданном припадке щедрости заново их выкрасила. Только домишки шахтеров, сгрудившиеся вдоль железнодорожной насыпи и в складках холмов, выглядели так же уныло, как всегда. Как бы ни светило солнце в самые лучшие летние дни, как бы ни сияло небо голубизной, напоминающей павлиний глаз, это не могло придать приятности изглоданным ветрами и непогодой, полусгнившим шахтерским хижинам.

Исключение составлял дом Макгоуэнов. Он сверкал в новой, белоснежной одежде из свежей штукатурки. На белом фоне празднично выделялись гирлянды из свежей зелени, а в самой середине — над фронтоном — красовался овальный щиток с надписью, сделанной не совсем уверенной рукой: «С приездом, дорогой сын!»

Побелку домика оплатила чистоганом компания «Консолидэйтед Коул». Это не преминул подчеркнуть мистер Бертран К. Таттл, главный бухгалтер компании, в разговоре со стариком Макгоуэном. Старик вместе с миссис Макгоуэн стоял немного в сторонке от входной двери, молча наблюдая, как мистер Таттл командует носильщиками, втаскивающими в дом большую двуспальную кровать.

— Несите ее прямо в нижний этаж, в угловую комнату! — кричал мистер Таттл. — Это у них единственная комната с приличными обоями.

— Но в этой комнате, кажется, и без того довольно мебели? — заметил высокий жилистый человек, который стоял у крыльца, прислонясь к столбу.

Таттл взглянул на человека, вернее, на его большие, загрубевшие руки с въевшейся навечно сине-черной угольной пылью — отличительный признак шахтера.

— Бэн Каррузерс! — сказал Таттл. — Хотел бы я знать, кто дарит эту кровать? Ваш профсоюз или компания?

— Компания, — ответил человек.

— Тогда я был бы вам благодарен, если бы вы не лезли в дела компании! — воскликнул Таттл. И, повернувшись к носильщикам, добавил: — Рухлядь из нижней комнаты можно переставить наверх.

— А если старики Макгоуэны не желают, чтобы их мебель перетаскивали с места на место? — снова отозвался человек у столба.

— Мистер Макгоуэн! — с подчеркнутой торжественностью обратился к старику Таттл, выдавливая на лице нечто вроде улыбки.— Разве вы не считаете, что Джек достоин спать на самой лучшей кровати, какую можно найти в нашем мебельном магазине?

Старик, — впрочем, он не так уж был стар, он только проработал полтора десятка лет на шахте номер четыре, — кивнул головой, не произнося ни слова. Он был не только молчалив от природы, но и достаточно осторожен, чтобы не ссориться с мистером Таттлом: тот мог немало испортить крови при случае.

— Прошу иметь в виду, — наставительно продолжал Таттл, — что Джек три года не имел... ну, вы знаете, чего, — значит, он, возможно, скоро решит жениться. Потому компании и пришла в голову эта идея насчет кровати! — он остановил носильщика, тащившего матрац, и игриво ткнул пальцем в пружину.— Стальные, специальной закалки! — воскликнул он. — Вот уже отдохнут его кости, вашего бедного Джека! Воображаю, сколько он натерпелся там, в лагере, от этих желтых корейцев!

Таттл поглядел на Бэна Каррузерса и весь перекосился, заметив, что тот спокойно почесывает щеку.

— Так вот! — крикнул бухгалтер, закипая злостью при виде этой каменной невозмутимости. — Если вашему профсоюзу нипочем такой герой, как Джек Макгоуэн, тогда «Консолидэйтед» воздаст ему должное. И весь округ тоже! И весь штат Кентукки, и все Соединенные Штаты, да, сэр!

— Мы очень ценим Джека, — спокойно проговорил Каррузерс, усаживаясь на ступеньку крыльца. — Мы думаем выдвинуть его в контролеры за подсчетом выработки...

— В контролеры!! — презрительно сморщился Таттл.

— А что тут дурного? — попрежнему спокойно отвечал Каррузерс. — Неплохая, нетрудная работа — в самый раз для начала. И потом это покажет всем, что профсоюз доверяет Джеку.

— Компания назначит его мастером, вот кем!

Каррузерс с минуту сидел молча, охватив руками колени. Значит, компания решила запустить коготок в это дело. Они знают, что мастер не может быть членом профсоюза: он относится к административному персоналу.

— Хотите сделать Джека одним из ваших погонщиков? — в упор спросил Бэн бухгалтера.

Мистер Таттл заметил огонек, на мгновение зажегшийся в зрачках шахтера. Ему стало не по себе. Это был тот опасный, воинственный огонек, который Таттлу не раз доводилось видеть в глазах здешних людей, отцы и деды которых спустились с гор, чтобы добыть тут первые тонны угля. Нет, этим людям пальца в рот не клади!

— Не слыхал я, чтобы компания одаривала кого-нибудь так, ни с того, ни с сего, — настойчиво продолжал Каррузерс, глядя прямо в глаза бухгалтеру.

Мистер Таттл растерянно огляделся. Носильщики покончили со своим делом и равнодушно ждали расчета. А искать поддержки у старика Макгоуэна — это уж было последнее дело.

— Ну, а вы, мать? — повернулся он вдруг к миссис Макгоуэн. — Что скажете вы на все это?

Миссис Макгоуэн беспокойно теребила пальцами передник.

В основу печатаемого рассказа положен действительный факт, описанный в «Нью-Иорк санди уоркер» от 27 сентября этого года.

— Я думаю... я просто счастлива, что Джек скоро будет дома, — прошептала она.

— Вот это настоящий американский дух! Настоящий! — одобрительно сказал мистер Таттл.

Он победоносно оглядел Каррузерса, повернулся и ушел.

* * *

Четхэм — маленький городок, лежащий в самом центре округа Гарлан, «кровавого округа», как издавна звали его в народе.

В старые времена, когда уголь в этих местах еще не был разведан, людям приходилось добывать себе кусок хлеба из тощей горной земли. Жестокие распри царили тогда среди здешних фермерских кланов. Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть — таков был закон кровавой мести, и люди подчинялись ему. Целые семьи настойчиво истребляли друг друга: устраивались набеги на фермы, сжигались дотла дома и амбары, угонялись лошади и домашний скот. Часто людям было даже трудно вспомнить, с чего это началось. Может быть, чей-то плуг невзначай прошелся по соседской земле или топор прихватил чужое дерево? Может быть, подменили тавро и перепродали чью-нибудь лошадь? Либо, наконец, парень неладно обошелся с соседской дочкой? Кто это упомнит? Знали только одно: травить обидчика до конца, до смерти. Ни шериф, ни судья не осмеливались вмешиваться в эти семейные дела: ружья били без промаха в округе Гарлан, в горах штата Кентукки.

Но то были давние времена. Теперь здесь не ездят больше верхом на горячих лошадях. На смену им пришли поезда, автобусы, обшарпанные грузовики, а полицейский на мотоцикле не спешит прибавить газу, если, обернувшись, заметит за своей спиной какое-то движение в придорожном кустарнике.

Другое дело во время забастовок. Тогда полицейским лучше не показывать носа в Четхэм или в другие шахты округа Гарлан, разве что в отряде будет человек пятнадцать — двадцать. Отзвуки стародавних времен словно отдаются эхом в классовых схватках наших дней. Непреклонное свободолюбие предков передалось потомкам, которые рубят теперь уголь в шахтах Четхэма.

Поэтому и профсоюз здесь не чета сговорчивым, ручным профсоюзам, с которыми хозяевам приходится иметь дело в больших городах. Здесь неуступчивость рабочих скреплена кровью, и люди, выходя в пикеты, берут с собой винтовки. Иначе нельзя: повсюду кишат шпики и штрейкбрехеры, все они вооружены до зубов и не задумаются вогнать вам пулю в спину. Не редкость в этих местах — найти какого-нибудь дельного парня из профсоюза лежащим с размозженной головой в густой траве у дороги. По мановению руки губернатора штата в округ Гарлан мчатся полицейские и солдаты — воевать с горняками и защищать «Консолидэйтед Коул»: компания ведь не любит платить рабочим по профсоюзным ставкам, как не любит выдавать получку долларами, а все норовит — лежалой дрянью из собственных лавок...

* * *

Когда пришло сообщение, что сержант Макгоуэн пропал без вести в бою, родственники, соседи, даже незнакомые люди битком набились в домик к старикам. Мужчины молча стояли у стен, женщины сидели по двое в потертых креслах. Все смотрели на висевшую в простенке выцветшую фотографию Джека — он был снят в семнадцатилетнем возрасте, — на слезы, медленно катившиеся из распухших глаз миссис Макгоуэн, на каменное лицо старика. Каждому хотелось смягчить горе родителей, хоть чем-нибудь услужить. Но никто не знал, как это сделать. Только Бэн Каррузерс принес от профсоюза немного денег, собранных среди шахтеров, — пусть хоть в первые дни скорби родители не будут обременены заботой о хлебе насущном.

В такие часы не так просто подобрать подходящее слово, а для суровых, сдержанных людей Четхэма это было вдвойне трудно. Некоторые, правда, старались выразить свои чувства: они говорили, что очень, очень сожалеют, что просто непонятно... такой здоровый, веселый парень, как Джек... Кто-то сказал, что Джек воевал за свою страну, как шахтеры за свой профсоюз.

По лицу Каррузерса пробежала тень. Он выступил вперед, спрятал огромные руки в карманы и громко сказал:

— Во-первых, когда человек дерется за свой профсоюз, он дерется у себя дома и знает, за что вступает в драку. А во-вторых... — Он оглядел присутствующих. — А вовторых, — продолжал он, несколько смягчая резкость тона, — еще неизвестно, погиб ли Джек. Разве не могло случиться так, что он жив, только попал в плен?

— Хо! — воскликнул Чарльз Тендри, явившийся к старикам официально, в синей, с золотыми позументами пилотке Легиона. — Лучше бы тебе не говорить такие слова при убитой горем матери, Бэн Каррузерс! Я бы всякому лучше пожелал быть убитым, чем попасть живым в руки этих красных! Мы знаем, что́ они делают с пленными...

И он начал перечислять всё, что вычитал на сей счет в газетах.

Каррузерс шагнул к Чарльзу Тендри — он увидел, что лицо миссис Макгоуэн становится белым, как мел. Но тут Кларенс Делф, который побывал в 1918 году во Франции, стал уверять, что дела в лагерях для американских военнопленных в Корее, безусловно, много хуже, чем думает Чарльз Тендри, — откуда ему знать, он ведь отроду не выезжал из Америки...

Каррузерс сгреб обоих своими чугунными лапами и повел к двери.

— Если вам хочется поиграть в первую мировую войну, можете сделать это на улице! — сказал он им вслед.

После этого дня Каррузерс стал часто навещать стариков. Он считал это своим долгом. И потом он знал, что только с ним они охотно вступают теперь в разговоры. Ему же первому была прочтена подписанная собственноручно Джеком открытка, прибывшая из лагеря для пленных в Северной Корее. Бэну давали читать и письма, которые приходили от Джека позже.

Люди умирали от любопытства: что-то там Джек пишет из Кореи? Они могли бы узнать об этом у стариков, но спрашивать казалось как-то нескромным. Тогда стали осаждать вопросами Каррузерса — в забое, на почте, в кабачке у Кейли, в бакалейной лавке, всюду, где только появлялась могучая фигура председателя профсоюза.

Бэн по мере возможности старался удовлетворить любопытство четхэмцев. Он внимательно прислушивался к спорам, которые поднимались каждый раз после того, как он рассказывал содержание очередного письма. Он вглядывался в лица людей, как инженер вглядывается в манометр паровой турбины. И он видел, что стрелки манометра неуверенно мечутся то вправо, то влево...

Некоторые вообще не верили письмам Джека. Они повторяли утверждения газет: красные, мол, диктуют нашим парням то, что сказано в письмах. Другие возражали: еще не родился на свет человек, который заставил бы покривить душой парня из Четхэма! Находились и такие, что умозаключали: а может быть, и впрямь красные не такие, как пишут о них газеты? Наконец, кое-кто из сердобольных людей склонен был думать, что бедняга Джек просто дошел до такого состояния, что и сам не понимает того, о чем пишет...

В одном из писем Джек сообщал, что его команда выиграла состязания по бейсболу и стала чемпионом всех лагерей военнопленных в Северной Корее! Письмо пришло под самое рождество, когда особенно много народу толпилось на почте.

— Бейзбол! — орал Чарльз Тендри, грея зад перед пылающим камином. — Чем вы еще угостите нас, Каррузерс? Наши несчастные пленные на ногах стоять не могут, не то что гонять мяч или держать бейзбольную биту!

— Все до одного умирают от голода! — вторил ему Кларенс Делф.

Каррузерс не вступал с ними в пререкания. Он продолжал следить за манометром споров.

— Как вы можете отрицать, что все это подделка? — подливал масла в огонь Тендри.

— Может быть, у них там состоятся на днях скаковые состязания? — издевался Делф.

Каррузерс обвел глазами комнату. Почтмейстер ехидно улыбался из своего окошка. Но все остальные, кто собрался в комнате, ждали ответа — да, они ожидали, чтобы профсоюз сказал свое слово.

— А почему бы нам не подождать, пока Джек вернется домой? — сказал наконец Каррузерс. — Он сам все и расскажет.

— Он не вернется домой! — крикнул Тендри

— Никогда! — подтвердил Делф, словно забивая гвоздь в крышку гроба.

* * *

И вот теперь Джек возвращался домой.

Мистер Таттл объявил, что встретит героя в аэропорте Луисвилла на машине — на одном из новеньких «паккардов», принадлежащих компании. Профсоюз ответил, что этого не будет. Каррузерс довел до общего сведения, что встречать Джека отправится делегация рабочих на грузовике. Джек — шахтер и сын шахтера. На чем же ему прибыть в родные места, как не на машине, в которой возят уголек?

Но компания «Консолидэйтед Коул» продолжала делать все, чтобы захватить в свои руки церемонию встречи. День приезда героя был объявлен нерабочим для всех горняков Четхэма, кроме тех, кто дежурит на откачке воды и других неотложных подземных работах. Для мужчин было припасено немало галлонов пшеничного виски, для женщин и детей — сладкое вино, и для всех — бутерброды с мясом.

— Заметьте, — говорил всем Таттл, — угощение бесплатное, единственно из любезности, знак внимания к герою от «Консолидэйтед Коул»!

Предполагалось, что интересное зрелище, музыка, речи и иллюминация — все это привлечет в город и массы горцев из окрестных селений.

Компания позаботилась не только о текстах речей для мэра и старика Макгоуэна, но и о том, чтобы втянуть в празднество газеты, радио, кино. Нескольких репортеров выписали из самого Чикаго. Но главный сюрприз хранился в тайне: он будет раскрыт только тогда, когда наступит надлежащий момент. Покамест об этом велись усиленные негласные переговоры между компанией, мэром и губернатором штата.

Старикам Макгоуэнам, слегка одуревшим от поднятого шума, Таттл посоветовал одеться по-воскресному. Они уже устали от обязательных поклонов в ответ на приветствия и поздравления. Плечи у обоих ныли от крепких дружеских похлопываний. Им до смерти хотелось присесть где-нибудь в тихом уголке. Но мэр города, упитанный, вертлявый человек, с носом, напоминающим луковицу, подхватил стариков под руки и потащил в бар.

Надо сказать, что мэр славился своей способностью напиваться еще до полудня. Сегодня, по такому торжественному случаю, он заметно увеличил норму и скоро пришел в умиленное состояние. Он положил руки на плечи мистера и миссис Макгоуэн и начал:

— Теперь я скажу вам один секрет, только вам одним. Большой, громадный секрет! Но

обещайте: ни слова, ни одного словечка ни одной живой душе! Обещано?

Старик молча наклонил голову. Миссис Макгоуэн сказала вслух, что обещает все хранить в тайне.

— Ваш парень, — торжественно провозгласил мэр, — ваш парень больше не будет называться **сержант** Макгоуэн, нет! — Брови мэра высоко взлетели вверх. — Ну, что вы скажете на это?

Старик Макгоуэн не сказал ничего: он привык к тому, что отцам города Четхэма нельзя верить ни на грош.

— Ну, давайте, скажите хоть слово! — приставал мэр.

— Я была бы счастлива... — миссис Макгоуэн с трудом справилась с комком, сдавившим ей горло. — Я буду счастлива, если он опять будет называться просто Джек Макгоуэн!

— Просто... Джек Макгоуэн! Ну нет! — закричал, наливаясь кровью, мэр. — **Полковник** Макгоуэн, да, сэр, прошу покорно! Вот как это будет, мы всё уже обтяпали с губернатором... Собственный почетный полковник штата Кентукки, ура, ура!

Мэр потащил стариков к двери и показал на сооруженную на площади платформу.

— Видите этого маленького,— вон, с головой, как тыква? Это личный представитель губернатора... Угадайте-ка, что у него в портфеле! Не угадаете. У него в портфеле чин полковника территориальных войск, это для вашего сына. И я вам скажу еще кое-что... — Он понизил голос: — Тут в городе есть два парня — они подохнут от зависти. Оба они давно тоже стараются стать полковниками. Это мистер Тендри и мистер Делф...

Мэр визгливо расхохотался, со всего размаха ударил старика Макгоуэна по плечу и удалился не совсем твердой походкой.

— Итак, полковник Макгоуэн! — проворчал кто-то за спиной стариков. Это был Бэн Каррузерс. Он выглядел сердитым, но глаза его смеялись. — Из кожи лезут вон, чтобы захлопнуть Джека в свою мышеловку!..

— Да, да, теперь уж они вскружат ему голову,— бормотал старый Макгоуэн.

Бэн нахмурился, но тут же лицо его прояснилось.

— Нет, не выйдет это у них, — сказал он и усмехнулся. — После таких писем — нет, не выйдет!..

* * *

Грузовик ожидали ровно в четыре.

За двадцать минут до прибытия героя все было готово. Платформа пестрела красно-бело-синими флагами — их прислала в большом количестве компания. На почетных местах сидели представитель губернатора с тыквообразной головой, сильно захмелевший мэр, рядом с ним Тендри и Делф, сверкающие нашивками и позументами. Тут же расположились молчаливые важные господа из «Консолидэйтед Коул» и несколько местных бизнесменов побогаче. Зажатые, как сельди в бочке, между этими представителями четхэмского светского общества, задыхались и исходили пóтом старик Макгоуэн и его жена. Тут же спокойно восседал и Бэн Каррузерс как символ того, что профсоюз не чинит препятствий происходящему...

Оркестр Легиона выстроился по правую, Ветеранов — по левую сторону платформы. Впереди каждого из оркестров красовалась в роли тамбур-мажора полногрудая девица с голыми ногами, едва прикрытыми короткой гофрированной юбочкой. Обе девицы ежились от осенней прохлады. Как только Чарльз Тендри или Кларенс Делф подавал сигнал, соответствующая девица начинала орудовать позолоченной булавой и задирать ноги, дирижируя оркестром. Оркестры поочередно играли «Колумбию, жемчужину Океана» и «Дикси».

Шеренга солдат оттеснила зрителей от платформы. Был расчищен проезд и для возвращающегося героя. Позади оцепления народ теснился, заполняя всю площадь, людьми были усеяны откосы холмов, все с интересом разглядывали платформу, флаги, оркестры. Если бы в небе пролетел самолет, летчику все это показалось бы огромным цирком, устроенным на свежем воздухе.

За десять минут до четырех зрители, сидевшие повыше, заметили бешено мчавшуюся по дороге легковую машину. Кое-кто решил, что распорядок торжества изменен и Джека везут в этой машине, кое-кто попросту устал от ожидания, и вот вокруг взорвались крики: «Урра!», «Едет!», «Гип-гип!». Крики росли, отдавались в горах, катились, дробясь, лавиной звуков.

Машина резко затормозила у платформы. На переднем сидении, откинувшись на спинку, восседало двое молодых людей, с обыкновенными, ничего не выражающими физиономиями, в обыкновенных, стандартного покроя пиджаках. Оба молчали и глядели прямо перед собой, не поворачивая головы. С заднего сидения спрыгнул, почти свалился мистер Таттл. Едва он захлопнул дверцу, машина развернулась и мгновенно исчезла.

Мистер Таттл, запыхавшись, цепляясь за перила, взбежал по ступенькам. Он был бледен, нижняя челюсть его дрожала мелкой дрожью.

— Алло, Берт! — крикнул ему мэр. — Что там стряслось?

— Я должен сделать объявление, — прохрипел Таттл.

— О чем? — удивился мэр.

Мистер Таттл со значительным видом покачал головой. Он сделал несколько поспешных шагов к микрофону.

— Люди! — крикнул он. — У меня новость для вас! Празднество отменяется. Я должен просить вас... э... быть столь любезными — и разойтись по домам.

По толпе пронеслось, как ветер, глухое гудение.

— А почему? — раздался громкий голос. Вопрос задавал Каррузерс из своего угла платформы.

Мистер Таттл забыл, что микрофоны включены и что каждое его слово отчетливо слышно даже самым дальним зрителям, устроившимся на холмах.

— Эти двое в машине, — сказал Таттл, — были люди из ФБР. Они мне дали все инструкции. Этот парень Джек — так они сказали мне — не хорош. Он вернулся из Кореи не таким, как надо. Он стал... про!

— Кем он стал? Про? — переспросил мэр, в первый раз услыхавший такое выражение.

— Да. Про! — подтвердил мистер Таттл с видом знатока. — Прогрессивным он стал — вот что это значит. Он писал, оказывается, письма своим, домой...

Мэр подскочил, словно его подбросила пружина. Он подошел к старику Макгоуэну и взял его за лацканы праздничного пиджака.

— Письма! — прошипел он.— Пропаганда? Красные штучки? А мы еще хотели сделать его почетным полковником! А?

— Полковником? — прорычал, подымаясь с места, Чарльз Тендри.

— Полковником? — отозвался, как эхо, Кларенс Делф.

Но тут вскочила на ноги миссис Макгоуэн. Она оттолкнула мэра и взяла мужа под руку.

— Ничего дурного не было в письмах моего мальчика! Ничего, слышите!— Голос ее ломался от усилия сохранить спокойствие. — Он писал только об одном: эта война не нужна нам. Он просил сделать что-нибудь, чтобы был мир, и можно было ему вернуться домой...

Ее голос пересекся. Представитель губернатора всердцах громко защелкнул замок на своем портфеле.

В эту минуту с дороги послышался рокот мотора. Все головы повернулись в ту сторону.

Грузовик еще не совсем затормозил, а на землю уже спрыгнул широкоплечий, стройный, загорелый солдат. Он побежал, протягивая вперед руки, к платформе.

Но за несколько шагов солдат вдруг остановился и опустил руки как бы в нерешительности. Его сковывало царившее кругом выжидательное молчание. Он озирался, ничего не понимая. Потом лицо его потемнело. Он провел рукой по лбу и тихо, настороженно, словно идя в разведку на фронте, двинулся к платформе и поднялся по ступеням.

Мэр, мистер Таттл, представитель губернатора, Тендри, Делф, все местные значительные лица пятились к другому краю платформы, словно перед ними был чумный больной.

Солдат немного постоял, не произнося ни звука. Потом обернулся к старикам и проговорил дрожащим голосом:

— Эгей, мам!

И секундой позже:

— Эгей, пап!

— Эгей, сын! — ответил мистер Макгоуэн.

Миссис Макгоуэн едва сдерживала рыдания. Солдат обнял мать и стал тихо поглаживать ее вздрагивающие плечи.

Тут Чарльз Тендри и Кларенс Делф показали воистину военную твердость и выдержку. В воздухе прозвучали короткие слова команды. Оба оркестра вместе с голоногими девицами вытянулись в стойке «смирно», сделали перестроение и в безупречном порядке двинулись вниз по улице. Их трубы, флейты, бубны и барабаны безмолвствовали. Удивленные зрители молча провожали их глазами. Но уже на многих лицах проступало выражение гнева.

— Брат Макгоуэн! [1]

Это Бэн Каррузерс окликнул солдата. Услы-

[1] В некоторых профсоюзах США, именовавшихся ранее «братствами», сохранилось обращение «брат».

шав голос Бэна, мистер Таттл поспешно отскочил от микрофона.

Бэн еще раз вслушался в молчание всей этой массы людей, он все еще следил за стрелками тысяч человеческих манометров, колеблющимися, но уже склоняющимися в одну сторону.

— Брат Макгоуэн! — позвал он снова. — Пожалуйста, подойдите сюда.

Солдат подошел к микрофону.

— Брат Макгоуэн,— заговорил Каррузерс, и в глазах его опять вспыхнул огонек, который так коробил всегда мистера Таттла. — Тут нам сказали, что вы вернулись не таким, как надо. Я хотел бы задать вам при всех несколько вопросов и был бы рад услышать ваши ответы. Все ваши братья по профсоюзу хотели бы их услышать. Я думаю, что и все вообще жители Четхэма, штат Кентукки. Что вы намерены делать теперь, когда вернулись к себе домой, к нам? Каковы ваши планы?

— Я хочу жить и работать, — тихо сказал солдат и, помолчав мгновение, добавил: — В мире.

— Вы были на войне, Джек Макгоуэн, вы повидали другие страны и, наверно, сидели в окопах с солдатами других народов, каких мы не видали ни разу в глаза. Что думают они, каковы их планы?

— Они хотят жить и работать в мире,— повторил солдат и обвел толпу спокойными, твердыми глазами.

— Мне кажется, что и мы все здесь думаем так же.

Каррузерс улыбнулся, произнося эти слова, и повернулся к хмуро сгрудившимся на платформе почетным гостям.

— Или вы, может быть, думаете иначе? — спросил он.

Ответа не последовало. На шахтера глядело несколько пар ненавидящих глаз.

— Говорят, молчание — знак согласия, — иронически заключил Каррузерс.

Он подошел к солдату и протянул ему руку:

— Теперь я скажу: здравствуй, Джек! С приездом! Я очень рад, что ты опять с нами!

На платформе снова воцарилось молчание. Но уже со склонов холмов, скатываясь в долину, наводняя площадь, словно сгущаясь и твердея, несся крик многих сотен голосов:

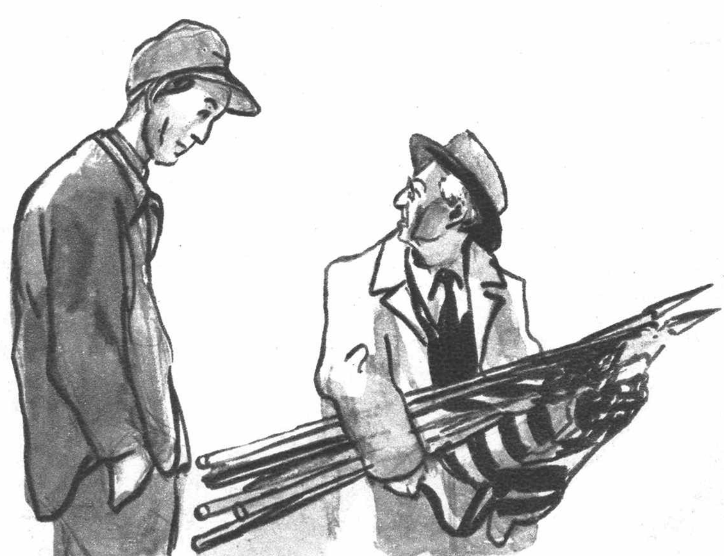
— Урра! Здравствуй, Джек! Гип-гип!

В воздух полетела стая шапок, колыхался целый лес рук, шеренги солдат были смяты и растворились в толпе шахтеров, двигавшихся к платформе. Почетные гости в спешке, огрызаясь злобным оскалом зубов, покидали платформу. А она уже была занята десятками крепких, веселых людей, гулко хлопавших по плечам и спине Джека Макгоуэна.

Один только мистер Таттл с перекошенным, бледным лицом еще копался на платформе. В его руках была большая пестрая связка флагов, он поспешно собирал имущество компании.

— Может быть, вы оставите хоть один? — Вздрогнувший Таттл быстро обернулся и замер, увидев перед собой Каррузерса. — Не все флаги в Соединенных Штатах ваши, — спокойно сказал шахтер.— Вот этот, например, вы взяли по ошибке. Он принадлежит профсоюзу.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Встреча в троллейбусе

МЕТАКСЕ

Я впервые в Москве.
Я в московском троллейбусе еду,
Тороплюсь поскорей
На Кремлевские стены взглянуть.
— Где мне лучше сойти, —
Обращаюсь с вопросом к соседу, —
Чтоб до площади Красной
Прямей и короче был путь!

— Ты в Охотном сойди,—
Два попутчика молвили разом.
Предлагает один:
— Хочешь, путь начерчу на листке!
Вижу, оба соседа
Скуласты, смуглы, узкоглазы,
Говорят же свободно
На русском они языке.

— Без рисунка найдет! — возражает второй. —
Ведь в Пхеньяне
Этот путь для тебя
На листочке никто не чертил.
И когда из Пекина я ехал,
Сквозь все расстоянья
Кремль огнями рубиновых звезд
Мне светил.

Отовсюду он виден:
С разъезда и с полустанка;
Ты отыщешь его,
Маяками созвездья горят...
И глядят москвичи,
Как кореец, китаец, армянка
Оживленно и громко
По-русски втроем говорят.

— Вот теперь выходи! —
Восклицают попутчики разом.
Я им руку даю,
Я желаю им счастья в пути.
Вот он, Кремль!
Да, его я видала с Кавказа!..
Сколько тысяч людей здесь хотели б
Со мною сойти!

Перевели с армянского
Елена Николаевская и Ирина Снегова.

Нити СПОРТИВНОЙ *дружбы*

Лев СЛАВИН

Советский спорт шагнул на международную арену широко и победоносно.

Флаги многочисленных стран реяли в этом году над стадионами Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, а флаги СССР поднимались над стадионами Европы. Не было ни одного месяца, а в иные месяцы ни одной недели, когда бы не встречались наши и зарубежные спортсмены.

Перед лицом этого непрерывного, все нарастающего международного спортивного общения как жалко звучит клеветнический писк о мифическом «железном занавесе»! В пятидесяти международных соревнованиях участвовали наши спортсмены за девять месяцев этого года. Около сорока спортивных делегаций из двадцати стран мира были гостями Советского Союза за те же девять месяцев. Европа увидела советский спорт, оценила его, восхитилась, а кое-где и обеспокоилась.

Спортивные успехи советских людей продолжают восхищать мир.

Международные встречи 1953 года начались с коньков. В январе москвичи увидели на ледяных дорожках стадиона «Динамо» шведов. Гостей приняли хорошо, предложили им лучшее, что у нас есть: темп Олега Гончаренко, скорость Юрия Сергеева. Сильнейшие конькобежцы Швеции должны были убедиться в том, что отныне не только они являются сильнейшими в мире.

В том же месяце мы были свидетелями международной встречи, посвященной одному из изящнейших видов спорта — фигурному катанию. До сих пор знатоки вспоминают «Вальс дружбы», в котором соединились фигуристы Венгрии, Чехословакии и СССР.

Февраль принес советскому спорту первую в нынешнем году мировую победу: на олимпийском стадионе в Хельсинки встретились сильнейшие скороходы в состязании на мировое первенство. Чемпионом мира стал советский конькобежец Олег Гончаренко, его товарищ Борис Шилков занял второе место.

Но февраль на этом не закончился. Он вместил в себя еще одну блестящую победу, на этот раз в Норвегии, на ледяном поле Лиллехаммера. Мировое первенство по конькам завоевала молодая советская спортсменка Халида Щеголеева, Римма Жукова заняла второе, а Лидия Селихова — третье призовые места.

Рассказывают, что перед стартом шведская спортсменка Гюннель Гюнлов полушутя сказала Римме Жуковой:

— Вы так хорошо бегаете, что я прошу вас хоть немного подождать...

Эта шутка довольно точно отражает современное соотношение сил в конькобежном спорте. Недаром одна финская газета с некоторым оттенком беспокойства писала, что СССР становится лучшей конькобежной страной мира.

Весна застает наших спортсменов в Италии. Еще одно первенство мира — на этот раз по классической борьбе. Пять побед, пять первых мест из восьми — у советских борцов.

Чем ближе к лету, тем все чаще международные встречи. В мае два первенства Европы. В Варшаве собираются боксеры, в Москве — баскетболисты. Два советских мастера кожаной перчатки становятся чемпионами Европы. Не успел в последний раз прозвучать гонг над варшавским рингом, как под майским небом Москвы на стадионе «Динамо» команды шестнадцати стран ринулись в борьбу за первенство Европы по баскетболу. Москвичи становятся знатоками самых различных спортивных манер. Они сравнивают стиль игроков Италии и Франции. Они подметили, что чехи отличаются быстротой движений, а египтяне искусны в броске одной рукой. Первенство уверенно завоевывает трехкратный чемпион Европы — советская команда.

В Неаполе на первенстве мира по классической борьбе. В центре — советская команда.

Май. Парижане приветствуют наших волейболистов. В парижских предместьях Булонь-Бианкур, Сен-Дени, Монтрей, Вильжюиф повторяют имена советских спортсменов.

Советская баскетбольная команда совершает победоносный путь по стадионам Бельгии. Со счетом 77 : 43 она выигрывает у одной из сильнейших бельгийских команд с несколько странным на наш вкус названием: «Черные дьяволы». Стиль советского баскетбола восхищает зрителей. «Насьон бельж» пишет: «Русские дали урок атлетического баскетбола». «Спорт» добавляет с ноткой радостного удивления: «Весьма приятно видеть атлетический баскетбол без какой бы то ни было грубости». Очевидно, местные «дьяволы» не балуют своих земляков корректным стилем игры.

Июль, спортивный месяц, особенно насыщен международными встречами. Впервые через сорок один год после олимпиады 1912 года Швецию посетили русские легкоатлеты. Разыгрываются так называемые «июльские игры» в честь 700-летия Стокгольма. Советские

На озере Баугсверде. Московские студенты И. Булдаков и В. Иванов, выигравшие первенство Европы на безрульной двойке.

Команда советских легкоатлетов в Швеции. Бегун А. Ануфриев (первый слева) и тренер Д. Марков (первый справа) беседуют со шведскими спортсменами. Второй слева — мировой рекордсмен в беге на 5 тысяч метров Гундер Хэгг.

спортсмены, прибывшие с визитом дружбы, почти не сходят с пьедестала почета. В забеге на 5 тысяч метров первым приходит Александр Ануфриев. Королевский стадион становится ристалищем для метательниц диска Нины Пономаревой и Нины Думбадзе. Газета «Свенска дагбладет» кратко констатирует: «Русские участвовали в десяти видах состязаний и одержали десять побед».

В те же июльские дни Москва радушно встречала своих гостей — спортсменов. На Москве-реке соревнуются гребцы пяти стран. В бассейне венгерские, немецкие и советские пловцы состязаются по прыжкам в воду. Идут шоссейные гонки венгерских и советских велосипедистов. Наши футболисты встречаются с представителями Чехословакии и Швеции. Венгерские теннисисты проводят совместные тренировки с советскими спортсменами.

Следующий месяц, август, был еще более богат международными встречами. Советские тяжелоатлеты приезжают в Стокгольм, чтобы в числе спортсменов девятнадцати стран принять участие в соревнованиях на первенство мира по штанге. Превосходство наших штангистов обозначилось сразу же. Атлет легчайшего веса Иван Удодов не нашел достойного соперника на помосте и уверенно завоевал золотую медаль. Состязание в полулегком весе свелось, в сущности, к борьбе двух советских атлетов: Николая Саксонова и Рафаэла Чимишкяна. Финн, бразилец, итальянец и швед далеко отстали. Аркадий Воробьев стал чемпионом мира в среднем весе.

«Свенска дагбладет» писала: «О русском превосходстве, в частности, свидетельствует тот факт, что советские спортсмены, как правило, вступали в борьбу, когда остальные участники уже достигали своего лучшего результата и заканчивали выступление...»

Команда наших штангистов, обогнав американцев, вышла на первое место.

В нескольких километрах от Копенгагена, на озере Баугсверде, в эти августовские дни гребцы СССР, состязаясь со спортсменами девятнадцати стран, завоевали 11 золотых и 7 серебряных медалей, закрепив за собой командное первенство Европы. А в другом конце Европы, в Бухаресте, на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов, наши спортсмены все в те же августовские дни установили два новых мировых рекорда, завоевали 202 золотые медали.

Но спортивный август и на этом не закончился. На стадионе «Динамо» состоялись игры с футбольными командами Индии и Албании. Команда «Спартака» выехала в Будапешт для встречи с футболистами спортивного общества «Гонвед». Наконец, тогда же в Швейцарии начался международный шахматный турнир претендентов на матч с чемпионом мира М. Ботвинником, закончившийся, как известно, блестящей победой русского гроссмейстера Василия Смыслова.

Сентябрьские международные состязания приносят два новых мировых рекорда в эстафетном беге 4×100 и 3×800, установленные советскими легкоатлетками на стадионе Будапешта. Юрий Литуев в барьерном беге на 400 метров побил мировой рекорд американца Г. Хардина, продержавшийся около 20 лет.

В октябре еще один мировой рекорд! Его устанавливает в Швеции Галина Зыбина, толкнув ядро на 16 метров 20 сантиметров.

На стадионе «Бишлет» в Норвегии соревнуются наши и норвежские легкоатлеты, после чего газета «Ворт ланд» пишет: «Русские спортсмены продемонстрировали свой высокий класс, но у них было слишком мало достойных конкурентов среди норвежских спортсменов».

Румыны, австрийцы, венгры и финны вели борьбу с советскими футболистами на зеленых полях Москвы, Тбилиси и Ленинграда, а в это время команда советских гимнастов,— бесспорно, сильнейшая в мире — выступала на стадионах Китайской Народной Республики, вызывая всеобщее восхищение.

Так выглядит карта международных встреч этого замечательного, еще не закончившегося года. И сейчас, когда советская спортивная слава прошумела во всем мире, такими наивными кажутся давние споры о том, к чему должен стремиться советский спорт — к установлению рекордов или к развитию массовости спортивного движения. Принятое в 1948 году постановление ЦК партии по вопросам физкультуры и спорта показало, что одно немыслимо без другого. Из массовости и выросло замечательное мастерство советских спортсменов. Отстают в своем развитии как раз те виды спорта, которые еще не получили широкого распространения (теннис, конный спорт, фехтование). Здесь не из чего родиться новому качеству: нет количества.

Стремительный рост наших спортсменов застиг врасплох некоторые зарубежные круги. «...успех советского спорта был расценен, как чудо,— пишет итальянский спортивный обозреватель А. Гирелли,— и специалисты всего мира принялись за работу, пытаясь найти «секрет» успехов спортсменов СССР».

Мы не скрываем, в чем «секрет» наших успехов. «Чудо» советского спорта имеет совершенно реальный источник — тот же, что и другие «чудеса», поражавшие и поражающие ограниченное воображение буржуазных наблюдателей, — «чудо» индустриализации, «чудо» Сталинграда. Этот источник — преимущество социалистического общественного строя, огромное внимание, которое уделяют партия и правительство физическому совершенствованию нашей молодежи. Рост народного благосостояния, рост культуры, дружба, связывающая народы нашей страны, любовь и внимание, которыми окружает советский народ своих лучших спортсменов, — вот атмосфера, благоприятствующая развитию и умножению всяких талантов, в том числе и спортивных.

Есть в Советской стране одна многолюдная «команда». У нее нет тренера. Тем не менее ей тоже принадлежит некий мировой рекорд. Это многомиллионная «команда» зрителей.

«Десятки тысяч зрителей, присутствовавших на играх,— говорит В. Темков, тренер баскетбольной команды Болгарии,— показали себя самыми знающими, самыми объективными, самыми щедрыми, но в то же время и самыми взыскательными и строгими судьями, которых нам когда-либо приходилось встречать».

Зритель сам себя не видит. Зато его видит спортсмен. А главным образом слышит. Когда 80 тысяч человек на стадионе «Динамо» исторгают согласный вздох сожаления или возглас протеста, ободрения, упрека и восхищения, спортсмены отнюдь не остаются равнодушными к этим проявлениям массовых чувств, мощных, как гул моря.

Президента датской баскетбольной федерации Педерсена поразила следующая подмеченная им черта нашего зрителя:

«Радует принципиальность советских зрителей. Капитан советской команды Отар Коркия — их любимый игрок. Но ему не прощают даже малейших промахов».

Взыскательные к своим игрокам, советские зрители, как радушные хозяева, приветствуют успехи гостей и сочувственно относятся к их неудачам.

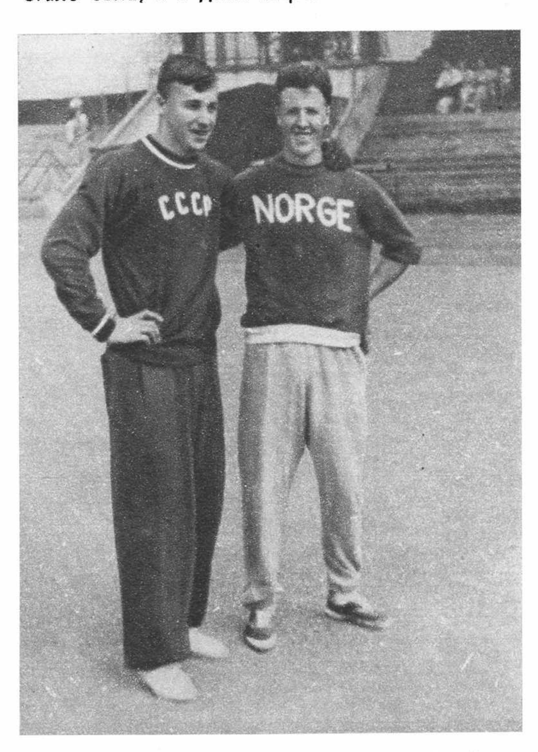
«Может быть, именно потому, — заявляет Чандра Гуха, президент Восточно-Бенгальского клуба, — что наши футболисты были значительно слабее в физическом отношении, а игру их далеко нельзя было назвать удовлетворительной, даже после тяжелого поражения они не слышали от советских зрителей ничего, кроме подбадривания и оваций...»

Качества советского зрителя — это качества советского гражданина, страстного, но беспристрастного, требовательного, но справедливого.

Для советских людей международные встречи — это акт спортивного состязания, но в то же время акт творческого сотрудничества. В спортивной борьбе с особой интенсивностью оттачивается и совершенствуется мастерство. Каждая состязающаяся сторона является для другой не только соперником, но и как бы лидером, как мотоциклист на велогонках.

Спортивные связи — дружеские связи. Все более прочными становятся нити дружбы спортсменов всех стран. И вместе со спортсменами СССР крепят эту дружбу борцы Италии и Швеции, футболисты Австрии, Румынии и Индии, пловцы и легкоатлеты Венгрии, боксеры Польши, гребцы Дании и бегуны Чехословакии. Именно это стремление к дружескому единству и выразил тренер египетской баскетбольной команды Мухаммед Хабиб, заявивший: «И я молю аллаха о том, чтобы он укрепил узы дружбы и братства между русским и египетским народами».

Каждая международная спортивная встреча — это вклад в дело дружбы народов, а стало быть, и в дело мира.

Советский легкоатлет метатель молота М. Кривоносов и рекордсмен мира по метанию молота норвежец С. Страндли.

ТАК ЖИВУТ В СЕЛЕ НИКОЛЬСКОМ...

В. СОЛОУХИН

Фото Я. РЮМКИНА.

Стоял один из тех дней, за которые любят позднюю осень. С утра на траве пушистый хрустящий морозец. В воздухе так свежо, что слегка зябнут руки. Однако уже к полудню становится жарко, и весь день всюду господствуют два цвета: синий — небесный — и золотой — лесной.

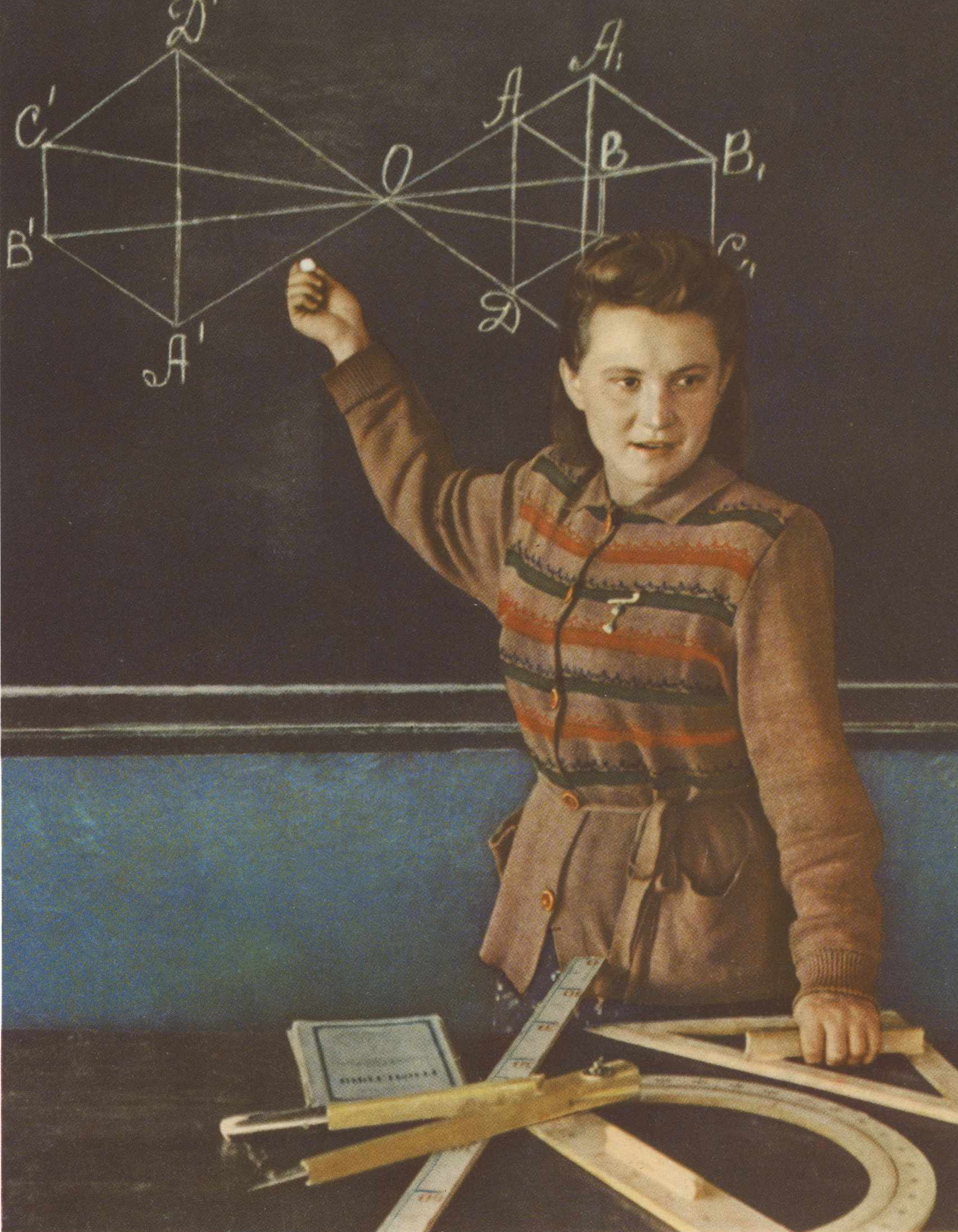
Среди торжественного золота и в устоявшемся безмолвии осени мчалась наша машина. Мы оживленно разговаривали.

— Традиция — великое дело! — горячился наш спутник. — Мне на своем веку приходилось видеть целые деревни и даже районы, где люди неплохо жили, но не обращали никакого внимания на свои постройки и на быт вообще. Едят сало, а ютятся черт знает в какой норе под соломой. И при этом говорят: «Так, мол, от дедов повелось!»

— Чепуха! — вступил в разговор шофер. — Это что же за традиция такая — жить в грязи и под соломой?

Шофер, видимо, почувствовал, что слишком резко оборвал своего пассажира, ибо продолжал уже мягче:

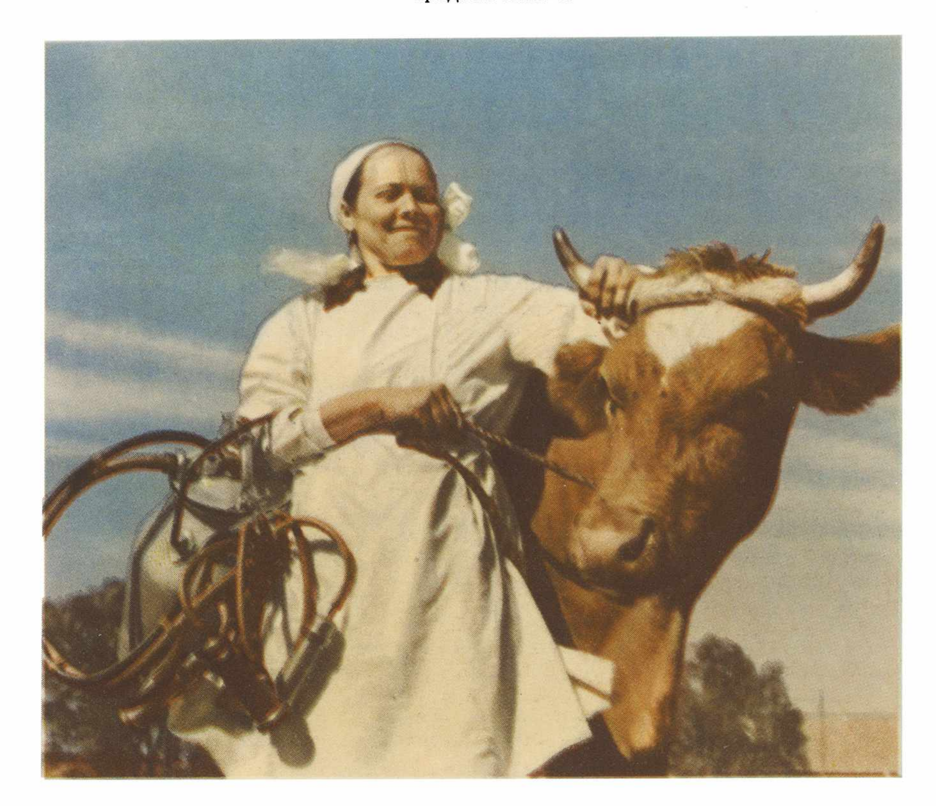
— Нет, я по-другому рассуждаю. Живет себе человек, и не хватает ему хлеба. О чем такой человек думает? О хлебе и только о нем. Солома с крыши сползла — пусть ползет. Прясло упало — а пусть себе падает: не до прясла, если в животе пусто. А вот другой человек: пообедал он жирными щами да кашей, на завтра тоже осталось. К сытому и мысли другие идут. Главное, что глаз у него не в

Молодежь села уезжает учиться в города, но многие потом возвращаются в свой колхоз. Так сделала и Зоя Павловна Астахова. Она окончила Пензенский педагогический институт, а теперь преподает математику в Никольской средней школе.

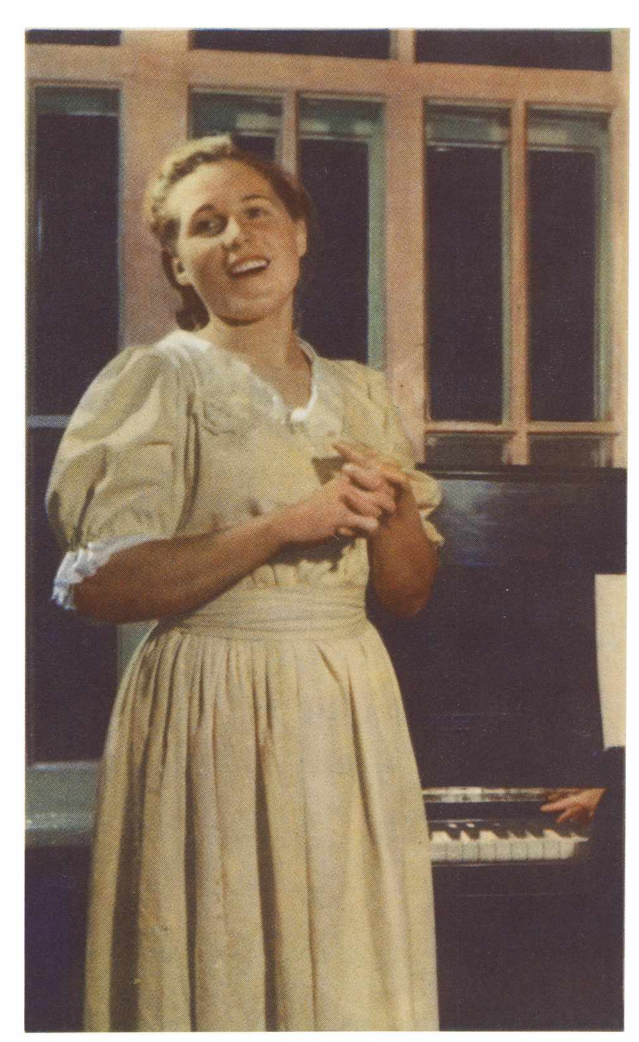
Колхозница Т. И. Маркеева показывает главному агроному колхоза Г. П. Крутякову выращенную ею капусту.

В часы досуга многие колхозники занимаются фотографией. Тракторист-фотолюбитель А. П. Мержаков фотографирует своих односельчан.

В колхозе два клуба; в них молодежь охотно проводит свободное время и принимает участие в самодеятельности. На снимке: колхозница Валя Дубова исполняет народные песни.

Всю свою жизнь колхозница Акулина Яковлевна Горшкова носила воду из колодца, расположенного далеко от ее дома. Теперь в колхозе проведен водопровод.

Старый колхозник Б. П. Горшков — постоянный читатель библиотеки села Никольского. Библиотекарь Валя Терехова знакомит его с новыми книгами.

блюдо уставлен, а вокруг себя видит, и сразу, где какой непорядок, все такой человек старается исправить. Деревья он около дома сажает, смотрим, и велосипед завел, а там и книги и прочее. А что ж? Сытому человеку до всего интерес. А вы как думаете? — обратился он к нам, заранее уверенный в своей правоте.

— Думаем, вряд ли вы правы на сто процентов. Если бы это было только так, то самыми культурными людьми были бы русские купцы, ибо кто ел больше их? Вопрос о культуре сложный, но в том, что всякая культура может развиваться лишь на прочной материальной базе, — в этом вы, конечно, правы. А уж если серьезный разговор начинать, так давайте начнем его с общественного строя, при котором живем...

— Вот это правильно, — согласился другой наш спутник. — Взять хоть бы культуру колхозного села. Вы в Никольское, кажется, едете? Любопытное в этом смысле село. Еще не так давно оно славилось своими лаптями, как и вообще наша Пензенская область.

...Стремление вытянуться в полоску свойственно многим селам, расположенным вдоль рек и речек. Каждый хозяин норовит выстроить свой дом поближе к воде. Так и растянулось по берегу реки Труёв село Никольское. В ширину — всего две улицы, а в длину от конца конца не увидишь — девять километров. Противоположный берег реки высокий, с выходом каких-то белесых пород, поросший редкой жесткой травой и сосновым лесом.

В конце дня оставалось у нас свободное время. Можно было походить по округе, осмотреться. Привлекал сосновый лес. Да и то сказать, что за лес!

Сосны, натянутые между небом и землей, звенят, как струны. В лесу много полян, и это делает его особенно живописным. Сосны на полянах особые — коренастые, узловатые, с могучей кроной. Местами на больших полянах почва искусственно взрыхлена, там растут сосенки-малыши, должно быть, недавно посаженные. И всюду в лесу так чисто, так опрятно и светло, как в хорошо прибранной комнате. Культурный лес, сразу же мелькает мысль. Наверное, в руках у заботливых хозяев. Здесь, в этом лесу, и вспомнился нам разговор о культуре колхозного села.

Ведь вот велосипеды, — их в Никольском более восьмисот, говорят, даже около тысячи. В каждом доме велосипед, а то и два. В иные часы хоть регулировщиков уличного движения ставь — так много велосипедов. Что это, потехи ради так много велосипедистов? Потому ли их много, что народ богаче стал, или тут и другие причины действуют? Ну, положим, далеко растянулось село. Так ведь оно всегда таким было. В чем же дело?

В центре села Никольского стоит на обособленной площадке двухэтажное здание с большими окнами. Это средняя школа. Учится в ней 600 человек. Тут же помещается вечерняя школа колхозной молодежи. Стоит подойти сюда во время занятий, как бросятся в глаза плотные ряды велосипедов, составленные у школы.

В Никольском два клуба, две постоянные киноустановки, колхозная самодеятельность, свой духовой оркестр. Собирается колхоз строить большой клуб, так сказать, центральный. Пришел уже и проект на четыреста мест, стали его обсуждать на общем собрании артели. Колхозники единогласно отвергли проект. Мало-де четырехсот мест. Строить так строить, пусть проектируют на тысячу!

В Никольском три библиотеки, и в них несколько тысяч томов книг русской и западной классики, политической, сельскохозяйственной, детской литературы.

И выходит, что обилие велосипедов говорит о многом. Увеличилась у колхозников потребность передвигаться по своему длинному селу: ученикам каждый день нужно в школу, читателям — менять книги, по вечерам не мешало бы сходить в кино.

Проходя по улицам села, услышали мы какую-то необыкновенную музыку: пианино не пианино, аккордеон не аккордеон, как будто даже на орган смахивает. Решили посмотреть.

В переднем углу просторной горницы стояла видавшая виды фисгармония, а играл на ней хозяин дома портной Михаил Акимович Астахов. Мы не пожалели, что зашли в этот дом: здесь помещалось своеобразное колхозное ателье. Каждый год на отчетно-перевыборном собрании колхозников утверждаются нормы оплаты за пошивку мужского и дамского платья.

Только что пущенный водопровод дает воду животноводческим фермам, на улицах села установлены колонки.

Работники сельской больницы следят за чистотой и без того опрятного села. Село разбито на «стодворики», и за каждыми «стодвориками» закреплен медицинский работник.

В Никольском много своей интеллигенции: учителя, врачи, агрономы, зоотехники, ветеринары — до 60 человек. Большинство этих людей — свои, никольские, бывшие рядовые колхозники. Они окончили сельскую школу, учились в городе, а потом вернулись работать в родное село.

В какой бы дом мы ни зашли, всюду бросались нам в глаза чистота, электричество, радиорепродукторы (в колхозе свой радиоцентр), книги. Характерная мелочь: во всех домах крашеные полы. Нет, ни культуру, ни бескультурье невозможно объяснить только традицией: не от дедов повелась эта культура, она родилась недавно, на глазах.

В трех местах вода реки Труёв остановлена, поднята и направлена к турбинам трех небольших колхозных гидроэлектростанций. Тридцать семь электромоторов работают в селе, качая воду, размельчая корма, крутя молотилки. Не это ли основа культуры?

«...Советская власть плюс электрификация...» — вспоминаются нам мудрые ленинские слова.

Вот она, основа культуры! Около четырех миллионов дохода получает колхоз со своих полей и ферм. В этом тоже основа культуры.

В селе мы на каждом шагу слышали имя председателя колхоза Ивана Дмитриевича Сарайкина. Чувствовалось, что более авторитетного человека в селе нет, что этот авторитет прочный, добытый трудом, заботами, бессонными ночами.

Километрах в восьми от города, в его лесных предместьях находятся Пензенский сельскохозяйственный институт и сельскохозяйственная средняя школа по подготовке председателей колхозов. Там мы и нашли Ивана Дмитриевича Сарайкина. Он сдавал экстерном экзамены, и было ему некогда.

Все же он сам предложил съездить на областную сельскохозяйственную выставку, где колхоз «Путь к коммунизму» занимает видное место.

— Учусь, — говорил нам Иван Дмитриевич по дороге.— Люди культурнее становятся; для того, чтобы толково и правильно руководить, тоже нужна культура. И главное, чтобы ее все время повышать и развивать!

Колхоз «Путь к коммунизму»,
Пензенская область.

Колхозный портной Михаил Акимович Астахов снимает мерку с молодого колхозника И. Т. Коннова.

37 электромоторов работают на селе. На снимке: электромолотьба конопли.

ТАЙНА ИСПОЛНЕНИЯ

Мариэтта ШАГИНЯН

Когда в сентябре 1948 года молоденькая армянка Гоар Гаспарян впервые вступила на землю своих предков, никто в Советской Армении не знал ее как певицу. Среди тысяч репатриантов и она была репатриантка, двадцатипятилетняя женщина, приехавшая вместе со своим мужем на Родину. И первые ее шаги на родной земле отнюдь не были шагами профессионала; нужно было устроиться, «создать очаг». Муж поступил на работу и ходил на службу, она родила дочку, названную древнейшим армянским именем Седа. Быть может,— я никогда не спрашивала об этом певицу — вот в этом и заключалось для нее простое человеческое счастье, которое она от души хотела украсить своим личным даром: петь для семьи, для близких, для себя.

Но в советском обществе дарование не удержишь под спудом. Вокруг все работали, каждый отдавал, что мог, народу; женщины служили, как мужчины; впервые увидела Гоар Гаспарян новых, свободных женщин в стране социализма, занятых, как и их мужья и дети, получающих за работу столько же, сколько они, женщин на университетской кафедре, в будке паровоза, в одежде милиционера — всюду. А за Гоар Гаспарян были десять лет не только учебы у двух крупных итальянских вокалистов, у Элис Фельдман, технически поставившей ей голос, и у Винченцо Каро, первого дирижера в Неаполе, прошедшего с нею сложный репертуар, современный и классический; за певицей были 1 300 концертов, данных ею с большим успехом в Каире, где она родилась и выросла.

В то время муж Гоар обратился в Комитет по делам искусств Армении с просьбой прослушать его жену, которая «выступала в Каире». И когда перед музыкантами Еревана впервые зазвенел чистый и свежий голос певицы из Египта, судьба ее сразу была решена. После первого же концерта в Филармонии слава Гоар Гаспарян, как новой замечательной вокалистки, облетела Закавказье, дошла до Москвы. Много раз сообщалась в печати и по радио и ее биография, но именно в части «египетской» как наиболее романтичной. Наш советский слушатель знает эту историю девочки, родители которой обеднели и не могли платить за ее уроки пения; и как девочка начала сама зарабатывать своим пением, чтоб оплатить уроки. Но, на наш взгляд, самая интересная часть биографии Гоар Гаспарян начинается на советской земле.

Гоар Гаспарян. Фото Е. Умнова.

Искусство пения — сложная вещь. Скрипка поет в руках человека, но скрипки бывают разные, разных мастеров, хорошие, плохие, замечательные. И в самом гениальном исполнении это качество самой скрипки всегда будет ощутимо, как бы ни была она подвластна скрипачу. Инструмент человеческого пения — горло — ставится, обрабатывается, тренируется школой; и школа бывает ощутима в любом профессиональном исполнении, как бы непосредственно ни пел певец. Но, кроме инструмента и мастерства исполнения, есть еще третий компонент, всегда, в любом искусстве присутствующий,— сам человек, не мастер, не исполнитель, а человек,— с его характером, нравственной сущностью, вкусами, судьбой. Замечательный роман «Консуэлло» Жорж Санд, знакомый советскому читателю и любимый им, с большой художественной силой показал эту долю участия характера человека в его профессиональном мастерстве: вокруг маленькой испаночки Консуэлло были очень от природы одаренные певцы и певицы, с превосходным горлом, с прекрасным голосом, но характеры у них были разные. Особенность этих характеров — честолюбие без высоких целей; тщеславие, связанное с корыстолюбием; легкомыслие, стремящееся к легкодоступному,— по-своему отразилась на отношении певца сперва к школе, потом к профессии. Мы видим в книге целую галерею портретов вокалистов, у которых характер встает помехой таланту, сперва мешая использовать школу, потом роковым образом отражаясь на исполнении, которое становится все формальней, бездушней и несовершенней.

Самая замечательная часть биографии Гоар Гаспарян — это развитие лучших черт ее характера на советской земле. Школа у нее была уже в прошлом, отличная итальянская школа пения, с упором звука «на диафрагму», как учил когда-то в Московской консерватории итальянский профессор Джиральдони своих учеников; и эта школа была отлично пройдена и освоена Гоар Гаспарян. Самые виртуозные арии со всевозможными звуковыми украшениями без слов (фиоритурами, как говорят итальянцы) она исполняла легко и без напряжения; грациозно подходила к верхнему «ля» в третьей октаве и брала его без искажения тембра своего голоса; прекрасно передавала самые сложные и быстрые речитативы итальянских опер,— словом, владела всеми возможностями своего голоса с тою свободой, какую дает хорошая школа. Но в Армении она встретилась с тем, к чему в Египте совсем не относились и не могли относиться как к предмету изучения и мастерства,— она встретилась с концертным и театральным исполнением армянской национальной музыки, выросшей из народной армянской песни.

Конечно, Гоар Гаспарян пела армянские песни и в Каире, но то были «домашние», крылатые песни, как бывают залетные и перелетные птицы, не свивающие себе прочных гнезд в пути. Никто не смотрел на такие песни как на предмет науки и искусства. Вот почему в первое время строгие ценители музыки в Армении поговаривали: да, Гоар Гаспарян — прекрасная певица, но только для европейского репертуара; армянские песни она исполняет гораздо хуже, чем наши местные республиканские певицы.

Знала ли Гоар Гаспарян об этих разговорах, слышала ли их? С присущей ее натуре простой, почти детской любознательностью и бесхитростностью она широчайшим образом, хотя без всякого шума и почти незаметно для окружающих, открыла себя, свое восприятие для нового мира, встретившего ее в Советской Армении. Родной язык, на котором она говорит с мужем и дочкой, армянский, стал связью ее с этим окружающим миром. Очень скоро не как посторонний, приезжий человек, а как хозяйка и мать Гоар Гаспарян освоила все новые для нее стороны жизни, отношения между людьми и вещами, общественные и бытовые, идеи, лежащие в их основе, встающие из книг, из музыки. Помню ее первое письмецо ко мне. Гоар Гаспарян писала о том, как хотелось бы ей, чтобы Комитет по делам искусств повез на декаду «Ануш», а не «Лакме», потому что ей очень хочется петь перед москвичами именно в армянской опере «Ануш». И видно было, что пишет это советский человек, словно и не три года, а всю свою жизнь проведший на советской земле.

Гоар Гаспарян стала петь в армянской государственной опере «Ануш», и так петь, что всякие разговоры о ее менее совершенном исполнении армянского репертуара навсегда прекратились. Чудесная, настоящая деревенская девушка из гениальной поэмы Туманяна, овеянная воздухом Лорийского нагорья, простая, любящая, трагическая, с типичными армянскими тембровыми интонациями в голосе, запела со сцены перед ереванцами, и они не могли не признать в ней подлинную Ануш. Далось ли это без всяких усилий и занятий? Думаю, что нет. Гоар Гаспарян со своей аккомпаниаторшей, прекрасной пианисткой Галиной Александровой, много и упорно работала все эти годы. Но главное все же было в характере, в той особой человечно-

сти, точнее сказать, женственности, натуры Гоар Гаспарян, которая выражается в ее открытом, доверчивом, быстро и сердечно вспыхивающем интересе ко всему окружающему, в глубине жизни, которой она живет. Не через школу, а через сердце усвоила она и народную интонацию в армянской вокальной музыке.

Между тем, как далекая, зовущая мечта,— сквозь успехи, труды и дни молодой певицы — вставала все ярче, все заманчивей мысль об истоке того нового мира, какой она видела вокруг,— о родине всего советского, сердце, откуда зажглась и засияла новая правда для человечества,— мысль о Москве. Каждый репатриант, приезжающий в Армению, рано или поздно загорается этой мыслью. Я слышала от армян-коммунистов из Болгарии, работавших на одном из ереванских заводов, горячую фразу: «Вот перевыполним план, окончим свою пятилетку в три года и получим командировку в Москву!». Старый армянин из Ирана, уже не надеявшийся отъехать далеко от порога нового своего домика, сказал, кивнув на внука: «Этот побывает, увидит Москву!..» И Гоар Гаспарян стала мечтать о Москве.

В ее репертуаре было много арий на самых разных языках. Живя в Каире, она знала немножко арабский; в семье говорила по-армянски; с заезжими туристами — по-английски; пела по-французски и по-итальянски. Мы знаем, как часто не только отдельные певцы, но и целые коллективы, приезжая в Россию и прочно оседая, исполняли свой репертуар на иностранном языке; в памяти моего поколения французский «Михайловский» театр старого Петербурга. В эпоху Пушкина и позже существовала постоянная итальянская опера. Два — три словечка, произносимые с иностранным акцентом,— вот все, что можно было иногда услышать от этих артистов по-русски. Но Гоар Гаспарян почувствовала, что понять Москву и петь в Москве без знания русского языка гражданке великого Советского Союза никак нельзя. Она взялась за учебу по-серьезному, напряженно, упорно, стала переучивать весь свой репертуар и сейчас готовит по-русски не только арии Людмилы, Антониды, Шамаханской царицы, но и западную классику. Виолетту («Травиата») и Розину из «Севильского цирульника» учит по-русски.

Натура, широко открытая для восприятия, сочетается в Гоар Гаспарян с необыкновенной щедростью самоотдачи. Трудно найти певицу, которая бы откликалась на просьбы слушателей с большей щедростью, нежели она. Хочется иной раз сказать: «Да пожалейте же свое горло, будет, довольно!» А Гоар Гаспарян выходит и выходит на бис, легко, как птица, без малейшей профессиональной расчетливости поет и поет труднейшие арии, наслаждаясь при этом сама, потому что петь для нее — значит выражать себя, утверждать себя в жизни, жить...

Москва полюбила и оценила молодую замечательную певицу. Хорошо, когда мы чувствуем в мастере вместе с большим его мастерством простого и доброго человека. Это всегда тот ключ, которым определяется и разгадывается тайна исполнения.

МЫ ИХ УЗНАЛИ в 1953

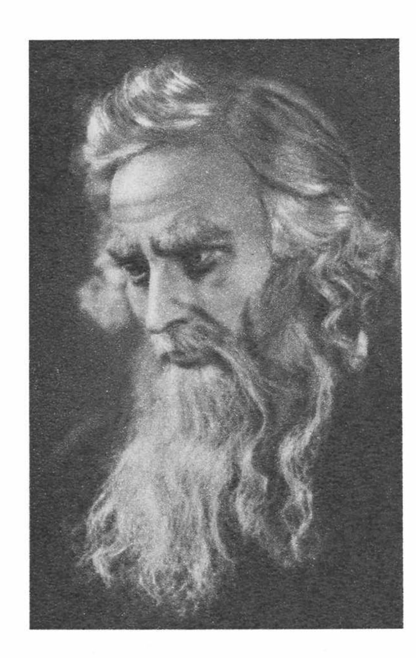
Каждый год на сценах наших театров, в архитектурных мастерских, в киностудиях, на арене цирков начинает свою творческую жизнь молодая поросль искусства... Дебюты молодых, их первые роли, первые работы окружены отеческой заботой мастеров. Так повелось лишь в советские годы — недаром одна из старейших, замечательных артисток, В. Н. Рыжова, вспоминая свои первые шаги на сцене, рассказывала: «В мое время начинающий артист рос, как молодое деревцо, питаясь исключительно соками своего таланта... Можно сказать, что режиссер бросал его как щенка в воду: он должен был сам выплыть или утонуть!»

Советская художественная школа, опыт старших товарищей, их дружеская критика и советы — все это помогает воспитанию молодых художников.

О некоторых из молодых, только что получивших широкое признание общественности, рассказали нашим корреспондентам мастера советского искусства.

Г. Вишневская — Ольга («Русалка»). Фото Н. Саховского.

Ф. Пархоменко — старый Фауст («Фауст»).

Наши стажеры

Б. ПОКРОВСКИЙ,
главный режиссер Большого театра СССР

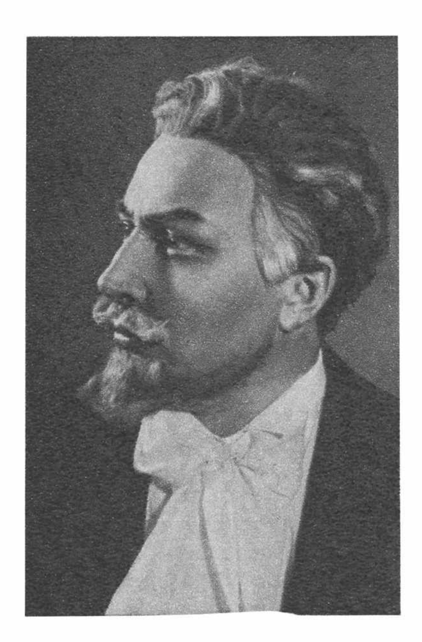
Ежегодно Большой театр пополняет свою труппу молодыми артистами — из консерваторий, художественной самодеятельности, из периферийных театров. У нас создана группа стажеров, объединяющая ныне более пятидесяти будущих мастеров оперного и хореографического искусства.

Ежегодно к нам приходят сотни молодых людей, мечтающих стать артистами. Мы отбираем по конкурсу наиболее одаренных, хотя бы и не имеющих законченной музыкальной подготовки. Стажеры занимаются под руководством педагогов, режиссеров и дирижеров Большого театра, готовят партии, дебютируют на сцене. Показавших творческие успехи после определенного испытательного срока мы переводим из стажеров в артисты Большого театра.

В прошлом сезоне москвичи впервые услыхали в «Травиате» в роли Жермона и в «Садко» — Веденецкого гостя молодого певца А. Большакова. Сейчас он вводится на роль Меркуцио в оперный спектакль «Ромео и Джульетта» и параллельно готовит партию Онегина. Бывшая артистка Ленинградской эстрады Г. Вишневская начала работу в Большом театре с выступления в маленькой роли пажа в «Риголетто». Затем она спела Стешу («Псковитянка»), Ольгу («Русалка»), а в конце октября Татьяну в опере «Евгений Онегин».

В группе стажеров Большого театра есть молодой певец — Ф. Пархоменко, он в прошлом советский воин, участник армейской художественной самодеятельности. Бывший летчик Ф. Пархоменко в годы Великой Отечественной войны сражался с гитлеровцами в Прибалтике и на подступах к Берлину.

В начале этого сезона на сцене филиала Большого театра в опере «Фауст» впервые в заглавной роли выступал Ф. Пархоменко. Его дебют прошел в общем удачно. Сейчас молодой певец готовит роль Князя в опере «Русалка». Отсутствие музыкально-сценической школы, естественно, еще сказывается на творческой работе Пархоменко, но систематические занятия помогут молодому стажеру стать в ряд с ведущими артистами Большого театра.

А. Большаков — Жермон («Травиата»).

В этом году у нас среди стажеров впервые появились и режиссеры Ю. Уженцев и Г. Ансимов и балетмейстер И. Смирнов. Все они воспитанники Государственного института театрального искусства имени Луначарского.

Молодым мастерам предоставлены широкие возможности для совершенствования и развития дарований. Большое и неослабное внимание новому пополнению оказывает весь коллектив театра.

Из актерской семьи

Н. БОРСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР

Миловидная, с толстой косой девушка непосредственна, простодушна. Как ребенок, ласкается она к «маме Васе», наивно называет ее «человеческой женщиной», и тогда на мгновение теплеет властное лицо Вассы Железновой. Вот Люда с испуганно расширенными глазами, узнав о внезапной смерти отца, с деловитой торопливостью несет цветы в комнату умершего. Восторженно рассказывает Люда своей невестке Рашели о том, как «удивительно хорошо» она живет. По-детски увлеченно бренчит на балалайке и поет «птичку божию». У этой шестнадцатилетней девушки разум и повадки восьмилетнего ребенка. Ее отец, капитан Железнов, «Людмилку напугал, и оттого она вроде слабоумной», — горестно и зло говорит Васса. Люда не понимает того страшного, что творится вокруг нее.

В роли Людмилы в пьесе М. Горького «Васса Железнова» впервые вышла на сцену Малого театра молоденькая артистка Е. Еланская. Катюша (так обычно называют ее в Малом театре) — представительница второго поколения семьи актеров. Ее мать, народная артистка СССР К. Н. Еланская, уже три десятилетия отдала Московскому Художественному театру; отец, народный артист РСФСР И. Я. Судаков,— известный режиссер.

Наш театр заботливо и любовно пестует юные таланты. В Малом театре никогда не боялись поручать молодежи ответственные роли. И каждый сезон открывает новые имена.

Сейчас Е. Еланская играет Сашу в драме Л. Толстого «Живой труп», Клару в комедии Б. Шоу «Пигмалион». В минувшем сезоне ей была поручена роль Лиды, дочери академика Картавина, в комедии Н. Погодина «Когда ломаются копья». Аспирантка-микробиолог Лида тянется к новому, вступает в борьбу с отжившим, старым, что становится на пути развития науки. Душевной свежестью веет от Лиды-Еланской, натуры чистой, цельной. Молодая актриса готовит роль Софьи в «Горе от ума» и — во втором составе исполнителей — Эмилии Галотти в одноименной трагедии Лессинга.

«Когда ломаются копья» Н. Погодина. Лида Картавина — Е. Еланская.
Фото М. Сахарова.

«Русский перепляс». Слева направо: Андрей Климов, Владимир Шубарин, Петр Сорокин.
Фото С. Косырева.

Русский перепляс

Т. УСТИНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Плавный, медлительный женский танец, когда девушки, словно лебедушки из старинной сказки, плывут в хороводе, сменяется удалой мужской пляской, со стремительными движениями, с присядкой, прыжками, дробным постукиванием каблуков...

Три солиста народного хора имени Пятницкого — А. Климов, П. Сорокин, В. Шубарин — выступали на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте. Ежедневно, часто по два — три раза, плясали они на площадях и в парках румынской столицы, на сцене прекрасного нового здания Оперного театра.

«Русский перепляс» с его замысловатыми коленцами, жизнерадостный, полный задора и юмора, вызывал общее восхищение. Три танцора в красной, зеленой и синей вышитых рубашках как бы соперничали между собой: каждому хотелось переплясать другого, удивить ловкостью и мастерством. Увлекаясь пляской, танцоры то прыжком взмывались ввысь, будто застывая в воздухе, то падали вниз, на одно колено, то пускались вприсядку. Бесконечно кружились они волчком.

На фестивале Климову, Сорокину и Шубарину была присуждена первая премия по народному танцу.

Андрей Климов пришел к нам шестнадцати лет из художественной самодеятельности Автозавода имени Сталина. Петр Сорокин, один из трех братьев-москвичей, тоже связавших свою творческую судьбу с нашим танцевальным коллективом, еще мальчиком увлекся русским народным танцем. Вступил Петр Сорокин в нашу группу в 1944 году.

Третий год в нашей дружной семье самый младший участник танцевального трио — восемнадцатилетний сибиряк Владимир Шубарин, в недавнем прошлом артист самодеятельного коллектива на Кузнецком металлургическом комбинате.

Молодые зодчие

И. СОБОЛЕВ,
член-корреспондент Академии архитектуры СССР

Над проектированием станций метро четвертой очереди работали известные советские архитекторы. Проводился специальный конкурс, в котором приняли участие и только что окончившие институт И. Покровский, Ф. Новиков, В. Егерев и М. Константинов, связанные тесной дружбой еще со студенческой скамьи. Конкурсным проектом в свободное от работы время они занимались со всей юношеской страстностью, творческим пылом. Настойчивость, постоянная требовательность к себе, поиски все новых и лучших вариантов принесли молодым зодчим заслуженный успех: в итоге трех туров конкурса их проект был признан лучшим.

Теперь творческий замысел молодых архитекторов воплощается в станции метро четвертой очереди «Краснопресненская», которая скоро будет пущена в эксплуатацию. Молодые архитекторы нашли оригинальное решение проекта: ритмично расположенные арки поддерживают своды тоннеля и перекрытия пролетов между пилонами.

Контрасты темного блестящего пола, темнокрасного мрамора колонн, беломраморного карниза и ослепительно белого потолка, пронизанного светом, создают впечатление легкости и воздушности нового подземного дворца. В создании проекта авторы использовали драгоценный опыт русской архитектуры, советского зодчества.

Молодые зодчие — воспитанники советской архитектурной школы — активно и успешно участвуют в строительстве новой Москвы.

Близится к концу строительство 14-этажного жилого дома завода «Серп и молот» на Семеновской набережной реки Яузы. Среди авторов проекта этого дома — Ф. Новиков и И. Покровский. На Краснохолмской набережной Москвы-реки заканчивается сооружение 9-этажного жилого дома Министерства морского и речного флота; автор проекта этого здания — М. Константинов. В этом году архитектурный совет Москвы утвердил два проекта многоэтажных жилых домов, разработанные В. Егеревым.

Группа авторов проекта станции метро «Краснопресненская». Слева направо: И. А. Покровский, М. П. Константинов, Ф. А. Новиков.
Фото А. Узляна.

Три роли

С. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ,
народная артистка РСФСР

«Вы, кони, кони быстрые»,— поет цыганка Стеша, и удалая, веселая песня наполняет зрительный зал театра.

Исполнительница партии Стеши (опера Шапорина «Декабристы») артистка Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова Таисия Сыроватко еще очень

Таисия Сыроватко.
Фото А. Гостева.

молода — это всего третья ее роль на профессиональной сцене. Но ленинградцы, любители оперы, уже знают ее сильное, богатое обертонами контральто, внимательно следят за сценической судьбой певицы.

Кажется, совсем недавно проходили экзамены в классе доцента А. А. Григорьевой. В Малом зале Ленинградской государственной консерватории имени Римского-Корсакова царила напряженная тишина.

«Таисия Сыроватко», — говорит председатель комиссии, и к роялю подходит темноволосая девушка. Сочный, приятного тембра голос сразу же привлек внимание комиссии. С подкупающей чистотой исполнила певица песню С. Василенко «Ты, раздолье мое», передав в музыкальных образах широту и простор родной земли.

Будучи еще студенткой последнего курса, Сыроватко вступила в труппу нашего театра, избрав для дебюта партию Ратмира («Руслан и Людмила»). Глубокое понимание музыки Глинки, хороший вкус и музыкальность определили успех первого выступления. Вторая работа — «Гений добра» («Демон» Рубинштейна),— легко и артистично исполненная, подтвердила, что театр приобрел интересную артистку.

Творческая жизнь Таисии Сыроватко в театре еще только начинается. Ее ближайшие партии — Вани («Иван Сусанин») и Нежаты («Садко») — требуют от молодой актрисы абсолютной свободы звучания голоса в верхнем и особенно нижнем регистре; она должна окончательно избавиться от некоторой скованности сценического поведения. Путь к вершинам музыкальной классики, путь к созданию образов советской оперы труден, но в достижении их — счастье настоящего художника.

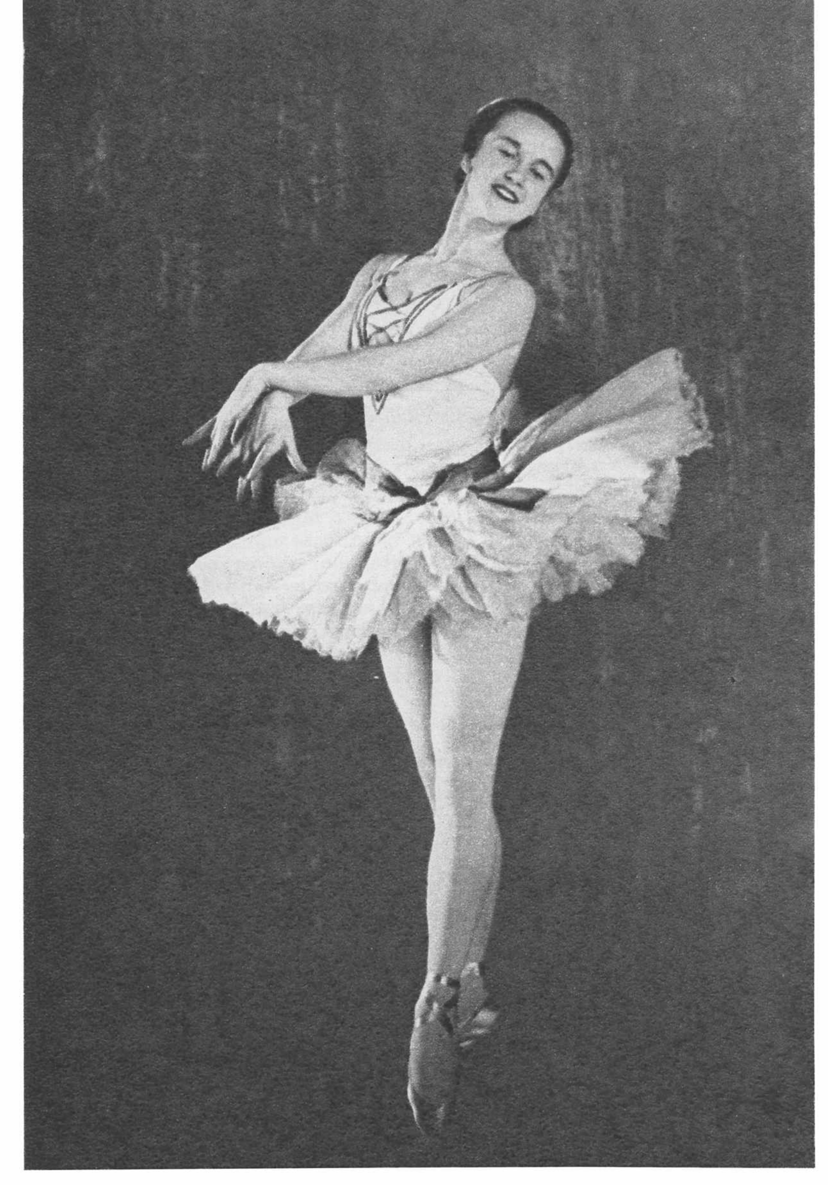
Танцовщица

Т. ВЕЧЕСЛОВА,
заслуженная артистка РСФСР

Совсем еще короток творческий путь балерины Нелли Кургапкиной. Она окончила Ленинградское хореографическое училище по классу А. Я. Вагановой — выдающегося педагога, привившего девушке постоянную требовательность к себе, неутомимое трудолюбие. Настойчиво, упорно шлифовала Кургапкина свою технику, добиваясь чистоты пируэтов, легкости бега на пальцах, свободы прыжка. Первым ее дебютом было участие в четверке маленьких лебедей в «Лебедином озере». Затем она исполняет характерную роль одной из сестер Золушки — «злюки». Смело задуманный, острый рисунок роли принес Кургапкиной общее признание.

В сезоне 1952—1953 года Нелли получает первую крупную роль — Жанны в балете «Пламя Парижа». Дуэт из этого спектакля — вместе с Г. Ледях — она недавно показала в Бухаресте, на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов. Первой премией и золотой медалью было отмечено мастерство советской артистки.

Ее старшие друзья, ее педагоги гордятся этой победой. Мы уверены: увлеченность любимым делом, неустанный труд принесут молодой танцовщице еще немало успехов и радостей.

Нелли Кургапкина.
Фото А. Гаранина.

У ковра

Борис ЭДЕР,
народный артист РСФСР

Цирковой эквилибрист и клоун Олег Попов очень молод — ему всего 23 года. Выходец из московской рабочей семьи, в недавнем прошлом слесарь, он с раннего детства увлекался ярким и праздничным искусством цирка. Частенько, возвращаясь с работы, Олег Попов пробирался в Цирковое училище, чтобы посмотреть, как готовят и воспитывают артистов советского цирка.

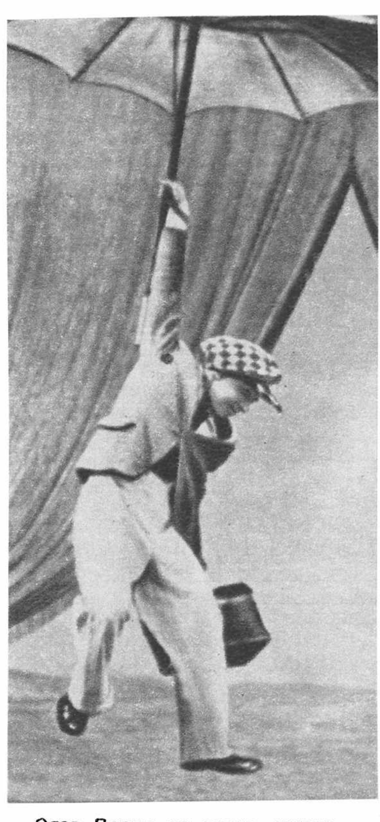
Занимаясь самостоятельно в свободные от работы часы, он успешно подготовился к вступительным экзаменам. Начались годы обучения в училище. Трудолюбивый и настойчивый юноша одновременно специализировался в акробатике и эквилибристике у педагога С. Д. Морозова и в жонглировании — у Н. П. Барзиловича.

На выпускном экзамене молодой артист продемонстрировал мастерство, артистичность, природный юмор. Он изображал новичка, впервые попавшего на проволоку и чувствующего себя здесь не вполне уверенно. Его комические трюки и мимика вызывали смех и у многочисленных старых артистов цирка, которые обычно приходят на экзамены, и у строгой экзаменационной комиссии.

Окончив училище, Олег Попов начал разъезжать по советским циркам. Овладев еще профессией комика у ковра, Попов скоро занял положение одного из лучших комических артистов. И вот на смотре молодых артистов цирка в 1952 году Олег Попов впервые выступил на арене Московского цирка, получив 1-ю категорию и почетную грамоту.

Зрители видели Олега Попова несколько месяцев назад в цветном художественно-документальном фильме «Арена смелых», где он исполняет роль одного из комиков у ковра. На экране показано и его выступление на проволоке — в роли неуклюжего электромонтера, взбирающегося на фонарный столб.

Непринужденность, подлинная простота, все растущее мастерство Олега Попова, талантливого комика-эквилибриста, завоевали ему симпатии зрителей.

Олег Попов на арене цирка.

Званый обед

Борис ЛАСКИН

Рисунок И. Семенова.

Накануне праздника на колхозном базаре веселое оживление. Народу — не протолкнешься. Столы и прилавки ломятся от снеди. Словно и не для продажи все выставлено, а громоздится в ожидании художника, который вот-вот придет да и сядет писать натюрморт, озабоченный лишь одним: хватит ли красок на его палитре?

По заполненному проходу вдоль мясного ряда пробирается Никита Воробьев. Хмуря светлые брови, Никита задерживается у прилавка. Обе корзинки уже полны, осталось купить говядины, и не простой, а самой что ни на есть первосортной. Он так уверенно отбирает лучшие куски, что все вокруг невольно удивляются:

— Подумайте, мальчик ведь, а в курсе дела!

Никита снисходительно усмехается. Не рассказывать же всем, что, во-первых, он уже не мальчик, в октябре ему стукнуло шестнадцать лет, а во-вторых, он только что окончил с отличием школу кулинарного ученичества и на сегодняшний день является поваром второй категории.

Вернувшись с базара, Никита заходит на кухню. Неторопливо, как и положено мастеру своего дела, Никита надевает халат. Мать Мария Степановна почтительно завязывает ему тесемки на рукавах.

На кухне жарко. Горит газ, и голубые короны отражаются в надраенных боках кастрюль.

Никита приступает к делу.

Мария Степановна принимается чистить овощи, а бабушка, примостившись сбоку у стола, время от времени поглядывает на Никиту и беззвучно плачет — то ли от умиления, то ли от работы, которую ей доверил внук: она натирает хрен...

Никита дает сегодня обед. Обед особый, праздничный, званый. Отец пригласил кое-кого из друзей с завода. Придут старшая сестра с мужем, дядя с женой. Это, так сказать, люди свои...

На обеде будет присутствовать один особо уважаемый гость — Митрофан Федорович Татаринов.

Священнодействуя над кухонным столом, Никита взволнованно, даже с некоторым трепетом, думает о Митрофане Федоровиче.

Прославленный шеф-повар, старший инструктор школы кулинарного ученичества, год назад, в день пятидесятилетия трудовой деятельности, награжденный орденом Ленина, он придет сегодня на обед к Никите.

Чем он, Никита Воробьев, может удивить Митрофана Федоровича, человека, с которым не раз беседовал министр, человека, которому доводилось кормить таких знаменитых людей, что при одном воспоминании о них дух захватывает!

Никита ловко режет овощи и озабоченно качает головой.

— Ты, видать, волнуешься,— замечает Мария Степановна,— если что забыл, я напомню...

— Про гостя я своего думаю. Про Митрофана Федоровича.

— Угодишь учителю, угодишь! — успокаивает Никиту бабушка.

— Это, что ж, ты думаешь, так просто?.. Ты сколько супов знаешь, бабушка?

— Да десятка два, поди, знаю...

— Десятка два? — с преувеличенным удивлением спрашивает Никита.— А Митрофан Федорович...— он делает паузу,— знает триста супов! Устраивает?..

Бабушка и Мария Степановна, ахнув, переглядываются, а Никита, довольный произведенным эффектом, отдает распоряжение:

— Большую кастрюлю на огонь!

...Обед назначен на семь часов. Домашние в полном сборе. Отец выбрит и наряден: на нем новый коричневый в полоску костюм. Мария Степановна и бабушка в белых передниках: они помогают Никите.

Начинают прибывать гости.

Является сестра Лида с мужем Виктором. Приходят старый друг отца токарь Иван Иванович Власов с супругой, бухгалтер Василий Павлович Белкин.

— Никита, учти,— басит Виктор,— я сегодня специально не обедал...

— Аналогичное явление,— говорит Василий Павлович,— весь обеденный перерыв питался исключительно духовной пищей: в шахматы играл...

— Лично я для страховки пообедал,— улыбается Иван Иванович.

А Никита никого и ничего не слышит. Он с нетерпением поглядывает на часы. Наконец раздается звонок, и Никита встречает гостя.

Митрофан Федорович являет собой поистине величественное зрелище. Грузный, высокий, с круглой бритой головой, в черном костюме, он, не спеша, обходит гостей и здоровается с каждым. Лохматые брови его поднимаются, а седые усы топорщатся, словно они изрядно накрахмалены.

— Прошу дорогих гостей к столу! — торжественно возглашает Никита, перехватывая одобрительный взгляд, которым его дарит Митрофан Федорович.

Гости рассаживаются. Василий Павлович с удовлетворением осматривает сервированный стол:

— Красота. Первый класс. Пять с плюсом!

Никите бы впору обрадоваться, но он не отзывается на слова похвалы.

— Значит, так...— потирая руки, говорит Виктор, задерживая взгляд на тарелке с семгой,— так, значит...

Гости с видимым вожделением готовы приступить к делу, а Митрофан Федорович не торопится. Он критически, с пристрастием разглядывает холодные закуски.

— Так-с...— произносит он негромко и оборачивается к Никите: — Это что у тебя в вазочке?

— Салат из рыбы с помидорами,— четко, как на экзамене, говорит Никита.

— Попробуем...— начинает было Василий Павлович, но его останавливает Митрофан Федорович.

— Я думаю, дорогие гости,— говорит он,— нам с вами полезно будет кое-что послушать про салат из рыбы с помидорами. Говори, Никита. Мы послушаем...

— А может, мы покушаем? — настаивает Василий Павлович.— А то у нас получится теория в отрыве от практики...

Никита отвечает быстро, без запинки:

— Сварил осетрину, нарезал в охлажденном виде маленькими кусочками. Нарезал вареный картофель, свежий огурец, корнишоны. Подрезал зеленого салату. Перед подачей на стол продукты чуть подсолил, смешал с соусом майонез и уксусом...

— Понятно! — говорит Виктор и облизывает губы.

— Разрешите, Митрофан Федорович, я про украшение скажу. Я свой салат, как видите, сверху украсил икрой и листиками салата. А вот тут вразброс ломтики семги и осетрины...

— Всем видно? — спрашивает Митрофан Федорович и поднимает вазочку с салатом.

— Видно-то всем,— со значением произносит Василий Павлович и скорбно вздыхает.

— А теперь напомни нам пропорцию,— говорит Митрофан Федорович.

Никита на мгновение задумывается.

— Значит, так. На двести граммов филе рыбы — один помидор, один огурец свежий, вареного картофеля три штуки, корнишонов семьдесят пять граммов... Майонеза — полстакана, уксусу — ложка...

— Друзья,— жалобно говорит Виктор,— может быть, мы, так сказать, в порядке введения примем по рюмочке под эту вот рыбку, а потом продолжим экзамен?..

— Один момент, — вежливо улыбается Митрофан Федорович,— остановлю ваше внимание на одной мелочи. Вот возьмем с вами семгу...

— Возьмем!..— с энтузиазмом говорит Василий Павлович.

— А представь, нет семги под рукой,— продолжает Митрофан Федорович.— В наличии одна кета. Соленая. Действуй.

— Беру кету. Вымачиваю в холодной воде...

— Вы знаете,— ни к кому не обращаясь, говорит Василий Павлович,— знаете, от чего дистрофия бывает? От недоедания...

— И от недопивания,— уточняет Виктор.— Это я где-то читал...

— Ну, я вижу, мой экзамен вам аппетита добавил,— лукаво улыбается Митрофан Федорович.

Отец Никиты Антон Васильевич молча любуется сыном. Что ни говори, парень знает дело...

И, будто в ответ на его мысли, Митрофан Федорович хлопает Никиту по плечу.

— Способный малый! Ведь на нашу профессию как иногда смотрят? Мол, инженер, слесарь или, скажем, врач по уху, горлу, носу — это профессия уважаемая, а повар — это так... вроде гарнира в судьбе человека...

Митрофан Федорович обводит взглядом стол, призывно расставленные закуски и поблескивающие графинчики...

— Прошу приступать,— приглашает Никита.

Гостей упрашивать не приходится.

— С наступающим праздником! — произносит Антон Васильевич.

Звенят рюмки. Все едят с большим аппетитом. Видно, и впрямь хороши закуски, если они исчезают с такой быстротой...

На стол подается суп. Митрофан Федорович ест молча, ложку за ложкой. Никита искоса наблюдает за ним: вдруг что-нибудь не так? Мало ли что бывает: пересолишь, перцу не пожалеешь...

Митрофан Федорович одолевает тем временем тарелку супа и коротко аплодирует:

— Молодец, Никита! И вкус, и аромат, и крепость. Дома кормишь хорошо. В столовой корми не хуже. Как, уважаемые товарищи, справился ученик?

— Первый класс! — отзывается Василий Петрович; он уже малость навеселе.— Это, я считаю, не простой суп. Это суп мудрости...

— Мудрость, не знаю, а наука все же требуется, чтобы такой суп на стол подать...— Митрофан Федорович усмехается.— Лет двадцать назад один чудак в журнале написал, что, дескать, при коммунизме вся еда в таблетках будет. Одна таблетка, а в ней, к примеру, бульон, фрикассе из цыплят и пломбир. Проглотил таблетку — и сыт...

— С какой я это радости буду таблетки глотать? — морщится Иван Иванович.

— Вот и я то же думаю. Исключительно правильно сказал академик Павлов Иван Петрович,— я его, к слову сказать, кормил в Ленинграде в тридцатом году,— что нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с наслаждением. Вот это действительно золотые слова!

Снова звенят рюмки. Обед уже в полном разгаре. На столе дымится жаркое. Никита сам почти ничего не ест. Он горд: дело его рук пользуется большим успехом.

Старик-учитель кладет ему руку на плечо.

— Так вот, брат Никита! Живем мы с каждым годом лучше, веселее... Вот ты и давай обеспечивай человеку наслаждение на своем участке! Понятно?

— Понятно, Митрофан Федорович,— весело отвечает Никита,— буду стараться!..

За окном в темном ноябрьском небе вспыхивает разноцветное многоточие лампочек. Это украшенный к празднику город зажигает свои огни.

Из книги «Младший брат»

А. БАРТО

Рисунки Н. Жукова.

ДОМ ПРОСНУЛСЯ НА ЗАРЕ

Дом проснулся на заре,
Слышно, как пила
Зазвенела во дворе,
Голос подала.

Слышно, как топор стучит...
Замолчал топор,
Завели дрова в печи
Тихий разговор.

Чайник в комнате запел:
— Я готов! Я закипел!
Пей горячий чай,
Чайник выключай!

Дремлет маленький Андрей,
Слышит он сквозь сон
Бой часов, и скрип дверей,
И посуды звон.

К этим звукам, голосам
Младший брат привык.
Громче всех кричит он сам,
Слышен в доме по утрам
Звонкий детский крик.

СТРАШНАЯ ПТИЦА

На окошко села птаха,
Брат закрыл глаза от страха.
Это что за птица!
Он ее боится!

Клюв у этой птицы острый,
Встрепанные перья.
Где же мама! Где же сестры!
Ну пропал теперь я!

— Кто тебя, сынок, обидел! —
Засмеялась мама. —
Ты воробушка увидел
За оконной рамой.

ПОГРЕМУШКА

Как большой, сидит Андрюшка
На ковре перед крыльцом.
У него в руках игрушка —
Погремушка с бубенцом.

Мальчик смотрит —
что за чудо!!
Мальчик очень удивлен,
Не поймет он: — Ну откуда
Раздается этот звон!

В ЧЕСТЬ АНДРЕЯ

Дуб качает головою,
Сосны ветками шумят,
И осыпан мокрой хвоей
По утрам осенний сад.

Но сегодня, в честь Андрея,
Стало солнышко добрее,
Нынче мальчику полгода,
Нынче ясная погода.

В честь Андрюши будут пляски.
Ребятишек полон двор.
Мальчик смотрит из коляски
На танцующих сестер.

Он сидит, как зритель в ложе,
У него в руках букет.
Он и сам сплясал бы тоже,
Да устойчивости нет!

МАМА УХОДИТ НА РАБОТУ

Сын узнаёт родителей.
Не так уже он мал!
Но маму в темном кителе
Сегодня не узнал.

Всегда он с мамой ласков,
А тут глядит волчком:
Уйдите от коляски,
Я с вами не знаком!

— Это мама в форме! —
Ему твердит сестра. —
Дежурить на платформе,—
Работать ей пора.

Но, громко возражая,
Он принялся орать:
Здесь женщина чужая,
А не родная мать.

Но сердце ведь не камень!
Не сердится Андрей:
Узнал он голос мамин
И потянулся к ней.

КУПАНИЕ

Купание! Купание!
Полон дом народу!
Целая компания
В кухне греет воду.

А мама в белой юбке,
Как капитан из рубки,
Дает команду бодро:
— Скорей несите ведра,
Мыльницы и губки!

Удивляет братца
Вся эта суматоха.
Зачем ему купаться!
Ему и так неплохо!

В ванне умный малый
Только щурит глазки:
Тут лежать, пожалуй,
Лучше, чем в коляске!

ДЕТСКАЯ ПЕРЕДАЧА

Утром звонко, голосисто
Распевает радио,
Льется песенка горниста,
Пионеров радуя.

Сестры очень любят обе
Песни юных ленинцев,
Разговоры об учебе
Слушают, не ленятся.

Говорят они Андрюше,
Объясняют братику:
— И тебе полезно слушать,
Как учить грамматику.

И когда братишка плачет,
Нужно радио включать:
Может только хор ребячий,
Хор из детской передачи
Малыша перекричать!

ВСТРЕЧА

Не в машине легковой,
Не в подводе тряской, —
Едет брат по мостовой
В собственной коляске.

С горки на горку
По городу Загорску.

Вдруг, откуда ни возьмись,
Как принцесса в сказке,
Едет важно с горки вниз
Девочка в коляске.

Едет, как в карете,
Пышно разодета,
Бантик на берете
Розового цвета.

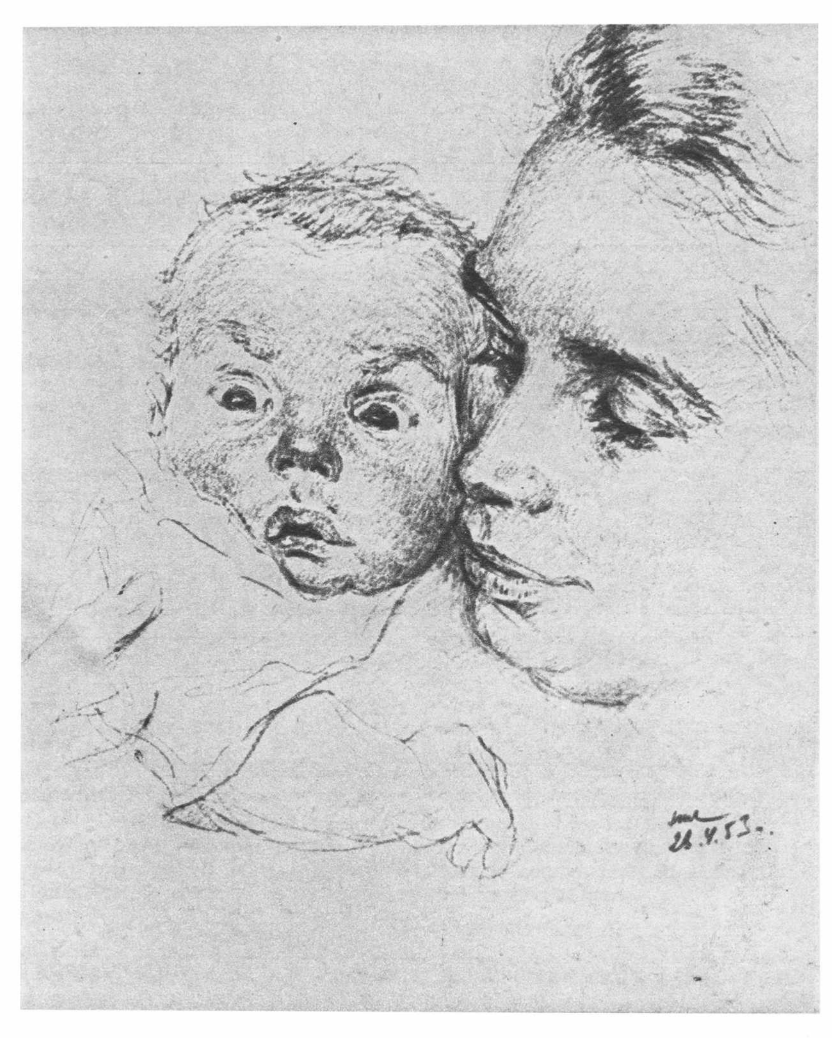
На Андрюшу бросив взгляд,
Умчалась незнакомка,
Ей вдогонку младший брат
Разревелся громко.

БАШМАКИ

Брату впору башмаки:
Не малы, не велики.

Их надели на Андрюшку,
Но ни с места он пока!
Он их принял за игрушку,
Глаз не сводит с башмака.
Мальчик с толком,
с расстановкой
Занимается обновкой:
То погладит башмаки,
То потянет за шнурки...

Сел Андрей и поднял ногу,
Языком лизнул башмак...
Ну, теперь пора в дорогу,
Можно сделать первый шаг.

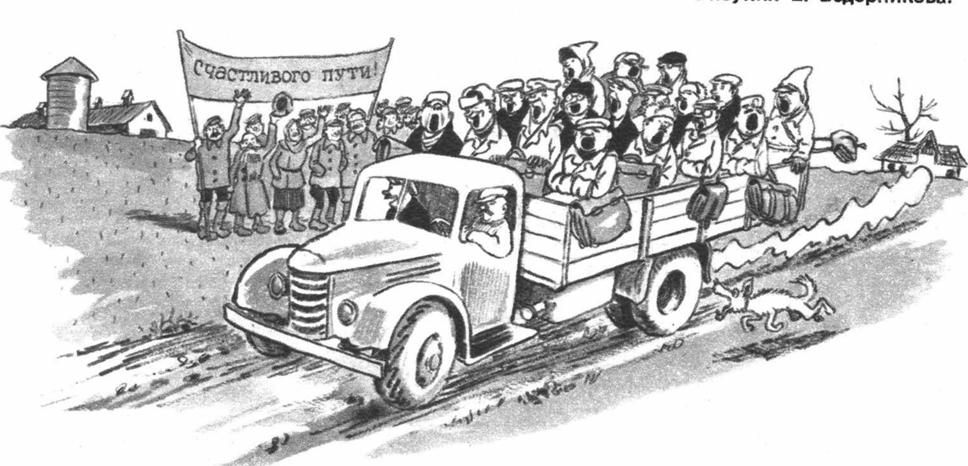

— Кто тебя, сынок, обидел? —
Засмеялась мама.

Ты воробушка увидел
За оконной рамой.

ВЕСЕЛЫЕ ПРОВОДЫ

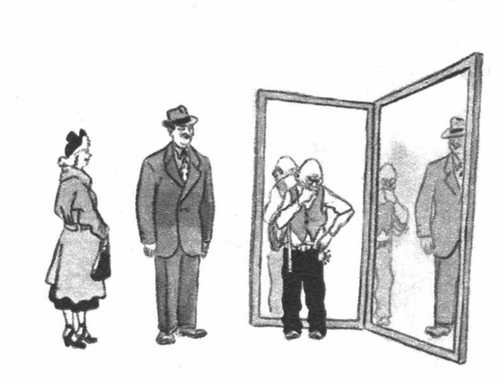
Рисунки Е. Ведерникова.

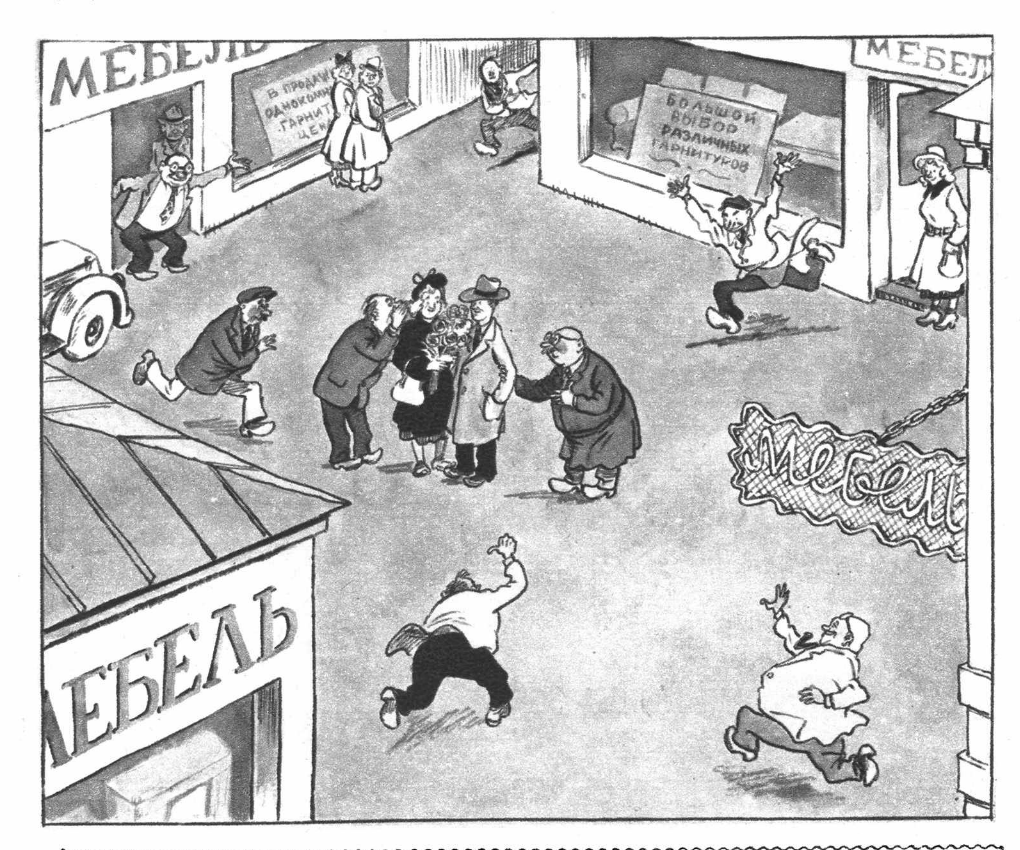

18 уполномоченных, находившихся в колхозе «Прекрасный уголок», выехали из колхоза с пением популярной песни «Будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому...».

НЕДАЛЕК ДЕНЬ, КОГДА...

Пошивочное ателье «Вечность» стало выполнять заказы в трехдневный срок.
— Вы уж простите,— говорит портной довольному заказчику,— быстрее никак не могли сделать: очень уж теперь высокое качество требуется.

Едва новобрачные вышли из загса, как их окружили представители мебельных магазинов, наперебой предлагая различные гарнитуры красивой и недорогой мебели.
— Спасибо, спасибо,— отвечают молодожены,— мы уже сделали заказ по телефону.

В этом номере на вкладках: репродукции картин К. Ф. Юона «Взятие Кремля», А. И. Сегала «Первый декрет Советской власти о мире», Д. А. Налбандяна, В. Н. Басова, Н. П. Мещанинова, В. А. Прибыловского, М. А. Суздальцева «Власть Советам — мир народам» и четыре страницы цветных фотографий.

«Огонек» отвечает

ПОЛЕТ С ПАРАШЮТОМ

Летчик убавил скорость, приглушил мотор, и самолет словно повис в воздухе. От самолета отделилась черная точка, через мгновение над ней раскрылся белый купол парашюта. Но в этот момент произошло нечто неожиданное: вместо того, чтобы продолжать спуск и через минуту — другую приземлиться, парашютист стал быстро подниматься вверх и исчез в облаках.

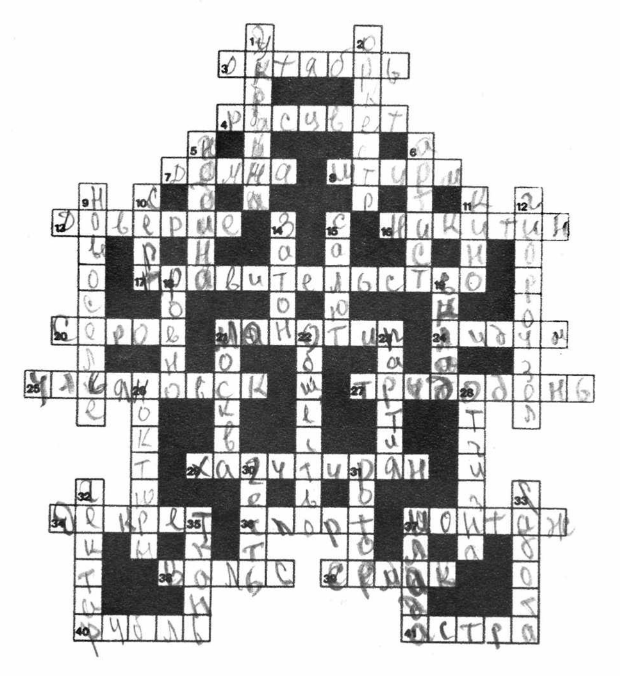
Так однажды рассказывал своим друзьям читатель «Огонька» А. Розенблюм из города Борисова, Минской области, но ему не поверили.

Тов. Розенблюм обратился в редакцию «Огонька» с просьбой подтвердить возможность такого случая.

Научный сотрудник Института геофизики Академии наук СССР, кандидат технических наук Н. Н. Танцова сообщила редакции:

«В рассказе ничего невероятного нет. Дело в том, что даже соседние участки земной поверхности, в зависимости от их рельефа и состава почвы, нагреваются солнцем неравномерно. Неравномерно нагревается и воздух над ними. При этом часть воздуха в приземных слоях может стать значительно теплее, вследствие чего она начинает подниматься, «всплывать» восходящим потоком, иногда очень сильным. Этими потоками, в результате которых образуются кучевые облака, пользуются планеристы, набирая высоту и совершая далекие полеты. Таким сильным восходящим потоком, видимо, был подхвачен и прыгнувший с самолета парашютист, как только купол его парашюта раскрылся».

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Советский журнал. 4. Высшая степень развития. 7. Печь для выплавки чугуна. 8. Решительная атака. 13. Уверенность в добросовестности, правильности. 16. Автор романа «Северная Аврора». 17. Орган государственной власти. 20. Советский художник. 21. Наборная машина. 24. Коммунист-подпольщик в романе В. Лациса «К новому берегу». 25. Областной город в РСФСР. 27. Единица учета труда колхозников. 29. Советский композитор. 34. Постановление верховной власти. 36. Физические упражнения. 37. Сборка и установка машин, сооружений. 38. Танец. 39. Название ледокола. 40. Денежная единица. 41. Садовый цветок.

По вертикали:

1. Советская республика. 2. Группа музыкантов. 5. Время, ознаменованное важными общественными событиями. 6. Работник искусств. 9. Празднование по случаю переезда на новую квартиру. 10. Сельскохозяйственное ручное орудие, входящее в эмблему труда. 11. Вид искусства. 12. Совокупность гидротехнических устройств. 14. Место стоянки и ремонта речных судов. 15. Приветствие. 18. Город в УССР. 19. Деньги, внесенные на хранение. 21. Столица. 22. Форма объединения людей. 23. Политическая организация. 26. Небольшое лирическое музыкальное произведение. 28. Родина. 30. Достоинство. 31. Вращающаяся часть машины. 32. Мера земельной площади. 33. Труд. 35. Материя. 37. Опера Н. А. Римского-Корсакова.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 44

По горизонтали:

1. Опал. 4. Пядь. 8. Мерило. 9. Руслан. 10. Конотоп. 12. Назаров. 13. Вокзал. 14. Атом. 16. Ковш. 17. Кисловодск. 19. Оглавление. 22. Туба. 23. Явор. 24. Термит. 26. Деление. 27. Ермолай. 28. Мериме. 29. Трение. 30. Мазь. 31. Лицо.

По вертикали:

2. Пригорок. 3. Леонов. 4. Портал. 5. Достаток. 6. Веронал. 7. «Мазовше». 11. Подлежащее. 12. Накопление. 15. Минога. 16. Ксения. 18. Стрелец. 19. Облепиха. 20. Европеец. 21. Армавир. 24. Тигель. 25. Тротил.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04166. Подп. к печ. 31/X 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 872. Заказ № 2680. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Нахимовцы на историческом крейсере «Аврора».

Фото Я. Халипа.

Цена номера 3 руб.